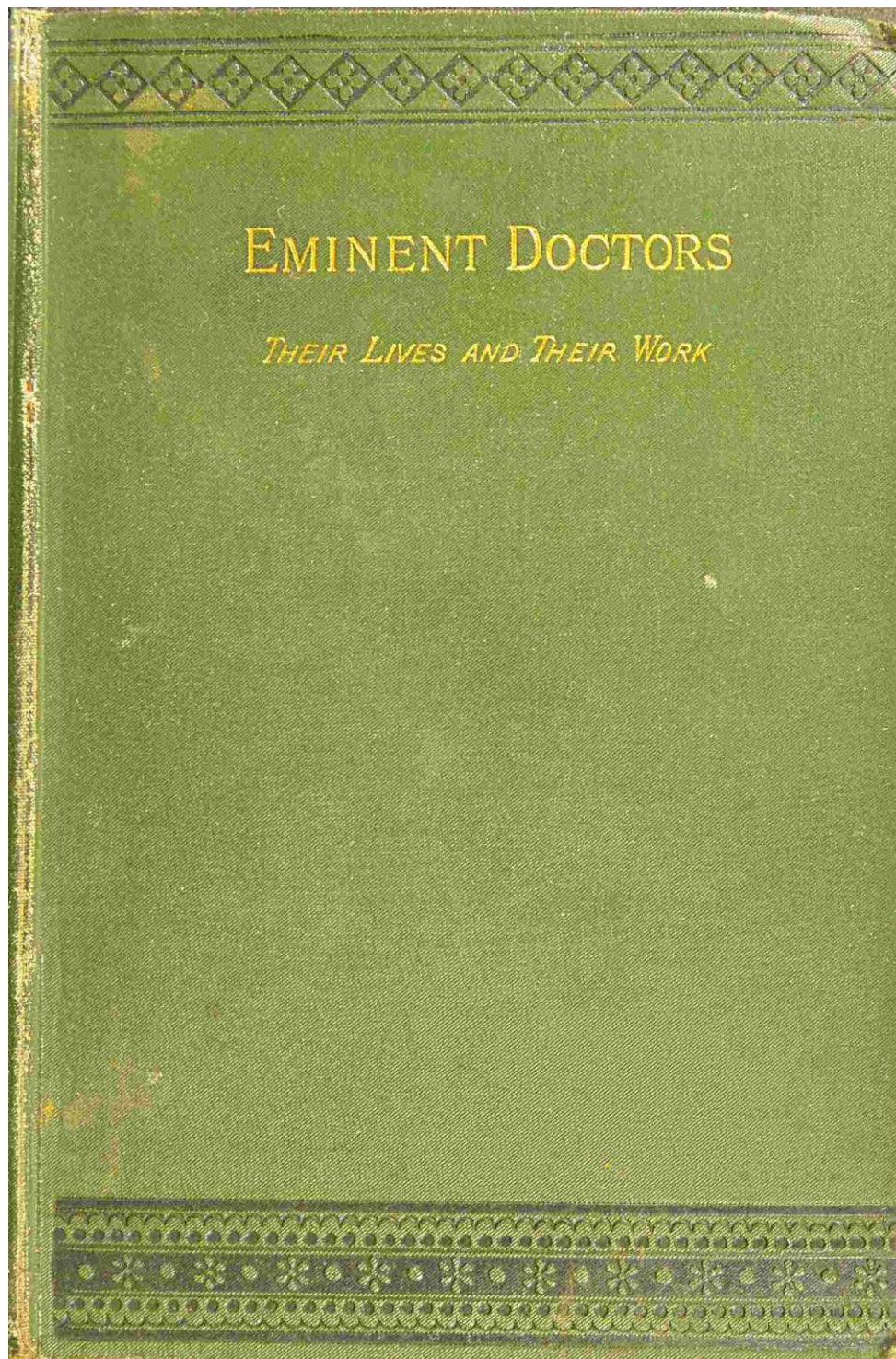

Выдающиеся врачи: их жизнь и их работа. Том 1 из 2

Г. Т. Беттани

Электронная книга проекта "Гутенберг" выдающихся врачей: их жизнь и их работа; Том 1 из 2

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и в большинстве других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Выдающиеся врачи: их жизнь и их работа; Том 1 из 2

Автор: Г. Т. Беттани

Дата выхода: 22 ноября 2022 г. [Электронная книга № 69406]

Последнее обновление: 19 октября 2024 г.

Язык: Английский

Оригинальная публикация: Великобритания: Джон Хогг, 1885

Авторские права: Боб Тейлор, Эммануэль Аккерман и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ВЫДАЮЩИЕСЯ ВРАЧИ: ИХ ЖИЗНЬ И ИХ РАБОТА"; ТОМ 1 ИЗ 2 ***

ВЫДАЮЩИЕСЯ ВРАЧИ.

Баллантайн Пресс

BALLANTYNE, HANSON AND CO.
ЭДИНБУРГ И ЛОНДОН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ВРАЧИ: их жизнь и их работа.

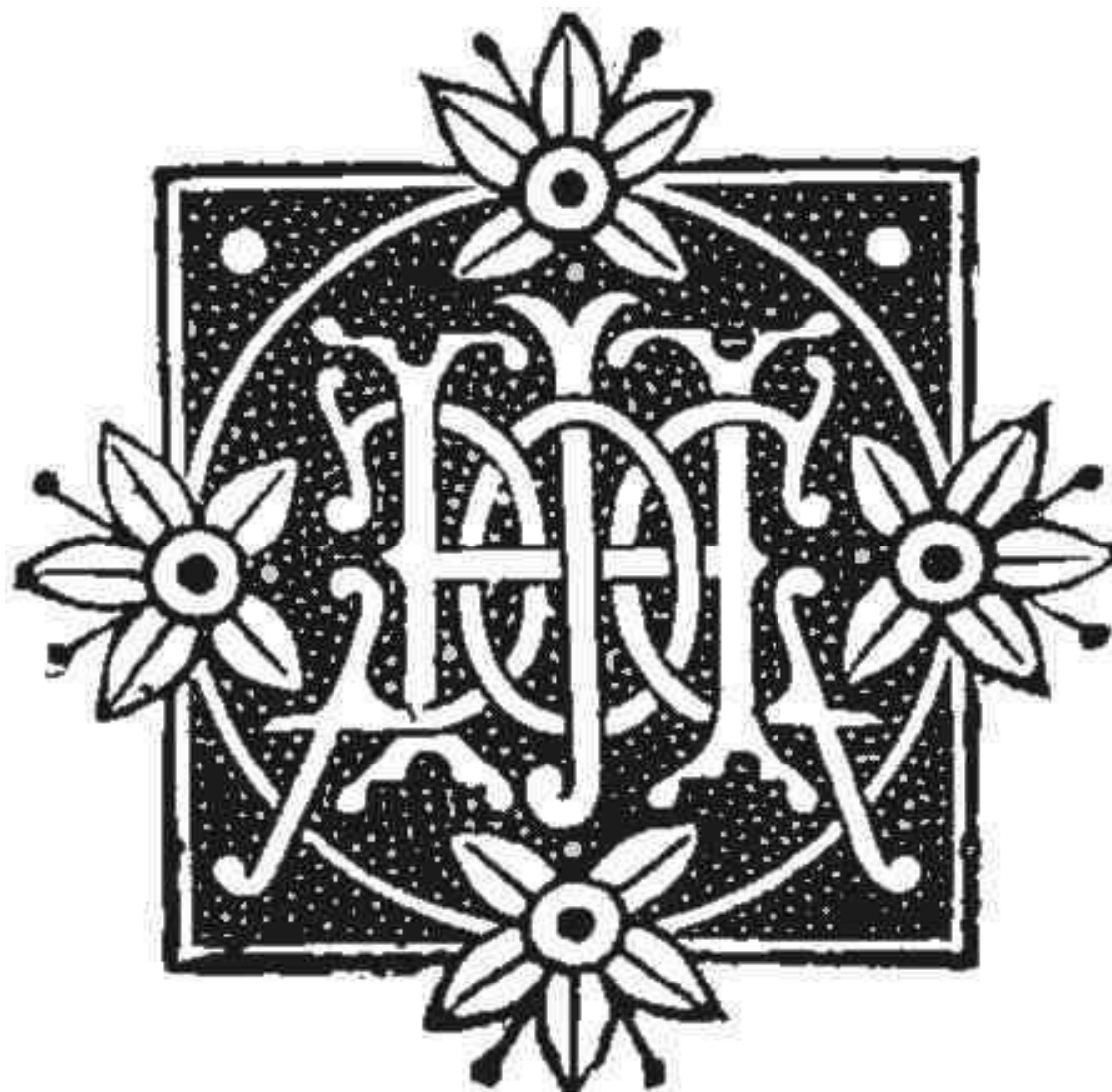
Г. Т. БЕТТАНИ, магистр (Camb.), B.Sc. (Lond.), F.L.S.

АВТОР КНИГ "ПЕРВЫЕ УРОКИ ПРАКТИЧЕСКОЙ БОТАНИКИ", "ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ФИЗИОЛОГИЯ" И ДР. И ПРЕПОДАВАТЕЛЬ БОТАНИКИ В МЕДИЦИНСКОЙ ШКОЛЕ БОЛЬНИЦЫ ГАЯ.

"Для меня есть невыразимое очарование в жизни хороших, храбрых, образованных людей, единственной целью которых было и остается облегчение боли и спасение жизни".

—Г. А. Сала.

В ДВУХ ТОМАХ.
ТОМ I.

ЛОНДОН:
ДЖОН ХОГГ, ПАТЕРНОСТЕР-РОУ.

[Все права защищены.]

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Биография врача не заняла должного места в сознании наших соотечественников и не получила заслуженного внимания со стороны литераторов. Истории о больших гонорарах, блестящих операциях, бесцеремонных действиях или учтивой вежливости внесли слишком большой вклад в формирование популярного представления о выдающихся врачах и хирургах. Незавершенные “Биографические мемуары о медицине” Айкина, “Жизнеописания британских врачей” Макмайкла и “Галерея медицинских портретов” Петтигрю были главными коллективными записями британских медиков; и последняя, из-за своей дороговизны, была недоступна большинству людей. “Список коллегии врачей” Мунка - кладезь информации о членах этого Колледжа, и аналогичный список членов Коллегии хирургов был бы бесценен. В 1865 году доктор Герберт Баркер начал, а после его оплакиваемой смерти доктор Тиндал Робертсон продолжил серию воспоминаний живых медиков, сопровождаемых фотографиями. Медицинский альманах Мидленда начал публиковать несколько похожую серию мемуаров с портретами в 1882 году. Медицинская пресса отличалась способностью и общей достоверностью своих биографических заметок об умерших представителях этой профессии.

Однако в современной литературе нет книги, которая снабжала бы медиков или широкую публику биографическими отчетами о самых выдающихся людях в этом королевстве, внесших свой вклад в то, чтобы медицина и хирургия сегодня стали такими, какие они есть. Цель настоящей книги - занять это вакантное место. Хочется надеяться, что это было сделано в форме, не слишком технической для обычного читателя и неподходящей для занятого практикующего, у которого очень мало времени на чтение подробных биографий, но который хотел бы запомнить основные факты и уроки из жизни своих великих предшественников и учителей.

Сложность отбора была велика. Считалось, что можно было бы занять надежную позицию, взяв за отправную точку основание Лондонского колледжа врачей и предоставив место только тем знаменитым людям семнадцатого и восемнадцатого веков, чье право на славу никто не стал бы отрицать. Скудость биографических материалов помешала назвать некоторые имена; другие были исключены, потому что они были скорее известны своими гонорарами, *бонмотами* или своим фантастическим поведением, чем своим солидным вкладом в медицину.

Что касается людей нынешнего столетия, то задача отбора была еще более сложной. По большей части выдающимся физиологам, зоологам и прочим нет места на этих страницах, если только они также не добились отличий в медицинской практике. Нельзя ожидать, что список ныне живущих имен удовлетворит всех. В него могли быть включены и другие, не менее достойные. Если, воздерживаясь от комментариев о карьере своих нынешних коллег в больнице Гая, автору может показаться, что он несправедлив к их великим заслугам, он убежден, что тем самым наилучшим образом избежал опасностей пристрастия. Были приняты все меры предосторожности, чтобы избежать разглашения подробностей, которые должны быть частными при жизни человека, и излагать только те факты о живущих мужчинах, которые по большей части уже стали общедоступными.

Задача чтения сотен биографических мемуаров, медицинских трактатов, разрозненных брошюр и документов была чрезвычайно тяжелой. Со всеми, кто назван на следующих страницах, были проведены консультации; и там, где не приводятся подробности разногласий

или инцидентов, которые некоторые могут с удивлением увидеть опущенными, это было результатом тщательного обсуждения. Автор хотел бы особо отметить свои большие обязательства перед "Ланцетом" и другими медицинскими журналами. Он верит, что внес свой вклад в достижение цели, которую они, как и он сам, преследуют в глубине души, - возвышения медицинской профессии в глазах общественности.

Далвич, сентябрь 1885 года.

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА I.

	СТРАНИЦА
ПРЕДИСЛОВИЕ	v
ГЛАВА.	
I. ЛИНАКР, КАЙ И ОСНОВАНИЕ БРИТАНСКОЙ МЕДИЦИНЫ	1
II. УИЛЬЯМ ГАРВЕЙ И КРОВООБРАЩЕНИЕ	25
III. ТОМАС СИДЕНХЭМ, БРИТАНСКИЙ ГИППОКРАТ,	52
IV. МОНРО, КАЛЛЕН, ГРЕГОРИ, ДЖОН БЕЛЛ И ОСНОВАНИЕ ЭДИНБУРГСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ШКОЛЫ	71
Против УИЛЬЯМА И ДЖОНА ХАНТЕРА И ПРИЛОЖЕНИЯ АНАТОМИИ И ФИЗИОЛОГИИ К ХИРУРГИИ	119
VI. ЭДВАРД ДЖЕННЕР И ВАКЦИНАЦИЯ	169
VII. СЭР ЭСТЛИ КУПЕР И АБЕРНЕТИ: НОЖ <i>против</i> РЕЖИМА	202
VIII. СЭР ЧАРЛЬЗ БЕЛЛ И ФУНКЦИИ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ	242
IX. МАРШАЛЛ ХОЛЛ И ОТКРЫТИЕ РЕФЛЕКТОРНОГО ДЕЙСТВИЯ	264
X. СЭР БЕНДЖАМИН БРОУДИ И СЭР УИЛЬЯМ ЛОУРЕНС, ДВА ВЕЛИКИХ ПРАКТИЧЕСКИХ ХИРУРГА,	286
ИНДЕКС.	312

ВЫДАЮЩИЕСЯ ВРАЧИ.

ГЛАВА I.

ЛИНАКР, КАЙУС И ОСНОВЫ БРИТАНСКОЙ МЕДИЦИНЫ.

Имя Томаса Линакра должно стоять во главе любого очерка истории британской медицины, поскольку до его вступления в должность наставника и врача принца Артура, старшего сына Генриха VII, в 1501 году, в этой стране не было врача с такими способностями, чтобы оставить работы постоянной ценности. Ему принадлежит честь основать Королевский колледж врачей Лондона, самую раннюю из британских медицинских корпораций; и можно сказать, что одним этим поступком он выделил медицину в отдельную профессию. О незначительности внимания, которое можно уделять профессии врача до времен Линакра, можно судить по тому факту, что он был и наставником, и врачом принца, и что впоследствии он стал не безразличным священнослужителем.

В Кентерберии родился этот основатель британской медицины около 1460 года. Однако он происходил из дербиширской семьи саксонской крови, процветавшей до завоевания Линакра, недалеко от Честерфилда. Его школьные годы прошли под руководством Уильяма Селлинга в монастырской школе Крайстчерч в Кентерберии. Селлинг был просвещенным человеком для своего времени и путешествовал по Италии, где изучал греческий язык у одного из самых усердных студентов того времени, Политиана, и привез с собой домой множество ценных рукописей. Сам будучи членом Общества Всех Душ, он, несомненно, оказал некоторое влияние на избрание своего ученика в тамошнее братство в раннем возрасте, в 1484 году. В Оксфорде Линакр был учеником итальянца Корнелио Вителли, одного из первых учителей, привнесших изучение греческого языка в эту страну.

Вскоре Линакр сам взял на себя руководство учениками, самым известным из которых впоследствии стал сэр Томас Мор. Линакр сопровождал Селлинга в Италию при Генрихе VII. назначил последнего с поручением к римскому понтифику. В Италии он получил представление и инструкции от Политиана и других, а в Венеции познакомился с Альдом Мануциусом, знаменитым печатником. Во Флоренции он был представлен Лоренцо де Медичи, который особенно одобрял его общение со своими сыновьями как в их учебе, так и в развлечениях. Получив степень доктора медицины в Падуанском университете, вызвавшую бурные аплодисменты благодаря мастерству, с которым он защитил положения своей диссертации, он вернулся в Англию. Очевидно, он сразу же отправился в Оксфорд, где получил степень доктора медицины. Предполагается, что он все еще был больше всего озабочен академическими занятиями; и он был первым англичанином, опубликовавшим правильный перевод греческого автора после возрождения литературы, а именно “Сферу” Прокла, напечатанную Альдусом в Венеции в 1499 году. Был ли он также зарегистрирован в Кембридже, как рассказывает доктор Кайус, сейчас доказать невозможно, но это становится вероятным благодаря факту его последующего основания кафедры медицины в этом университете.

В этот период своей жизни Линакру посчастливилось быть преподавателем, особенно греческого языка, у такого человека, как Эразм. Последний, очевидно, был самым признательным поклонником нашего эрудированного доктора, а также возможностей для изучения классической литературы, предоставляемых в Англии. “В Коле,” пишет он Роберту Фишеру, “я слышу самого Платона. Кто не восхищается совершенным научным компасом в Гроцине? Есть ли что-нибудь более острое, более возвышенное или более утонченное, чем суждение Линакра? Создала ли природа что-нибудь более мягкое, сладостное или счастливое,

чем расположение Мора? Удивительно, насколько повсеместно обильна здесь жатва древних знаний, поэтому вам следует поторопиться с возвращением”.

Однако с началом шестнадцатого века в жизни Линакра наступает новая эра. Был ли он представлен ко двору в 1501 году в связи с визитом принца Артура в Оксфорд или нет, несомненно, что примерно в тот период, когда принц женился на Екатерине Арагонской, его здоровье и дальнейшее образование были доверены доктору Линакру; и считается, хотя и без определенных оснований, что он также стал одним из домашних врачей короля.

Однако смерть молодого принца, освободившая Линакра от обязанностей наставника, по-видимому, привела к тому, что он с горячим рвением занялся медицинской практикой. Эразм воспользовался своим мастерством, о чем свидетельствует его письмо из Парижа в 1506 году, в котором он излагал свои жалобы и сетовал на отсутствие его привычных советов и предписаний. Его друзья даже находили, что он слишком предан своей учебе и практике, и умоляли его расслабиться настолько, чтобы время от времени писать им. Вероятно, экономный нрав Генриха VII. помешал Линакру получить слишком большую награду за свои связи при дворе, и он с надеждой приветствовал восшествие на престол Генриха VIII. с его более либеральными наклонностями. Его положение вскоре было обеспечено назначением одним из королевских врачей, по-видимому, главным; и благодаря его образованности и социальным качествам, его ценили при дворе выше, чем это могло бы быть при одной его должности. Среди других его пациентов были кардинал Уолси, архиепископ Уорхэм и Фокс, епископ Винчестерский.

Примерно в начале правления Генриха VIII Линакр занялся изучением теологии, которой ранее пренебрегал в своем рвении к возрождению литературы; и, в соответствии с практикой того времени, убедившись в важности христианских доктрин, он добился рукоположения. В октябре 1509 года примас подарил ему дом священника в Мерстеме в Кенте, которым он владел всего месяц, получив в декабре пребендальный приют в соборе Уэллса, а в 1510 году кюре в Хокхерсте в Кенте, которым он владел до 1524 года. Однако его ожидало еще более высокое назначение, поскольку в 1517 году он стал каноником и пребендом Вестминстера. Последовало множество других назначений, которые мы не будем подробно описывать. Не представляется несомненным, что Линакр добился каких-либо заметных отличий в богословии, но его предпочтения были скорее признанием его общей образованности и заслуг, что было наиболее удобной формой, в которой такое признание могло быть оказано в то время.

Общение Линакра с Эразмом продолжалось, но было несколько затруднено из-за постоянных требований последнего о денежной помощи. Мы получаем представление о благоразумии, которого достиг Линакр, из письма Эразма от 1521 года, в котором он жаловался на неблагоприятный прием его просьб о деньгах, упоминая, что, хотя его здоровье было слабым и хотя у него было всего шесть ангелов, ему посоветовали сократить свои расходы и стойко переносить свою бедность, а не обращаться к примасу и лорду Маунтджоу.

Теперь мы должны вернуться к медицинским занятиям Линакра, которые не были серьезно прерваны его пристрастиями к духовенству. В начале правления Генриха VIII он прочитал в Оксфордском университете лекцию “Шагглинг”, от которой не сохранилось ничего, кроме названия. Его возобновившаяся связь с Оксфордом привела к тому, что за границей поговаривали, что у него был особый замысел оказать университету благотворительную помощь, и власти спохватились, что они несколько пренебрегли своим выдающимся

выпускником. В результате они обратились к нему с речью, в которой, по-видимому, были движимы тем видом благодарности, который заключается в живом ощущении грядущих милостей. Часть его звучит так (в переводе с латыни), показывая, каким достоинством тогда обладал образованный университет: —

“Томасу Линакру, самому искусному врачу
короля”.

“Мы немало обеспокоены, достопочтенный сэръ (не говоря уже ни о чем другом) и ученейший из врачей, поскольку до сих пор мы ни разу не приветствовали ваше высокопреосвященство письмом (давайте признаем правду), как мы могли бы легко изобрести средства, с помощью которых мы могли бы красиво смыть с себя пятно неблагодарности, которое мы навлекли на себя, если бы мы не были уверены, что вы скорее недовольны большей благосклонностью, более того, более горячей привязанностью, которую ваша любезность питает к нашему университету, чем какой-либо небрежностью, не говоря уже о нашей собственной медлительности. Ни для кого не секрет, насколько высок ум, насколько щедра его преданность Оксфордскому университету, который, хотя и является самым выдающимся, бесспорно, самым красноречивым из своих современников. О том, насколько хорошо вы о нас думаете и насколько великодушно вы решили защищать наши интересы, мы в полной мере узнали из доклада наших коллег, которые беседовали с вами.... Но то, что мы до сих пор не воздали вам за вашу необычайную щедрость по отношению к нам (воздать, увы! не соответствует нашей бедности), мы можем сделать только от всего сердца ... мы искренне благодарим вас и возлагаем нашу главную надежду на вас, чья репутация так высока перед королевским величеством, что мы можем с полным основанием почтить вас в числе самых активных лидеров и главных покровителей нашей академии ”.

Форма, которую принимали очень многие попытки способствовать прогрессу медицины в ту эпоху, заключалась в переводах и комментариях к работам Галена, которые в греческом оригинале были недоступны почти всем.

Потратив много времени на выполнение своей доли плана перевода всех работ Аристотеля на латынь совместно с Гроцином и Томасом Латимером, который, к сожалению, так и не был опубликован, доктор Линакр взялся за близкую по духу задачу перевода на латынь работ Галена, первая часть которых, посвященная сохранению здоровья, была опубликована в Париже в 1517 году и посвящена Генриху VIII. Чувства, побудившие его к этому поступку, возникли, как он заявляет королю, из-за того, что он обнаружил, что ему не хватает средств соперничать с теми, кто, привлеченный известностью и прославлением его имени, ежедневно состязался в количестве и разнообразии своих подарков. По этой причине он не знал ничего более подходящего для своего долга или своего призвания, чем посвятить какой-нибудь памятник своим занятиям, чтобы он мог удовлетворительно использовать досуг, который, по королевской снисходительности, он иногда отнимал у назначенных ему посещений, и в то же время показать, что он не только тратил часы службы, но даже на отдых от своих обязанностей, выполняя в меру своих способностей то, что, по его мнению, было бы для него приемлемо. Копия этой работы на пергаменте, великолепно украшенная, была подарена Вулси вместе с одобрительным письмом. Они до сих пор хранятся в Британском музее.

За этим переводом последовало несколько других работ Галена, в том числе "Метод исцеления", 1519, посвященный королю; "трактат о темпераментах", 1521, посвященный Льву Х.; "О естественных функциях", 1523, посвященный Уорхэму; "о пульсе", 1523, посвященный Вулси. Другие трактаты, оставшиеся незавершенными после смерти Линакра, были напечатаны Пинсоном в 1524 году. О трактатах по грамматике и языку, составленных Линакром, нам нет необходимости здесь пытаться давать отчет.

Самым важным из всех достижений Линакра на пути развития медицины, несомненно, было то, что он обеспечил основание Королевского колледжа врачей. "Медицинская практика, - говорит его биограф, доктор Дж. Н. Джонсон, - когда эта схема была приведена в действие, едва ли была выше, чем в механических искусствах; и большинство ее практикующих были образованнее механиков. Еще не существовало общества, независимого от монашества и церкви, которое вообще можно было бы считать образованным".

Линакр основал колледж исключительно за счет компании, поскольку корона просто выдала патент на буквы. Они были выпущены в 1518 году, объединяя всех врачей Лондона в один факультет и колледж, с правом избирать президента, использовать общую печать и владеть землями, годовая стоимость которых не превышает 12 фунтов стерлингов. Они должны были проводить собрания и управлять своим факультетом в Лондоне и в радиусе семи миль, при этом все лица, не имевшие лицензии, были отстранены от практики. Ежегодно должны были выбираться четыре цензора для исправления и управления медициной и ее профессорами, проверки лекарств и наказания правонарушителей; и врачи должны были быть освобождены от присутствия на судебных заседаниях, дознаниях и заседаниях присяжных. Возможность исправления путем наложения штрафа или тюремного заключения вызвала некоторое затруднение в последующий период, поскольку, когда колледж совершал некоторые правонарушения, тюремщики не отправляли их в тюрьму, считая, что колледж должен сам взять на себя опеку над своими собственными виновниками. Чтобы устранить эту трудность, был принят закон (I Мэри, раздел 2, с. 9), требующий от тюремщиков принимать лиц, привлеченных колледжем, а также обязывающий всех судей, мэров и т.д. В Лондоне помогать президенту колледжа в поиске неисправных аптечных товаров.

Поскольку в оригинальном патенте были обнаружены различные дефекты, они были подтверждены статутом 14 Генриха VIII (1523 г.), который, среди прочего, предусматривал, что никому, кроме выпускников Оксфорда или Кембриджа, не должно быть разрешено заниматься врачебной практикой на всей территории Англии, если только это не будет проверено и одобрено президентом Лондонского колледжа врачей и по крайней мере тремя другими избранными членами. До времен Линакра епископы или их генеральные викарии были лицами, которые могли выдавать лицензии на медицинскую практику (в дополнение к университетам), и эта власть долгое время после этого сохранялась за ними, хотя они привлекали врачей, чтобы те помогли им определить, кому следует выдавать лицензии.

Как и следовало ожидать, Линакр был первым президентом колледжа, который был обязан своим существованием ему самому, и он занимал этот пост до самой своей смерти. Его резиденция, Каменный дом на Найтс-Райдер-стрит, Полс-Уорф, удобный для доступа ко Двору, в то время сохранившийся в Брайдуэлле, также был местом встреч колледжа. Передняя часть

дома, гостиная внизу и зал совета и библиотека наверху, были переданы колледжу при его жизни и оставались собственностью колледжа до 1860 года.

Рассматривая важность усилий Линакра по продвижению изучения медицины в Оксфорде и Кембридже, следует помнить, что идея создания лекторских или профессорских должностей для общественного обучения была совершенно новой в Англии, и что Фокс, епископ Винчестерский, по-видимому, был первым в 1517 году, кто читал лекции на греческом и латыни. И Линакру, несомненно, принадлежит заслуга в том, что он первым применил такую идею к улучшению преподавания медицины. Его основы не вступали в полную силу до 1524 года. И снова у нас есть письмо из Оксфордского университета “знаменитому доктору Линакру”, составленное в самом преувеличенном стиле панегирика, в котором выражается благодарность за предложение прочитать “великолепные лекции” по медицине, восхваляются его “трезвая серьезность и эрудированность суждений”, “его величие”, “трансцендентность его дарований”. Патент на письма, положившие начало лекциям, был датирован 12 октября 1524 года, всего за восемь дней до его смерти. Две лекционные группы должны были быть основаны в Оксфорде и одна в Кембридже и называться “Лекции Линакра”. Тридцать фунтов в год, что по тем временам было значительной суммой, должны были выделяться на эти цели его попечителями из доходов от двух поместий в Ньюингтоне, недалеко от Ситтингборна. Но хотя попечители, сэр Томас Мор, Тонстал, Стоксли, преемник Тонстала, и Джон Шелли, были людьми, от которых можно было ожидать, что они обратят внимание на желания Линакра, все же, вероятно, из-за напряженных занятий, которыми они были заняты, им не удалось осуществить их в полной мере; и это произошло только на третий год правления Эдуарда VI. этот Тонстал, оставшийся в живых попечитель, назначил двух преподавателей в Мертон-колледж в Оксфорде и одного в колледж Святого Иоанна в Кембридже. В их обязанности входило публично излагать определенные отрывки из трудов Гиппократов или Галена. То, что его лекции не стали тем, чего хотел бы Линакр, было вызвано общим недостатком того времени, заключавшимся в том, что он не предвидел грядущих революций в образовании и не обеспечивал какой-либо гибкости в их основах. Таким образом, эти лекционные курсы, которые могли бы оказать существенную помощь развитию медицины, оставались малопригодными до наших дней, когда они были поставлены на улучшенную основу.

“Был поставлен под сомнение, ” пишет его биограф, “ был ли он лучшим латинистом или грековедом, лучшим грамматиком или врачом, лучшим ученым или человеком. О том, что Линакр отличался большой природной проницательностью и проницательным суждением в своей профессии, у нас есть совпадающие свидетельства наиболее знающих его современников. Во многих случаях, которые считались безнадежными, его практика была успешной. В случае со своим другом Лили он предсказал ему неминуемую смерть, если он подчинится мнению некоторых опрометчивых людей, которые посоветовали ему и убедили его удалить злокачественную струмозную опухоль в бедре, и это событие оправдало его прогноз.

“В личной жизни он питал крайнее отвращение ко всему бесчестному; он был верным другом, и его ценили и любили все слои общества. Он проявлял замечательную доброту к молодым студентам своей профессии; и тем, кого он считал отличившимися изобретательностью, скромностью, образованностью, хорошими манерами или желанием преуспеть, он помогал своим советом, своим интересом и своим кошельком ”.

Линакр в течение многих лет страдал от камней в мочевом пузыре, что ограничило его полезность и совершенство нескольких его проектов; и он умер от изъязвления мочевого пузыря 20 октября 1524 года, составив завещание четырьмя месяцами ранее. Он был похоронен в соборе Святого Павла, в месте, выбранном им самим и прямо названном в его завещании. Над его могилой не было воздвигнуто никакого памятника до 1557 года, когда доктор Кайус, один из его преемников, воздвиг памятник с подходящей надписью, заканчивающейся любимым выражением, которое он впоследствии поместил на своей собственной могиле: “Да здравствует добродетель после похорон”.

Завещание доктора Линакра включает ежегодные выплаты двум его сестрам, завещание его брату и другое наследство. Своим племянницам Элис и Маргарет он завещал каждой по кровати, Маргарет - по лучшей; а Уильяму Данкастеру, священнику, засвидетельствовавшему завещание, были оставлены пуховая перина и два ирландских одеяла. Простота этих деталей показывает, что человек высокого положения во многих отношениях в то время считал важным достоянием предметы, ныне универсальные.^[1]

Джон Кей или Ки, более известный под латинизированной формой Caius, которая, тем не менее, сохраняет произношение, заимствованное из английского оригинала Keys, родился в Норвиче 6 октября 1510 года, таким образом, на момент смерти Линакра ему было четырнадцать лет. Он поступил в Гонвилл—Холл, Кембридж, 12 сентября 1529 года, и здесь он рано проявил себя, переведя с греческого на латынь два трактата — один Златоуста - и сделав сокращение “Истинной теологии” Эразма. Он получил степень бакалавра в 1532-3 годах и был назначен директором Physwick Hostel 12 ноября 1533 года, будучи избранным в братство Гонвилл-Холла 6 декабря следующего года. Получив степень магистра в 1535 году, он зарегистрирован как подписавшийся вместе с магистром и стипендиатами Гонвилл-Холла под судебными предписаниями Генриха VIII.

В 1539 году он отправился в Италию и изучал медицину в Падуе у Монтана, живя в одном доме с Везалием, который стал самым выдающимся анатомом своего времени. В 1541 году ему была присвоена степень доктора медицины в Падуе, где в следующем году мы застаем его читающим публичные лекции по греческому тексту Аристотеля совместно с Реалдусом Колумбом, стипендию для которых предоставили некоторые венецианские дворяне. В следующем, 1543 году он в основном посещал все самые знаменитые библиотеки Италии, собирая рукописи, главным образом с целью публикации правильных изданий Галена и Цельса.

Вернувшись в Англию после дальнейших путешествий по Франции и Германии, он получил степень доктора медицины в Кембридже и практиковал, по-видимому, в Кембридже, Норвиче и Шрусбери с таким успехом, что был назначен врачом Эдуарда VI, должность, которую он продолжал занимать при королевах Марии и Елизавете. 22 декабря 1547 года он был принят членом Коллегии врачей, а в 1550 году стал Избранным, в 1552 году - цензором. В последнем году появился его английский трактат о потливости, который разразился в Шрусбери в 1551 году. Впоследствии он был расширен и опубликован на латыни.

“Бок или средство против потливости” доктор Кайус посвятил Уильяму, графу Пембруку. Посвящение начинается так: “В страшное время пота многие обращались ко мне за советом, среди которых некоторые, будучи моими друзьями и знакомыми, хотели, чтобы я написал им

несколько небольших советов, как управлять собой в этой ситуации.... По чьей просьбе в то время я так кратко, как только мог, написал несколько советов в связи с текущей необходимостью, которые они оба использовали и действительно давали за границей многим другим, и далее назначил от себя выполнение другой части их честной просьбы на будущее. Для того, чтобы лучше исполнить и привести в исполнение, я не жалел идти ко всем, кто посылал за мной, как к бедным, так и к богатым, днем и ночью. И это не только для того, чтобы облегчить им жизнь, какую я мог, и проинструктировать их относительно выздоровления; но также для того, чтобы тщательно отслеживать случаи и обстоятельства заболевания у разных людей и полностью понимать природу и причины этого заболевания, насколько это возможно ”.

Определенное тщеславие очевидно во всем кратком трактате, например, когда он описывает свои ранние переводы с латыни на английский и частично извиняется за то, что пишет по-английски, а затем рассказывает о жизни и трудах своего друга Уильяма Фрэммингема, своего земляка, который умер молодым. Описание болезни, которое он дает, указывает на очень острое ревматическое поражение, поскольку среди них выделялись выделения пота с неприятным запахом, острые боли в конечностях, бред, учащенный пульс и т. Д.

Примечательно, как мало медицинская наука продвинулась дальше принципов Галена. Доктор Кайус говорит: “Эта болезнь вызвана не только потоотделением, но и лихорадкой духов, вызванной ядовитым разложением, борьбой, родовыми муками и трудом природы против инфекции, полученной в духах, после чего случайно появляется пот или возникает чувство юмора, вызванное природой, как это бывает и при других болезнях, связанных с чувствами юмора”. Тем не менее, проблеск истины виден в высказанном мнении, что “наши тела не могут ни от чего страдать или причинять вред порочными и инфекционными причинами, за исключением того, что в них есть определенная материя, подготовленная, способная и подобная этому, иначе, если бы кто-то был болен, все были бы больны”.

Доктор Кайус заметно проявил себя до своего совершеннолетия также в осуждении излишеств в еде и питье, в одобрении бани и мускульных упражнений. За его советом читателям обратиться к хорошему врачу и ухаживать за своим телом по крайней мере так же бережно, как за чулками или обувью, следует картина армии шарлатанов, которые в отсутствие науки охотились на массы. “Простые женщины, плотники, оловянщики, жаровенщики, продавцы мыла, аптекари, авантюристы сами приезжают с Полюса, Константинополя, Италии, Алмейны, Испании, Франции, Греции, Турции, Индии, Египта или Присяжных; со службы у императоров, королей и королев, обещая помощь от всех болезней, да, неизлечимых, одним или двумя глотками, напитками больших цен, как будто они сделаны из солнца, луны или звезд, благословениями и дуновениями, лицемерными молитвами, и глупое курение рубашек, халатов и платков с подобными другими, их фантазии и насмешки, означающие не что иное, как злоупотребление вашей легкомысленной верой и презрение к вам за вашими спинами, с их лекарствами (такими грязными, что мне стыдно называть их названия), за ваше единственное остроумие и простую веру в то, что вы больше всего доверяете им, которых вы совсем не знаете и понимаете меньше всего; подобно тем, кто думает, что у дальних птиц прекрасные перья, хотя они никогда не бывают такими злобными и мерзкими; как будто не может быть такого хитрого англичанина, как вы. , как глупый бегущий незнакомец, или столь совершенное здоровье благодаря честному обучению, как и обманчивое невежество”. Из всего этого читатель может судить, не применимы ли в чем-то подобные замечания к прошлому столетию и даже к

значительной части настоящего, с его легковерием к эффективности шарлатанских лекарств и могуществу смелых эмпириков.

В 1555 году доктор Кайус был избран президентом коллегии врачей, должность, которую он продолжал занимать до 1561 года. Он с преданной энергией посвятил себя продвижению интересов колледжа, начав вести его летописи, до тех пор не сохранившиеся, добыл копию и переплет в великолепном стиле устава колледжа, разработал знаки отличия, подушечку из малинового бархата с золотой каймой, на которой были выложены уставы, серебряный посох, украшенный гербом колледжа, который носит президент, чтобы напомнить ему, по словам Кая, своим материалом (серебром) о необходимости управлять с терпением и вежливостью, а своими символами (змеями) - о рассудительности и мудрости. Его рвение также проявилось в защите привилегий колледжа, как, например, когда он успешно выступил во время правления Елизаветы против хирургов-цирюльников, которые претендовали на право назначать лекарства для внутреннего применения в случаях, когда требовалась их оперативная помощь.

Одним из самых поразительных нововведений, которые доктор Кайус ввел в нашей стране, несомненно, была практика вскрытия человеческого тела. Вскоре после своего возвращения из Италии он действительно преподавал практическую анатомию в Зале цирюльников-хирургов; и он также способствовал развитию этой науки, добившись от королевы Елизаветы около 1564 года гранта Колледжу врачей на ежегодное вскрытие тел двух преступников после казни, и стипендиаты были обязаны, под страхом штрафа за отказ, по очереди проводить демонстрации и лекции по анатомии. Он оставил фонд для покрытия расходов на участие в этих вскрытиях.

Доктор Кайус никогда не колебался в своей привязанности к учебе и своей альма-матер, Кембриджу. Несмотря на свои многочисленные общественные интересы, суд, колледж и частную практику, он всесторонне развивался и имел удовольствие привести в исполнение проект улучшения и расширения Гонвилл-холла, который под его эгидой стал колледжем с добавлением его имени в его название. Он очень значительно пополнил его ресурсы, учредил три стипендии и двадцать стипендий и расширил его, построив совершенно новый суд, известный как Суд Кая. Вместе с этим расширением он удовлетворил свой вкус, соорудив три новых ворота: два на внешних границах и одно внутри него. На первом, строго простом, была надпись "Humilitatis"; на втором, более высоком, с несколькими комнатами, на одной стороне было написано "Virtutis", на другой "Jo. Caius posuit Sapientiæ." Последняя, поменьше, но богато украшенная, ведущая к зданию Сената и Школам, имела надпись "Honoris"; и таким образом достойный доктор обозначал, что путем смирения мы достигаем добродетели и чести.

На основании патента, выданного Филипом и Мэри 4 сентября 1557 года, доктор Кайус был уполномочен разработать новые уставы для Гонвилла и колледжа Кайуса. Только в 1558 году он получил звание доктора медицины в Кембридже, а в январе следующего года его неохотно убедили принять звание магистра колледжа, которое затем оказалось вакантным. Он воспользовался этим еще одним поводом для благотворительности, отказавшись от стипендии и вознаграждений, связанных с должностью, которую он занимал за один месяц до своей смерти. На один год он сложил с себя полномочия президента Колледжа врачей, чтобы более непрерывно руководить возведением своего нового суда в Кембридже; но он вернулся к президентству в 1562-1571 годах и снова в 1571 году.

Человек с такой непрестанной активностью, как доктор Кайус, и рвением отстаивать собственное мнение не мог надеяться остаться без врагов. В 1565 году трое стипендиатов его

колледжа, которых он исключил, обвинили его в атеизме и противодействии преподавателям Евангелия. Его сохранение своего поста при дворе при правителях противоположных религиозных исповеданий, несмотря на его приверженность к католицизму, стало предметом обвинения в неустойчивости его религиозных принципов. Фуллер замечает, что “то, что он был известным папистом, не было большим преступлением для тех, кто принимает во внимание время, когда он родился, и чужие места, где он вырос. Однако вот что я осмелюсь сказать в его справедливую защиту: он никогда не упоминает протестантов, но с должным уважением, а иногда и осуждает суеверную доверчивость папистов к чудесам”. Тем не менее, он сохранил в своем колледже некоторые книги и облачения, ранее использовавшиеся в римско-католической службе, и епископ Сэндис написал вице-канцлеру доктору Бингу письмо с жалобой на это, они были собраны и сожжены в 1572 году (13 декабря), к большому неудовольствию доктора Кайуса, который счел действия доктора Бинга крайне произвольными и решительно выступил против поведения некоторых коллег его колледжа в этом вопросе.

Незадолго до этого, в 1570 году, доктор Кайус опубликовал отчет о британских собаках, который является самым ранним научным описанием породы собак, встречавшейся в то время в этой стране. Это было сделано по просьбе знаменитого натуралиста Геснера, чья смерть в 1565 году помешала его более ранней публикации. Многочисленные другие сведения о британской естественной истории были предоставлены доктором Кайусом Геснеру и были включены в его работы. Чтобы дать представление о способностях нашего доктора в описательной естественной истории, мы приводим его рассказ “О собаке по кличке Бладхаунд”.

Более крупные виды, предназначенные для охоты, имеющие губы большого размера и уши немалой длины, не только преследуют зверя, пока он жив, но и, будучи убитыми любым способом, прибегают к месту, где он лежит, имея в этом пункте надежного и безошибочного ориентира, а именно запах крови, разбрызганной тут и там по земле. Ибо независимо от того, наслаждается ли зверь, несмотря на ранение, жизнью и ускользает из рук охотника, или же указанный убитый зверь чисто выводится из парка (так что возникает некоторый признак пролитой крови), эти собаки с не меньшей легкостью, чем алчность и алчность, могут обнаружить то же самое по запаху, применяя при преследовании ловкость и проворство без утомления. И хотя, возможно, случится так, что кусок мяса будет хитро украден и коварно унесен с такими оговорками и предварительными захоронениями, что таким образом всякое появление крови будет либо предотвращено, исключено, либо скрыто, все же эти собаки, руководствуясь определенным внутренним предупреждением и тайным знаком, преследуют преступников по длинным переулкам, извилистым участкам и утомительным дорогам, не отклоняясь от границ земли, на которой эти отчаянные похитители подготовили свой скорый переход. Да, природа этих собак такова, и их предвидение столь эффективно, что они могут напасть на след, отделить и выделить их из бесконечного множества и неисчислимой компании — они никогда не забираются так далеко в самую густую толпу, они обнаружат его, несмотря на то, что он прячется в диких лесах, в тесных и заросших рощах и прячется в дуплистых норах, способных приютить таких нелюбезных гостей. Более того, хотя они должны переходить реку, думая таким образом избежать преследования собак, все же эти собаки не оставят своей попытки, но, предполагая переплыть ручей, упорствуют в своем преследовании, и когда они прибывают и добираются до дальнего берега, они охотятся вверх и вниз, бегают взад и вперед, переходят с места на место, пока не достигнут того участка земли, где они перешли”.

Этот трактат был настолько высоко оценен Пеннантом, что он включил его в свою "Британскую зоологию"; и он был переиздан в очень аккуратном виде в 1880 году.[2]

Нам нет необходимости подробно останавливаться на очень многочисленных изданиях и переводах Галена, Цельса, Гиппократов, которые доктор Кай опубликовал или оставил в рукописи. Его собственными оригинальными медицинскими работами были "Метод исцеления", основанный, однако, на Галене и Монтане, и "Отчет о потливости", относительно которого Хекер замечает: "Хотя, если судить по современным стандартам, он далек от удовлетворительного, тем не менее, он содержит множество ценного материала и доказывает, что его автор хороший наблюдатель".[3]

Доктору Кайусу приписывают предсказание самого дня своей смерти. Он распорядился приготовить себе могилу в часовне колледжа Кая 2, 3 и 4 июля 1573 года и умер в своем лондонском доме 29 числа того же месяца в возрасте шестидесяти трех лет. Когда его тело, по его указанию, перевезли в Кембридж, магистры и стипендиаты его колледжа, а также основные сотрудники университета в торжественной процессии встретили его в Трампингтоне. Надпись на его могиле в часовне Кая характерна для человека, в глазах которого его собственные труды и достижения, несомненно значительные, выделялись на общем фоне. "Vivit post funera virtus", как он написал на памятнике Линакру. "Fui Caius", - добавляет он в качестве емкого, хотя и эгоистичного комментария.

Среди других выдающихся людей шестнадцатого века следует упомянуть Уильяма Гилберта, доктора медицины, уроженца Колчестера, который родился в 1540 году и стал старшим научным сотрудником колледжа Святого Иоанна в Кембридже в 1569 году. Поселившись в Лондоне в 1573 году, он отличился настолько, что стал врачом королевы Елизаветы. Но он был одним из первых в череде прославленных английских врачей, которые посвящали свой досуг философским изысканиям. В своей книге "О магните, о магнитных телах и Великом магните - Земле", опубликованной в 1600 году, ему посчастливилось побудить самого Галилея к изучению магнетизма, и этот мастер описал его как "великого до такой степени, что ему можно позавидовать". Королева Елизавета прибавила к своим титулам уважения, назначив Гилберту пенсию, которая помогала ему продолжать свои эксперименты. Гилберт на самом деле был великим первооткрывателем в науке, открыв земной магнетизм, и именно этим объясняется как направление магнитной стрелки на север и юг, так и изменение и опускание стрелки. Таким образом, он является первооткрывателем фактов, на которых была основана наука о магнетизме. Говорят, что он был не менее точен в химии, но, к сожалению, ничего из его работ по этому предмету не сохранилось. Фуллер говорит о нем в "Достойных"— "Говорят, что могила Магомета в Мекке странным образом висит, притянутая каким-то невидимым магнитом; но память об этом докторе никогда не упадет на землю, которую его несравненная книга 'De Magnete' будет поддерживать вечно". Гилберт умер в 1603 году, вскоре после того, как был назначен врачом Джеймса I.

СНОСКИ:

[1] Жизнь Томаса Линакра. Дж. Нобл Джонсон, доктор медицины, Лондон, 1835.

[2] "Английских доггов": Стрэнд, 170, Вашингтон"

[3] “Эпидемии средневековья”. Сиденхэм Соц. Оубл. Лондон, 1844 год.

ГЛАВА II. *УИЛЬЯМ ГАРВЕЙ И КРОВООБРАЩЕНИЕ.*

“Часто я видел своевременно расставшихся призраков,
Пепельного цвета, тощий, бледный и бескровный,
Поскольку все нисходит к трудящемуся сердцу,
Кто в конфликте, который он ведет со смертью,
Привлекает то же самое для помощи врагу;
Который вместе с сердцем остывает там и никогда не возвращается
Чтобы снова покраснеть и украсить щеки”.

Если человек, открывший новый материальный мир, заслуживает бессмертия, то столь же достоин тот, кто открыл новый мир деятельности и обнародовал первую истинную концепцию непрерывного цикла жизненных процессов. Как говорит доктор Паркс в своей Харвейской речи в 1876 году: “Когда кто-либо исследует это открытие Гарвея и постепенно осознает его необычайную важность, его не может не охватить настоящее желание узнать, как был устроен разум, решивший столь великую проблему; как он работал и как он достиг не просто вероятности, но несомненности великого закона природы.... В этом не было никакой случайности — никакой помощи от того, что мы называем случайностью; это было проработано и продумано, пункт за пунктом, пока все не стало ясно, как солнечный свет в разгар лета. Этого никто и не ожидал”.

Уильям Харви, старший сын Томаса Харви и Джоан Халкэ, родился в Фолкстоне в графстве Кент 1 апреля 1578 года, и о том, что его родители были в стесненных обстоятельствах, можно судить по тому факту, что пятеро его братьев стали состоятельными лондонскими торговцами. О его матери на ее монументальной табличке записано, что она была “заботливой, мягкосердечной матерью, дорогой своему мужу, почитаемой своими детьми, любимой своими соседями”. Ее старший сын, проучившись несколько лет в Кентербери, в 1593 году поступил в колледж Гонвилл и Кайус, где оставался до 1597 года, когда покинул университет со степенью бакалавра и отправился в Падую. Этот знаменитый университет тогда хвастался среди своих профессоров анатомом Фабрициусом, влияние которого на Гарвея было, очевидно, значительным. Через пять лет Харви получил докторскую степень по медицине, в которой превозносились его удивительные способности, память и знания, и вернулся в Англию. Он получил ту же степень в Кембридже и начал практиковать в Лондоне, женившись на дочери доктора Ланселота Брауна на двадцать шестом году жизни - союз, который оказался бездетным.

Став кандидатом в члены Коллегии врачей в 1604 году, он был принят в 1607 году после надлежащего испытательного срока; и мы находим, что в 1609 году он добивался возвращения

врачебной должности в больницу Святого Варфоломея, получив рекомендательные письма короля и представив такие отзывы от президента Коллегии врачей и других, что он был выбран до того, как появилась вакансия, и после смерти доктора Уилкинсона был назначен на эту должность 14 октября 1609 года.

Теперь Харви быстро завоевал всеобщую популярность как врач, и в 1615 году был назначен лектором ламлейского языка в колледже врачей, должность, которую затем занимал пожизненно. Его первые лекции были прочитаны в апреле 1616 года, и в этот и последующие годы он постепенно развивал новые взгляды на сердце и циркуляцию крови, которые он приобретал и которые он опубликовал в 1628 году. Новизна его взглядов, однако, заключается не в идее о том, что кровь действительно движется по сосудам. Это было известно и раньше, и Шекспир выражает сложившуюся концепцию в отрывке, приведенном в начале этой главы. Сервет в 1553 году^[4] утверждал, что кровь поступает из правой части сердца в левую через легкие, таким образом объясняя смешение в сердце двух видов крови, соответствующих артериям и венам соответственно. Долгое время считалось, что перегородка между желудочками перфорирована наподобие сита, так что может происходить смешение венозной и артериальной крови. Но это было полностью опровергнуто Беренгарием и Везалием. Следовательно, согласно этой точке зрения, два вида крови, встретившись в голове, грудной клетке и брюшной полости, возвращаются к сердцу тем же путем, каким пришли, для пополнения запасов истощенного или ослабленного духа, от которого зависят основные функции организма. Сервет, это правда, утверждает связь между легочной артерией и венами; но он, в частности, заявляет, что “жизненный дух берет свое начало в левом желудочке, легкие особенно способствуют его выработке” и что “он возникает из смеси вдыхаемого воздуха, которая происходит в легких, с обработанной тонкой кровью, которую правый желудочек сердца передает левому”. О степени его знаний далее свидетельствует его заявление о том, что “кровь смешивается в легочной вене с вдыхаемым воздухом и в процессе выдоха очищается от фулигинозных паров, когда, став подходящим получателем жизненного духа, она, наконец, втягивается во время диастолы”. До сих пор очень велика заслуга человека, который первым заявил, что “алый цвет духовной крови придают легкие, а не сердце”.

Сервет, однако, не знал о силе, с которой кровь устремляется в артерии, и сократительные функции сердца были неизвестны. Считалось, что желудочек расширяется по какой-то неизвестной причине и, таким образом, всасывает очищенный “*spiritus vitalis*”. Но объяснение Сервета, чего бы оно ни стоило, появилось в богословском труде, выход которого привел к смерти автора от рук преследователей Кальвина, и работа оставалась неизвестной — поскольку Кальвин тщательно сжег все возможные копии — до 1694 года, когда сэр Генри Уоттон откопал ее.

Реалдус Колумб, соратник доктора Кая в Падуе, в 1559 году опубликовал трактат, содержащий некоторые передовые взгляды, показывающие, что кровь, однажды попавшая в правый желудочек из поллой вены, не может вернуться обратно из-за противодействия трехстворчатых клапанов, и он далее осознал действие легочных клапанов; но он все еще придерживался идеи, что кровь должна быть преобразована в легких в своего рода спирт, и рассматривал печень как источник крови. Наконец, он отрицал мышечную структуру сердца.

Цезальпин добавил к этому более полное представление о большем кровообращении, но он ничего не знал о клапанах в венах и придерживался мнения, что существует два вида крови:

одна для роста, другая для питания организма. Он вообразил, что только во время сна вены расширяются, в то время как пульсация артерий замедляется. Он понятия не имел ни о связи между опорожнением артерий и наполнением вен, ни о том, что сердце является причиной движения крови.

Фабрициус, преподаватель анатомии Гарвея, сделал такой значительный шаг вперед в открытии клапанов вен и того эффекта, который они должны оказывать, что весьма удивительно, что он не пошел дальше. Но факт остается фактом, что без микроскопа, разработанного в последующие годы,^[5] было невозможно удовлетворительно решить множество вопросов, и мы можем скорее удивляться тому, что Харви смог достичь столь многого с помощью имевшихся в его распоряжении средств. Основным средством, которое он использовал для достижения этой цели, несомненно, была вивисекция животных.

Глава i. его знаменитого трактата "О движении сердца и крови" (Франкфурт, 1628) начинается выразительно: "Когда я впервые задумался о вивисекции как средстве обнаружения движений и использования сердца и стремился обнаружить их путем фактического осмотра, а не из сочинений других, я нашел задачу настолько поистине трудной, настолько полной трудностей, что я был почти склонен думать вместе с Фракасториусом, что движение сердца должно быть постигнуто только Богом."^[6]

"В конце концов, и с большим ежедневным усердием, часто прибегая к вивисекциям, используя для этой цели самых разных животных... Я подумал... что я открыл то, чего так сильно желал, благодаря движению и использованию сердца и артерий

"Эти взгляды, как обычно, понравились одним больше, другим меньше; некоторые упрекали и клеветали на меня и считали преступлением то, что я осмелился отступить от предписаний и мнений всех анатомов.... Наконец, уступая просьбам моих друзей о том, чтобы все могли стать участниками моих трудов, и отчасти движимый завистью других, которые, восприняв мои взгляды непредвзято и понимая их безразлично, пытались публично очернить меня, я был склонен передать все это в прессу.... Наконец, если мои труды принесут какую—либо пользу департаменту республики литературы, возможно, будет признано, что я жил не праздно, и, как говорит старик в комедии:

"Ибо никогда еще никто не достигал

До такого совершенства, но в то время и в том месте,

И использовать, пополнили его знания;

Или исправлял, или увещевал его,

Что он был невежественен во многом, чего он

Думал, что знает; или заставил его отвергнуть

То, что он когда-то ценил превыше всего.

"Так, может быть, будет найдено и в отношении сердца в это время; или другие, по крайней мере, начиная отсюда, путь, указанный им, продвигаясь под руководством более счастливого гения, может дать повод действовать более удачно и исследовать более точно".

Во второй главе, после яркого описания поведения сердца, он, таким образом, заявляет о его мышечной природе. “Движение сердца заключается в определенном универсальном напряжении — как сокращении линии его волокон, так и сужении во всех смыслах. Оно становится выпрямленным, твердым и уменьшается в размерах во время своего действия; движение явно имеет ту же природу, что и у мышц, когда они сокращаются по линии своих сухожилий и волокон; ибо мышцы, находясь в действии, приобретают силу и напряженность и из мягких становятся твердыми, выпуклыми и утолщенными: таким же образом сердце.”...

“Следовательно, все это происходит вместе или в одно и то же мгновение: напряжение сердца, пульсация его верхушки, которая ощущается снаружи при ударах о грудную клетку, утолщение его темени и насильственное выталкивание содержащейся в нем крови из-за сокращения желудочков”.

В последующих главах он отдельно и виртуозно излагает факты о том, что пульс в артериях зависит от сокращения желудочков; что когда левый желудочек перестает сокращаться, пульс в артериях также прекращается; что два предсердия сокращаются вместе, а также два желудочка вместе, но желудочки следуют за предсердиями в определенном ритме; что сердце осуществляет переливание крови из вен в артерии; и что кровь, поступающая в легкие из правого желудочка, проходит через пористую структуру легких и снова к левому желудочку.

В своей восьмой главе Харви чувствует, что выдвигает соображения настолько нового характера, что “я трепещу, - говорит он, - чтобы не сделать своими врагами все человечество в целом, так много обычаев, которые становятся как бы другой природой, и доктрина, однажды посеянная и пустившая глубокие корни, и уважение к древности влияют на всех людей: *тем не менее, жребий брошен, и я верю в свою любовь к истине и искренность, присущие образованным умам*”. Он обнаружил, что невозможно объяснить постоянный приток крови в артерии и возвращение крови к сердцу, если только не было “движения, так сказать, по кругу”. И он показывает с помощью расчетов количества, проходящего через сердце за час, что это намного больше, чем содержится во всем теле, и что нет другого способа, кроме как посредством коммуникаций, проходящих от артерий к венам в каждой части тела. Наконец, он ясно показывает, как клапаны в венах способствуют возвращению крови к сердцу.

На протяжении всего этого трактата густо перемежаются соображения из сравнительной анатомии, феноменов человеческих болезней и натурфилософии, и используются образы самого наводящего на размышления характера; все это образует трактат, который каждый ученый человек мог бы хорошо прочитать, и который ни один врач не должен считать себя полностью образованным, не прочитав внимательно. В последующем письме Джону Риолану младшему, профессору анатомии Парижского университета, Харви излагает — в противовес тем, кто отвергает циркуляцию крови, потому что не могут увидеть ее действенную или конечную причину, и кто восклицает: *Cui bono?*— фундаментальную научную аксиому: “Наш первый долг - выяснить, существует ли эта вещь или нет, прежде чем спрашивать, почему она существует”. Опять же, “Тот, кто действительно желает быть информированным о рассматриваемом вопросе и о том, являются ли предполагаемые факты осязаемыми, видимыми или нет, должен считаться связанным”. , либо искать самому, либо принимать на веру выводы, к которым пришли те, кто смотрел; и действительно, нет более высокого метода достижения уверенности”.

Все, что написал Харви, показывает, что он был в высшей степени примером научного мышления, того, кто все подвергает проверке экспериментом и наблюдением. Анатомию, по его

словам, он изучал и преподавал не по книгам, а на основе вскрытий, не с позиций философов, а исходя из структуры Природы. Во введении к своему Трактату о зарождении он восхваляет “более совершенный путь” тех, “кто, следуя по следам природы своими собственными глазами, преследовал ее окольными, но наиболее надежными путями, пока не достиг ее в цитадели истины. И действительно, в таких занятиях, - продолжает он, “приятно не просто трудиться, но даже изнемогать, когда страдания от открытий с избытком компенсируются удовольствиями от открытий. Стремясь к новизне, мы обычно путешествуем далеко в неизвестные страны, чтобы собственными глазами увидеть то, что, как мы слышали, видели другие, где, однако, по большей части мы обнаруживаем, что присутствие этого снижает репутацию. Поэтому было бы постыдно, имея перед собой это самое обширное и восхитительное царство природы и где награда всегда превосходит обещанное, принимать на веру сообщения других и продолжать придумывать из них грубые проблемы, а на них вешать запутанные, придирчивые и мелочные споры. Следует обращаться к самой природе; следует смело идти по путям, которые она нам показывает; ибо так, консультируясь со своими надлежащими чувствами, от низших уровней продвигаясь к высшим, мы наконец проникнем в сердце ее тайны ”.

Каким бы правдивым и научным ни был Трактат о сердце и кровообращении, или, скорее, потому, что он был настолько правдивым и научным, его публикация поставила решительную и суровую преграду профессиональному процветанию Харви. Вульгарные люди считали, говорит Обри, что у него были ненормальные мозги. В письме, написанном много лет спустя после публикации, Обри говорит, что, хотя ему позволялось быть превосходным анатомом, никто не восхищался его терапевтическими методами. Практикующие врачи говорили, что по его рецептам они не могли определить, к чему он стремился. Тем не менее, он продолжал пользоваться благосклонностью суда и многих выдающихся людей. Став экстраординарным врачом Джеймса I. в 1618 году или ранее, в 1623 году ему было обещано вернуть должность Обычного врача, когда появится вакансия. Но его вступление на этот пост состоялось только в 1630 году при Карле I.[7]

Харви стал казначеем Колледжа врачей в 1628 году, но подал в отставку с этой должности, а также добился назначения заместителем в больницу Святого Варфоломея в 1630 году, когда король приказал ему сопровождать молодого герцога Леннокса в его путешествиях по Континенту. Вернувшись из этой экспедиции, в 1632 году он был приведен к присяге в качестве рядового врача при дворе его Величества, а в 1639 году мы находим в кабинете лорда-распорядителя письмо, в котором отдаются приказы установить диету из трех мясных блюд на прием пищи со всеми сопутствующими инцидентами, относящимися к доктору Харви. Но позже, в 1640 году, король, находясь в Йорке, заключает другое соглашение, выделяя 200 фунтов стерлингов в год доктору Харви, поскольку именно тогда, вероятно, не было возможности приготовить три мясных блюда. В 1632-3 годах в церкви Святого Варфоломея снова должен был быть назначен наместник; в 1636 году он должен был сопровождать графа Арундела в его посольстве к императору Германии. Это дало ему возможность лично объяснить суть обращения различным выдающимся врачам в главных городах Германии. В одном из таких случаев, в Нюрнберге, мы находим запись о том, что Харви устроил публичную демонстрацию тиража, которая удовлетворила всех, кроме Каспара Хофмана.[8] Вернувшись в Англию, Гарвей сопровождал Карла I. в его экспедициях, например, в Шотландию в 1639 году; и мы можем отметить, что, находясь в такой непосредственной близости от королевской особы, он очень

умело ухитрялся не ввязываться в придворные интриги, его лучшей защитой была преданность своим медицинским и физиологическим исследованиям.[9] Даже когда разразилась война, Гарвей ни в коей мере не стал противен парламенту, поскольку он сам говорит нам, что посетил короля не только с согласия, но и по желанию парламента. Таким образом, Харви присутствовал на самом поле битвы при Эджхилле.

“Во время боя, - говорит Обри, - принц и герцог Йоркский были вверены его попечению. Он рассказал мне, что отошел с ними под живую изгородь, достал из кармана книгу и стал читать. Но он читал совсем недолго, прежде чем пуля из большого ружья чиркнула по земле рядом с ним, что заставило его покинуть свое место”. Мы не можем не восхищаться хладнокровием и безмятежностью ума, который смог таким образом занять себя чтением посреди кровавой бойни, очевидно, не имея ни малейшей веры в применение силы в арбитраже между противоположными мнениями. Сопровождая Чарльза в Оксфорд, он нашел благоприятное общество и 7 декабря 1642 года получил звание доктора медицины. “Впервые я увидел его в Оксфорде, - говорит Обри, - в 1642 году, после битвы в Эджхилле; но тогда я был слишком молод, чтобы познакомиться с таким великим врачом. Я помню, он несколько раз приходил в наш колледж (Тринити) к Джорджу Батерсту, Б.Д., у которого в комнате была курица, которая высиживала яйца, которые они ежедневно открывали, чтобы увидеть прогресс и путь поколения”.

Таким образом, мы видим, что Гарвей продолжает заниматься изучением тайн размножения и развития, которым он посвятил столько лет и трудов. Должно быть, он начал свои исследования по этому предмету, по крайней мере, в начале правления Карла.

В 1645 году, когда король и его врач все еще оставались в Оксфорде, сэр Натаниэль Брент покинул Мертон-колледж, старостой которого он был, и принял Ковенант, Харви был назначен старостой на его место в силу королевского мандата. Он действительно потерял больше, чем свое время, следя за королевской судьбой, и заслуживал любой награды, которую король мог ему даровать. В конце шестидесят восьмого раздела своего трактата о поколении Харви говорит: “Пусть добрые умы простят меня, если, вспоминая о непоправимых травмах, которые я перенес, я здесь позволю себе вздохнуть. Вот причина моей печали: находясь при его Величестве во время наших недавних смут и не только гражданских войн, не только с разрешения, но и по приказу парламента, некие хищные руки лишили не только мой дом всей мебели, но и того, что вызывает у меня гораздо большее сожаление, мои враги забрали из моего музея плоды многолетнего труда. В результате чего многие наблюдения, особенно над поколением насекомых, исчезли, что, осмелюсь сказать, нанесло ущерб литературной республике”.[10]

Должность попечителя Мертонского колледжа принадлежала доктору Харви недолго, поскольку, когда Оксфорд сдался парламентским силам в июле 1646 года, он покинул университет и вернулся в Лондон, а сэр Натаниэль Брент был восстановлен в своей прежней должности. Ничего не было установлено о причине прекращения Гарвеем личного посещения короля в этот период, но несомненно, что он нашел убежище в домах своих братьев, каждый из которых, будь то в Сити, в Ламбете, в Роухэмптоне или в Комбе, держал для него специальные апартаменты. Действительно, очень приятно отметить огромную братскую привязанность, существующую в этой семье. У самого раннего из них, умершего в 1622 году, Томаса Харви, на его монументальной табличке есть следующая надпись. “Как в Связке Стрел. *Vis unita fortior.*

Группа Любви, Объединяющая Братьев”. Таким образом, оставив свои финансовые заботы на попечение своего брата Элиаба, Уильям в возрасте шестидесяти восьми лет более полно посвятил себя своим исследованиям о поколении, которые его друг доктор Лор извлек из него на Рождество 1650 года.

Доктор Лор, обращаясь к президенту и стипендиатам Колледжа врачей, пишет введение к этой работе, в котором он дает нам приятное представление о Харви в его отставке. Он говорит: “Измученный тревожными и, в конце концов, не слишком полезными заботами о прошедшем Рождестве, я попытался развеять угнетавшее меня настроение облако, посетив этого великого человека, главную честь и украшение нашего колледжа, доктора Уильяма Харви, который в то время жил недалеко от города. Я нашел его, подобно Демокриту, занятым изучением природных явлений, с веселым выражением лица, безмятежным умом, охватывающим все, что входит в его сферу. Я немедленно отдал ему честь и спросил, все ли у него в порядке. ‘Как это возможно, ‘сказал он, - когда Содружество полно отвлекающих факторов, а я сам все еще в открытом море?’ И действительно, - продолжал он, - если бы я не находил утешения в своих занятиях и бальзама для моего духа в воспоминаниях о моих наблюдениях прошлых лет, я бы не испытывал особого желания жить дольше. Но так случилось, что эта жизнь в неизвестности, этот отдых от общественных дел, который вызывает скуку и отвращение у столь многих, оказался для меня лучшим лекарством’.” Записана продолжительная беседа, в которой Харви в самом мудром для него ключе рассуждает о ценности исследования природы всеми возможными способами. Доктор Лор сообщил ему, что ученый мир с нетерпением ожидает его дальнейших экспериментов. Харви возразил: “Вы прекрасно знаете, какую бурю подняли мои прежние рассуждения. Зачастую гораздо лучше становится мудрее дома и в частном порядке, чем публиковать то, что вы накопили с бесконечным трудом, разжигая бури, которые могут лишить вас мира и покоя до конца ваших дней”. Наконец он выпустил "трактат о зарождении животных", и доктор Энт, убедив его опубликовать его как ради его собственной славы, так и ради общественного блага, а также предложив ознакомиться с ним в прессе, дал согласие на его публикацию сразу или когда-нибудь в будущем. Доктор Лор ликовал, чувствуя себя еще одним Ясоном, отягощенным золотым руном. “Нашему Харви, ” говорит он, “ скорее кажется, что открытие было для него естественным делом, легким делом и, конечно, обычным делом; хотя, тем не менее, он, возможно, потратил бесконечный труд и изучение своих работ. И у нас есть свидетельство его исключительной искренности в том, что он никогда враждебно не нападает ни на одного из предыдущих авторов, но всегда вежливо излагает и комментирует мнения каждого; и действительно, он имеет обыкновение говорить, что это аргумент безразличного толка, когда за него борются с насилием и смутой, и что истина вряд ли нуждается в защитнике ”.

Этот великий труд, опубликованный в 1651 году, начинается с описания куриного яйца и его развития, при этом излагается доктрина о том, что все животные, а также растения происходят из яйцеклеток. Между прочим, как и впоследствии, приводятся наблюдения, имеющие большое значение для размножения у всех видов животных, и ясно показано, что вместо того, чтобы содержать с первых, чрезмерно мелких, но полных особей, яйца сначала включают чрезвычайно простые структуры, которые путем последовательных и постепенных изменений становятся похожими на взрослых особей, из которых они произошли. Это правда, что Гарвей вместе с Аристотелем верил, что зародыши низших животных могли возникнуть из неживой материи; но только в самые последние дни самые сложные микроскопические исследования, похоже, окончательно опровергли эту точку зрения. Доктрина о том, что просто

сконструированный зародыш растет, питаясь неживой материей, превращая ее в живую материю и постепенно придавая ей форму, характерную для родительницы, была великим новшеством в эпоху Харви, и она не утихла до тех пор, пока Каспар Вольф в 1759 году надежно не утвердил ее. Но это сохранилось до нынешнего столетия, чтобы стать плодотворным.

На протяжении всего трактата Харви видно, насколько сильно отсутствие таких возможностей, как у микроскопа, подорвало все исследование, хотя поистине удивительно, как много было достигнуто без его помощи. Случайные замечания показывают острый ум, повсюду стремящийся к разумной процедуре, как, например, при перевязке главной артерии опухоли, которую он хотел уничтожить; находящийся на грани открытия, даже когда его полное осознание не пришло, как, например, когда в отношении легких он говорит: “Воздух не используется ни для охлаждения, ни для питания животных”, вопреки преобладающему представлению. Но отсутствие химических знаний в ту эпоху помешало ему продвинуться дальше.

Его опубликованные работы представляют собой лишь часть работы всей жизни Харви. Мы находим ссылки на его “Медицинские наблюдения” и “Медицинскую анатомию”, которые, если и были написаны, то, вероятно, были уничтожены в Колледже врачей во время Большого пожара. В одном месте Харви утверждает, что в своей “медицинской анатомии” он имел в виду “из множества вскрытий, которые он сделал на телах людей, измученных серьезными и странными заболеваниями, показать, как и каким образом внутренние органы изменились в своем положении, размере, структуре, рисунке, консистенции и других ощутимых качествах, исходя из их естественных форм и внешнего вида, таких, какими они обычно описываются анатомами, и какими разнообразными и примечательными способами они были затронуты. Ибо подобно тому, как вскрытие здоровых и хорошо сложенных тел вносит существенный вклад в развитие философии и здоровой физиологии, так и обследование больных и кахектических субъектов оказывает мощную помощь философской патологии”. Таким образом, представляется, что, обладая мы патологическими наблюдениями Харви, он также заслужил бы звание основателя патологии.

Примерно ко времени публикации “Трактата о зарождении” работа Харви о сердце и кровообращении получала продолжительное и широкое распространение на Континенте. В Италии римский профессор Труллиус; во Франции Джон Пеке из Дьеппа; в Лейдене Томас Бартолин были заняты распространением взглядов Гарвея. Заметным новообращенным был Племпиус из Лувена, который, поддавшись опровержению Гарвея, оказался вынужден отказаться от своих слов, когда сам провел несколько экспериментов на живых собаках.

Харви постоянно заботился о благополучии Колледжа врачей, перед которым он продолжал читать ламлейские лекции вплоть до 1656 года. На внеочередном собрании, состоявшемся 4 июля 1651 года, доктор Пружан, Президент, зачитал стипендиатам следующее анонимное предложение: “Если я смогу найти того, кто построит нам библиотеку и хранилище простых вещей и редкостей, такое, которое будет подходящим и почетным для колледжа, согласитесь ли вы на это или нет?” Предложение, конечно, было единогласно и с благодарностью принято, но не указано, в какой период времени выяснилось, что Харви был щедрым жертвователем. Однако 22 декабря 1652 года колледж постановил установить ему статую, которая была выполнена в его докторской шапочке и мантии с надписью “Viro monumentis suis immortalis”. Однако только 2 февраля 1653-4 годов было открыто новое здание, состоящее, как

рассказывает нам Обри, из благородного здания римской архитектуры (деревенской работы с коринфскими пилястрами), состоящее из большой гостиной, своего рода зала собраний для стипендиатов внизу и библиотеки наверху. Харви присутствовал на открытии, устроив великолепное развлечение, и официально передал документы о праве собственности и всю долю участия в здании в речи, исполненной предельной доброжелательности. Он передал музею не только здание, но и значительную библиотеку, а также множество хирургических инструментов и предметов, представляющих интерес.

30 сентября 1654 года Харви в его отсутствие был избран президентом колледжа, от которого, однако, он отказался на следующий день из-за своего возраста и растущих недугов, а также порекомендовав продолжить работу доктора Пруяна, который выдвинул его в качестве одного из членов совета, от должности которого он не отказался. Он продолжал читать лекции, хотя его силы были подорваны сильными приступами подагры, но в июле 1656 года он сложил с себя обязанности лектора. Прощаясь с колледжем на грандиозном банкете, который он устроил, он подарил ему свое родовое поместье в Бермарше в графстве Кент. Одно специальное положение устанавливало зарплату библиотекарю, а другое устанавливало то, что с тех пор известно как Харвейская речь, ежегодно произносимая в память о благотворителях колледжа, и теперь распространяется на тех, кто внес вклад в медицинскую науку в течение года.

Долгая и по-настоящему удачливая карьера Харви — ибо счастливым следует считать того, кто, подобно Дарвину, провозгласив эпохальное открытие, дожился до того, чтобы увидеть, как оно стало каноническим, — теперь подходила к концу. В нескольких своих более поздних письмах он выражает свое чувство немощи. В письме в 1655 году доктору Хорсту в Гессен-Дармштадт он говорит о “преклонном возрасте, который не позволяет нам исследовать новые тонкости, и о разуме, который склонен к отдыху после утомительных длительных трудов”. Позже, 24 апреля 1657 года, в письме доктору Влаквельду в Гарлем он пишет: “Напрасно вы подстегиваете меня в моем нынешнем возрасте — не просто зрелом, но и угасающем — подготовиться к какому-либо новому исследованию. Ибо теперь я считаю себя имеющим право на увольнение со службы”.

Харви умер 3 июня 1657 года, на восьмидесятом году жизни, и товарищи по колледжу последовали за его останками далеко за город, в Хемпстед, в Эссексе, где у его брата Элиава было хранилище. Его завещание — характерный документ. Он так выражает свою христианскую веру: “Я смиреннейшим образом вручаю свою душу Тому, кто ее отдал, и моему благословенному Господу и Спасителю Христу Иисусу”. Назначив своего брата Элиава душеприказчиком и остаточным наследником, он завещает наследство всем своим родственникам в самых нежных выражениях: мы не знаем даты смерти его жены (в 1645 году она была еще жива), но здесь она упоминается как “моя дорогая покойная любящая жена”. “Я дарю Коллегии врачей все мои книги и бумаги, и мой лучший персидский длинный ковер, и мою голубую атласную вышитую подушку, и одну пару медных кресел, с ковриком для камина и медными щипцами для украшения зала заседаний, который я построил”. Представляется весьма вероятным, что эти книги и бумаги включали некоторые весьма прискорбные наблюдения Харви, которые были уничтожены вместе со зданием, которое он возвел, и статуей в его память во время большого пожара 1666 года. Он оставил 10 фунтов стерлингов своему другу Гоббсу из Малмсбери, который описывает Харви как единственного из его знакомых, кто победил зависть и основал новую доктрину при своей жизни.

“Личный характер этого великого человека,” говорит Айкин в своих Биографических мемуарах о медицине в Великобритании, - по-видимому, был во всех отношениях достоин его общественной репутации. Жизнерадостный, искренний и прямолинейный, он не был жертвой какой-либо низменной или неджентлинской страсти. От природы он был так же мало склонен умалять заслуги других или выставлять напоказ свои собственные, как и необходимость использовать такие методы для продвижения своей славы. Со многими противниками, которых возбуждала его известность и новизна его взглядов, он, как правило, обращался скромно и сдержанно, часто очень отличаясь от их собственных; и хотя он опровергал их аргументы, он награждал их всеми подобающими похвалами. Он жил в условиях совершенной гармонии и дружбы со своими собратьями по колледжу; и, похоже, у него было очень мало амбиций поглощать непропорционально большую долю медицинской практики. Говорили, что в глубокой старости боль и недомогание сделали его несколько раздражительным по характеру.... Несомненно, что глубочайшее почитание великой Причины всех тех чудес, с которыми он был так хорошо знаком, в высшей степени заметно в каждой части его работ. Он обычно говорил, что никогда не препарировал тело какого-либо животного, не обнаружив чего-то такого, чего он не ожидал и не задумывал, и в чем он распознал руку премудрого Создателя. Он приписывал все явления природы Своему особому влиянию, а не действию общих законов. В дружеской беседе Харви был непринужден и непритязателен и необычайно ясно выражал свои идеи. Его ум был снабжен обширным запасом знаний не только в вопросах, связанных с его профессией, но и по большинству объектов либеральных исследований, особенно по древней и современной истории, а также политической науке. Он получал огромное удовольствие от чтения древних поэтов, в частности Вергилия, божественные произведения которого, как говорят, иногда приводили его в такой восторг, что он отбрасывал от себя книгу с возгласами восторга. Чтобы дополнить свой образ, он не хотел того лоска и вежливого обращения, которые необходимы ученому, который к тому же выглядел бы как джентльмен”.

По словам Обри, который хорошо его знал, Харви был невысок, но самого низкого телосложения; круглолицый, оливкового цвета, с маленькими круглыми глазками, очень черный и полный духа, его волосы были черными, как вороново крыло, но совершенно седыми за двадцать лет до смерти. Его портрет в Колледже врачей соответствует этому рассказу, указывая на нервный, желчный темперамент и показывая компактный, квадратный, широкий лоб. Общее выражение лица в высшей степени интеллектуальное, созерцательное и мужественное.

Харви обладает редким отличием — он стоит во главе трех научных отделов Англии - сравнительной анатомии, физиологии и медицины. Когда они едва существовали, он развил их в живую форму из хаоса. Степень его достижений должна оцениваться по размаху надстройки, построенной на его фундаменте. Он заложил широкие и прочные основы и применял на практике истинный научный метод. Несмотря на немощи Харви, его ум в старости отличался неизменной молодостью и желанием учиться, так что незадолго до смерти Обри застал его за изучением “Clavis Mathematica” Оутреда и рабочих задач. Ему было в равной степени приятно делиться своими знаниями с другими и, как рассказывает Обри, “наставлять всех, кто относился к нему скромно и уважительно. Перед моим путешествием (в то время я направлялся в Италию) он диктовал мне, что посмотреть, в какой компании побывать, какие книги почитать, как вести учебу — короче говоря, он велел мне пойти к фонтану и почитать Аристотеля, Цицерона, Авиценну”. Он всегда был очень созерцателен и имел обыкновение часто бывать в Кокейн-хаусе, который купил его брат Элиав, имея там несколько своих стоянок по отношению к солнцу и ветру, для потворства своей фантазии. В доме в Комбе, в Суррее, у него были вырыты пещеры

в земле, в которых он любил медитировать летом. Он также любил темноту, поскольку тогда лучше всего мог созерцать. Активность его ума часто лишала его сна, когда он вставал и расхаживал в одной рубашке, пока не остывал и не мог заснуть. Точно так же он лечил свои приступы подагры; он сидел с голыми ногами, даже в мороз, на крыльце Кокейн-Хауса и опускал их в ведро с водой, пока почти не умирал от холода, и таким образом обнаружил, что его приступы можно умерить.

Его великие труды, согласно обычаю того времени, были написаны на латыни; и доктор Уиллис, который перевел их все на английский, описывает его латынь как в целом легкую, часто элегантную и нередко богатую воображением — кажется, он никогда не чувствует себя ни в малейшей степени скованным языком, которым пользуется.

Колледж врачей, говорит доктор Манк, располагает несколькими интересными памятниками Харви, два из которых можно упомянуть. Один из них - зонд или стержень из китового уса с серебряным наконечником, с помощью которого он демонстрировал детали на своих лекциях по ламлейскому языку в колледже. Другой, состоящий из шести деревянных столов, на которых разложены различные кровеносные сосуды и нервы человеческого тела, тщательно препарирован, вероятно, подготовлен самим Гарвеем и предположительно использовался им в своих лекциях. Они были представлены колледжу графом Уинчелси, один из предков которого, лорд-канцлер Ноттингем, был женат на племяннице Харви.

СНОСКИ:

[4] Restitutio Christianismi.

[5] Мальпиги впервые увидел циркуляцию крови. В 1661 году он записывает, что видел циркуляцию крови в легких лягушки. Позже он увидел это и в брыжейке лягушки.

[6] Перевод работ Харви, сделанный доктором Уиллисом. Сайденхэм Соч. 1847.

[7] Личная история Харви сравнительно мало связана со спорами, возникшими при установлении истинности его открытия. Его лекции и демонстрации в Колледже врачей были настолько убедительными, что он встретил лишь незначительное противодействие со стороны способных критиков в Англии. Континентальные профессора, однако, медленнее воспринимали его учение. “Циркуляция крови,” говорит он в своем первом ответе Риолану в 1649 году, “уже много лет известна миру, проиллюстрирована доказательствами, доступными чувствам, и подтверждена многочисленными экспериментами; но никто еще не пытался противостоять ей на основании показаний глаз. Пустые утверждения, беспочвенные аргументы, придирчивые замечания и оскорбительные эпитеты - вот все, что было выдвинуто против доктрины и ее автора.” Поэтому нам нет необходимости следить здесь за историей окончательного и полного триумфа взглядов Харви на Континенте.

[8] О том, что научный пыл Харви был в полной мере проявлен во время этого путешествия, мы также узнаем из замечания художника Холлара, сопровождавшего посла: “Он по-прежнему совершал экскурсии в лес, проводил наблюдения за странными деревьями, растениями, землями и т. Д., А иногда любил заблудиться; так что милорд посол был бы по-настоящему зол на него, потому что опасность представляли не только дикие звери, но и воры”.

В письме, написанном во время этого путешествия, Харви говорит: “Кстати, мы почти не смогли увидеть собаку, ворону, воздушного змея, ворона или любую другую птицу, или что-либо, что можно было бы анатомировать; только несколько несчастных людей, реликвии войны и чумы, которых голод сделал анатомированными до моего приезда”.

[9] Есть все основания полагать, что таким образом Харви нисколько не утратил благосклонности и уважения короля. Харви записывает, что Кинг несколько раз показывал ему бьющееся сердце цыпленка в скорлупе. Мы узнаем, что он предоставил в распоряжение Харви несколько образцов для его экспериментов и неоднократно присутствовал при его вскрытиях. Хотя это точно не записано, Харви, похоже, сопровождал Чарльза по крайней мере в одной из его поездок в Шотландию и посетил Басс-Рок. В своей работе о поколении он между прочим описывает морских птиц, которых он обнаружил там в таком изобилии.

[10] Именно в связи с этим Коули говорит:—

“О проклятая война! кто может простить тебе это?

Дома и поселки могут снова подняться,

И это в десять раз проще

Восстановить работу Пола лучше, чем любую другую его работу”.

ГЛАВА III.

ТОМАС САЙДЕНХЭМ, БРИТАНСКИЙ ГИППОКРАТ.

В первых рядах практических врачей Англии стоит Томас Сиденхэм, потомок древнего сомерсетширского рода, одна из ветвей которого мигрировала в Дорсетшир во времена правления Генриха VIII и поселилась в Уинфорд Игл. Здесь он родился в 1624 году. Мы ничего не знаем о его ранних годах, пока не узнаем, что в 1642 году он поступил в Магдален-Холл в Оксфорде. Его учеба была прервана резиденцией там Карла I. И весьма вероятно, что он взял оружие на стороне парламента, в то время как несомненно, что это сделали его братья - один из них, Уильям Сайденхэм, был хорошо известным парламентским комиссаром и губернатором острова Уайт. Его мать тоже была каким-то образом, о котором у нас нет сведений, “убита во время гражданских войн” в 1644 году, так что есть достаточная причина, по которой Томас Сайденхэм должен был уйти из Оксфорда именно в это время. Сэр Ричард Блэкмор действительно описывает его как уволенного офицера, и это представляется возможным из того, что утверждает сам Сиденхэм.

В своем письме, посвященном доктору Джону Мейплтофту из третьего издания его “Медицинских наблюдений”, Сайденхэм говорит: “Прошло тридцать лет с тех пор, как мне посчастливилось встретиться с образованным и простодушным мастером Томасом Коксом, доктором.... Я сам направлялся в Лондон с намерением поступить оттуда в Оксфорд, поскольку начало войны удерживало меня вдали от дома в течение нескольких лет. Со своей хорошо известной добротой и снисходительностью доктор Кокс спросил меня, какое занятие я готов сделать своей профессией.... В этом вопросе мой разум был непоколебим, хотя я даже не

мечтал о медицине. Однако, воодушевленный рекомендацией и поощрением столь высокого авторитета, я серьезно подготовился к этому занятию. Следовательно, все те небольшие заслуги, которые мои работы, возможно, заслужили в глазах публики, следует с благодарностью отнести к тому, кто был покровителем и промоутером моих первых начинаний ”.

Доктор Летсом в 1801 году сообщил журналу "Джентльменз Мэгэзин" анекдот о МИСС, который, как впоследствии было установлено, взят из "Расписания оправданий" доктора Эндрю Брауна, опубликованного через два года после смерти Сайденхэма. Доктор Тос. Сайденхэм был актером в конце гражданской войны и уволился с должности капитана. Он был в своей квартире в Лондоне и ложился спать ночью, не раздеваясь, как сумасшедший пьяница, солдат, тоже проживавший в той же квартире, вошел в его комнату, одной рукой схватив его за грудки рубашки, а другой засунул заряженный пистолет ему за пазуху; и все же, о странный! не причинив ему никакого вреда". Далее в рассказе рассказывается о том, как случилось, что пуля была выпущена по линии ребер всех костей ладони, так что она потеряла свою силу и была израсходована, не причинив Сайденхэму никакого вреда.

Когда Оксфорд сдался парламенту, Сиденхэм вернулся в Магдален-холл и вскоре после этого был избран членом общества "Все души" вместо изгнанного роялиста. Степень магистра искусств он получил в 1648 году, не получив степени в области искусств; и, по-видимому, он прожил в Оксфорде несколько лет, возможно, с перерывом, проведенным в Медицинской школе Монпелье. Вскоре после получения ученой степени он начал страдать от подагры и симптомов каменной болезни, мучеником которой он был более или менее всю оставшуюся жизнь.

Мы не знаем, в каком году Сайденхэм наконец бросил Оксфорд и уехал в Лондон. Он рассказывает об эпидемиях 1661 года в Лондоне, где он, должно быть, тогда поселился. В 1663 году он стал лицензиатом Колледжа врачей, но не мог продвигаться дальше без докторской степени, которую получил сравнительно поздно, в 1676 году.

В 1666 году появилась первая работа Сиденхэма, первое издание "Метода лечения лихорадок", посвященное продолжающимся и перемежающимся лихорадкам, а также натуральной оспе.

Это первое издание было посвящено Роберту Бойлу, которого Сайденхэм описывает как "истинно и всецело благородного" и которому он приписывает трансцендентные роли, такие, что поднимают его на уровень самых известных имен ушедших эпох. Он признает многие и великие заслуги, оказанные ему его другом; и он трезво заявляет, что именно по убеждению и рекомендации Бойля он взялся за написание книги, и на его опыте были проверены некоторые ее части. Бойл иногда сопровождал Сайденхэма в его посещениях больных. Врач надеется, что его книга не снискает меньшей популярности из-за того, что она "не обширна по объему и не набита трофеями прежних авторов". "У меня нет желания тревожить их прах", - замечает он.

Предисловие к первому изданию начинается так: "Тот, кто занимается медициной, должен серьезно обдумать следующие моменты: во-первых, он должен однажды представить Верховному Судье отчет о жизнях тех больных людей, которые были вверены его попечению. Во-вторых, что те умения и наука, которых он, по благословению Божьему, достиг, должны быть специально направлены на прославление своего Создателя и благополучие своих ближних, поскольку великим дарам небес свойственно становиться слугами алчности или честолюбия. В-третьих, он должен помнить, что имеет дело не с подлым неблагородным животным. Мы можем

убедиться в ценности человеческого рода, поскольку ради него единокровный Сын Божий стал человеком и тем самым облагородил природу, которую Он принял на Себя. Наконец, он должен помнить, что он сам не освобожден от общей участи, но что он связан теми же законами смертности и подвержен тем же недугам и невзгодам, что и его собратья. По этим и подобным причинам пусть он стремится оказывать помощь страждущим с большей осторожностью, с более добрым духом и с более сильным чувством сопричастности”.

Искренний и философский темперамент этого человека также хорошо проиллюстрирован в заключении того же предисловия. Он предвидит, что “даже там, где моя практика была опробована и ее результаты были признаны, будут утверждать, что мои утверждения далеко не новы и что миру они давно известны. Несмотря на это, я никогда не позволял себе удерживаться от того, чтобы поделиться нижеследующими страницами с теми из моих собратьев, которые соединяют любовь к истине с любовью к себе подобным. Таков мой характер и предрасположенность небрежно относиться как к словам, так и к поступкам чрезмерно гордых и чрезмерно критичных людей. Однако мудрым и честным людям я хочу сказать вот что: я никоим образом не исказил ни факт, ни эксперимент; я сказал правду, только правду и ничего, кроме правды.... А пока я прошу прощения и подчиняюсь доводам лучших судей, чем я, за все ошибки теории. Возможно, впоследствии я сам изменю свое мнение по многим пунктам по собственному желанию. Поскольку у меня нет недостатка в милосердии к ошибкам других, я не люблю упрямо настаивать на своих собственных”.

В начале своего трактата он утверждает, что болезнь - это действие природы, которая из всех сил стремится восстановить здоровье пациента путем устранения болезнетворного вещества. И все же он настолько согласен с современным открытием бактериальных микробов, что относит специфические различия между лихорадками к какому-то неизвестному составу атмосферы. Его мудрость очевидна, когда он говорит, что при вспышке новой лихорадки он ничего не предпочитает небольшой отсрочке и старательно наблюдает за характером и причиной болезни, а также за тем, какие виды лечения приносят пользу или вред. Он четко понимает, что научная разработка характеристик и феноменов каждой болезни должна быть завершена, прежде чем можно будет утверждать, что была проделана какая-либо хорошая работа, достойная упоминания. Было бы трудно проявить более скромный и более истинно философский настрой, чем тот, который проявляется в следующих строках в конце его второй главы: “Одна вещь, к которой я стремлюсь больше всего. Я хочу рассказать о том, как обстоят дела в последнее время; какими они были в этом городе, в котором мы живем. Наблюдения за несколько лет составляют мою основу. Именно поэтому я хотел бы внести свою лепту, такой, какая она есть, в основание работы, которая, по моему скромному мнению, принесет пользу человечеству. Это завершат потомки, поскольку им будет дано получить полное представление обо всем цикле эпидемий в их взаимной последовательности на долгие годы”.

Яркий пример его философской умеренности приводится в следующем отрывке: “Что касается меня, то я не претендую на звание философа, и те, кто так себя считает, возможно, могут посчитать меня виноватым в том, что я не пытался проникнуть в эти пенетрации. Таким авторам, как эти, я бы просто порекомендовал, прежде чем они будут обвинять других, попробовать свои силы в некоторых распространенных явлениях природы, которые встречаются нам на каждом шагу. Например, я хотел бы знать, почему лошадь достигает расцвета в семь лет, а человек - в двадцать один год? Почему в растительном царстве одни растения цветут в мае, а другие - в июне? Подобных вопросов существует бесчисленное множество. Следовательно, если многие

люди совершенной мудрости не стыдятся заявлять о своем невежестве в этих вопросах, я не понимаю, почему меня должны подвергать сомнению за то же самое. Этиология - дело сложное и, возможно, необъяснимое, и я предпочитаю держаться от нее подальше. *Однако я убежден, что природа здесь, как и везде, движется регулярно и упорядоченно.*”

Каким мудрым и твердым тоном Сайденхэм разоблачает шарлатанов и продавцов патентованных лекарств! Он считает, что любой человек, который может с помощью любого надежного метода лечения или применения любого конкретного средства контролировать течение болезней или сокращать их продолжительность, связан всеми возможными узами, чтобы явить миру в целом столь великое благословение для своей расы. Если бы он утаил это, он объявил бы его плохим гражданином и неразумным человеком; ибо ни один хороший гражданин не стал бы монополизировать для себя общее благо для себе подобных, и ни один мудрый человек не отказался бы от благословения, которого он мог разумно ожидать от своего Создателя, внося свой вклад в благосостояние мира.

Сиденхэм выделяется как великий защитник перуанской коры, которая в своей современной форме хинина оправдала все, что он о ней заявлял. Он также является основателем метода “выжидательного” лечения. “Моя главная забота, - говорит он, - посреди такой темноты и невежества - немного подождать и действовать очень медленно, особенно при использовании мощных лекарств, соблюдая тем временем их природу и процедуру, а также то, какими средствами пациенту было оказано облегчение”.

Новый трактат сразу привлек внимание и был опубликован в "Философских трудах" за 1666 год. В том же году вышло голландское издание "Метода". Ценность и эффект этого трактата мы едва ли можем полностью оценить в настоящее время, но его суть хорошо передана доктором Джоном Брауном, автором “Подсективы о Горе”. “Помимо их широких, точных, ярких описаний болезней — портретов, нарисованных при жизни великим мастером, — и их мудрых, простых, рациональных правил лечения, активного и пассивного, общего и специфического, есть два великих принципа, которые постоянно упоминаются как высшие в искусстве медицины. Первое заключается в том, что природа излечивает болезни; что в каждом живом организме есть восстанавливающая и целебная сила, *vis medicatrix*, вложенная в него Всемогущим, и что именно тщательным и благоговейным изучением этого закона восстановления должны руководствоваться все наши попытки излечения; что мы являемся его служителями и толкователями, ни больше ни меньше; и второе, что симптомы - это язык страдающего, неупорядоченного и находящегося под угрозой исчезновения тела, к которому долг врача прислушиваться и, насколько он может, объяснять и удовлетворять, и что все наши попытки излечения должны быть направлены. что, как и все другие языки, его необходимо изучать. Это то, что он называет естественной историей болезней.... То, что Локк сделал для науки о разуме, что Гарвей и Ньютон сделали для наук об органической и неорганической материи, Сиденхэм сделал для искусства исцеления и сохранения целостности людей: он сделал его в основном наблюдательным; он основал его на том, что он сам называет прямолинейным фактом, и сделал это не путем развертывания системы доктрин или возведения строительных лесов теории, но указав путь, продемонстрировав метод — и, более того, научив этому на примере, не меньше, чем наставлением, — идя по дороге, а не действуя просто как указательный палец, и показывая, что это действительно так. самому быть во всем настоящим мастером искусства и владеть своими инструментами. Ценность, которую он придает чистому, постоянному, честному наблюдению как единственному исходному акту и процессу всей истинной науки о природе, в

высшей степени замечательна; и он сам, в своих описаниях болезней в целом и частных случаев, приводит весьма убедительные доказательства своей собственной способности к упорному, скрупулезному, правдивому исследованию”.

В 1668 году было опубликовано второе издание "Метода" с дополнениями, особенно главой о чуме, и предваренное хвалебной речью в латинских стихах, состоящей из пятидесяти четырех строк, написанной прославленным Локком. В 1676 году появилось третье издание “Метода”, настолько расширенное, что его лучше рассматривать как первое издание "Медицинских наблюдений". В том же году Сиденхэм получил степень доктора медицины, но не в Оксфорде, а в Кембридже, вероятно, этот выбор был обусловлен тем фактом, что его сын поступил в Пембрук-колледж в Кембридже двумя годами ранее.

Из предисловия к его "трактату о подагре и водянке", опубликованному в 1683 году, мы узнаем, что Сиденхэм был вынужден отложить свой проект полной книги о хронических заболеваниях из-за сильных приступов подагры, вызванных его трудами. “Всякий раз, когда я возвращался к своим занятиям, - говорит он, - моя подагра возвращалась ко мне”. За несколько лет до этого, в 1677 году, ему помешал заниматься тяжелый приступ подагры, и он был вынужден провести еще три месяца в деревне, чтобы восстановить свое здоровье. Однако следует полагать, что он продолжал свой труд выше своих сил, и в последние годы его жизни было выпущено несколько изданий его работ, содержащих свежие наблюдения. Он умер в своем доме на Пэлл-Мэлл 29 декабря 1689 года в возрасте шестидесяти пяти лет и был похоронен в Сент-Джеймском соборе Вестминстера. Действительно подходящее описание “*Medicus in omne évum nobilis*” было дано ему Коллегией врачей в 1810 году, когда в память о нем рядом с местом его захоронения была установлена настенная табличка.

В завещании Сиденхэма указано, что у него было трое сыновей — Уильям, Генри и Джеймс, старший из которых получил наследственные поместья в Хартфордшире и Лестершире. Он завещал 30 фунтов стерлингов на профессиональное образование своего племянника Джеймса, впоследствии сэра Джеймса Торнхилла, тестя Хогарта. Душеприказчиком Сиденхэма был мистер Мальтус, аптекарь с Пэлл-Мэлл (прадед профессора Мальтуса), которому он предписывает похоронить его с осторожным воздержанием от всякой показной похоронной пышности.

Возможно, нет необходимости так остро сожалеть об отсутствии биографических подробностей о докторе Сайденхэме, как это делали многие, поскольку мы считаем, что его характер отчетливо проявляется в его произведениях. В своем письме доктору Мейплтофту, о котором уже упоминалось, он говорит:

“После нескольких лет, проведенных на университетской арене, я вернулся в Лондон для медицинской практики. Чем больше я наблюдал за фактами этой науки внимательным взором и чем больше я изучал их с должным усердием, тем больше я укреплялся во мнении, которого придерживался до настоящего времени, а именно, *что искусству медицины следует должным образом обучаться только на практике*; и что, по всей вероятности, тот был бы лучшим специалистом в обнаружении истинных показаний к лечению, кто наиболее усердно и наиболее точно обращал внимание на естественные явления болезни”.

В том же предисловии содержится мнение Сайденхэма о своем великом современнике и ценном друге. “Вы также знаете, насколько глубоко близкий и общий друг, а также тот, кто

внимательно и исчерпывающе изучил этот вопрос, согласен со мной относительно метода, о котором я говорю, — человека, который по остроте своего интеллекта, по твердости своих суждений, по простоте (и под *простотой* я подразумеваю *совершенство*) своих манер имеет среди нынешнего поколения мало равных и нет начальников. Эту похвалу я могу с уверенностью отнести к имени Джона Локка”. Дугалд Стюарт, комментируя это, говорит: “Следовательно, можно предположить, что заслуга Метода частично принадлежала мистеру Локку”. Однако в сотрудничестве этих великих умов нет причин умалять похвалу ни того, ни другого.

Идея Сиденхэма об удовлетворительном методе лечения была практическим направлением, основанным на достаточном количестве экспериментов. По его словам, его обязанностью было подтверждать свои собственные наблюдения, а не обсуждать мнения других. Факты говорили бы сами за себя и только показали бы, действовал ли он правдиво и честно или, как распутный и безнравственный человек, должен был стать убийцей, даже находясь в могиле. В предисловии к третьему изданию он говорит: “Дыхание жизни было бы для меня напрасным подарком, если бы я не внес свою лепту в сокровищницу медицины”. Он считал, что медицину следует развивать двумя основными путями — с помощью истории болезней, описаний, одновременно наглядных и естественных, и формулирования практики или метода их лечения. Самая современная мысль не могла бы выдвинуть более разумного принципа для описания болезни, чем следующий: “При написании истории болезни все философские гипотезы, какие бы они ни были, которые ранее занимали ум автора, должны быть отложены в сторону. После этого следует отметить очевидные и естественные явления болезни — эти и только эти. Они должны быть отмечены точно и во всех их подробностях.” Он остроумно замечает, что часто бывает так, что характер жалобы зависит от характера лекарств, и что симптомы могут быть отнесены не столько к болезни, сколько к врачу. Он объясняет отсутствие точных описаний болезней идеей о том, что болезнь была всего лишь запутанным и неупорядоченным усилием природы, тщетно защищающей себя, так что люди сравнили попытки дать точное описание с попытками отмыть черные земли добела.

Сиденхэму также пришла в голову идея уделить некоторое внимание желаниям и вкусам пациента. “Человек в жгучей лихорадке желает свободно выпить немного ликера; но правила искусства, построенные на некоторой гипотезе, имеющей в виду иную цель, препятствуют этому желанию и вместо него заказывают сердечный напиток. Тем временем пациента, которому не разрешают пить то, что он хочет, тошнит от любой пищи, но искусство приказывает ему есть. Другой, после продолжительной болезни, может быть, усердно просит о чем-то странном или сомнительном; и здесь дерзкое искусство снова мешает ему и угрожает смертью. Насколько превосходнее афоризм Гиппократ: ‘Следует предпочесть ту пищу, которая наиболее полезна, хотя и не столь полезна, тому, что лучше, но неприятно на вкус’”. “В нем нет ничего от назойливого практика¹. “Действительно, если я могу говорить откровенно, я долгое время придерживался мнения, что я играю роль честного человека и хорошего врача, когда полностью воздерживаюсь от лекарств, когда, посетив пациента, я нахожу, что ему сегодня не хуже, чем было вчера; тогда как, если я попытаюсь вылечить пациента методом, в котором я не уверен, он подвергнется опасности как из-за эксперимента, который я собираюсь провести над ним, так и из-за самой болезни; и ему не удастся так легко избежать двух опасностей одновременно”.

Прекрасное описание одного из аспектов истерии и ипохондрии может быть приведено здесь в качестве примера его силы в описании болезни: “Пациенты верят, что они должны страдать от

всего зла, которое может обрушиться на человечество, от всех бед, которые может доставить мир. У них печальные предчувствия, они размышляют о пустяках, лелея их в своей тревожной и беспокойной груди. Страх, гнев, ревность, подозрительность и наихудшие страсти ума возникают беспричинно. Радость, надежда, жизнерадостность, если они вообще находят место в своем настроении, находят его с интервалами 'очень редко', а затем быстро уходят. В них, как и в болезненных чувствах, нет меры. Все - каприз. Они любят без меры тех, кого вскоре возненавидят без причины. Теперь они будут делать это, теперь то - постоянно отступая от своей цели.... Все, что они видят в своих снах, - это похороны и тени ушедших друзей”.

Нигде великий врач не описал свой собственный характер более ясно, чем в следующем отрывке: “Во всех пунктах теории, где читатель находит мои ошибки, я прошу у него прощения. Во всех практических вопросах я заявляю, что не говорю ничего, кроме правды; и что я не предложил ничего, кроме того, что я должным образом попробовал. Поистине, я уверен, что, когда настанет последний день моей жизни, я буду носить в своем сердце добровольное свидетельство, которое будет говорить не только о той заботе и честности, с которыми я трудился ради здоровья как богатых, так и бедных, которые вверили себя моей заботе, но и о тех усилиях, которые я прилагал в меру своих сил и со всей энергией своего разума, чтобы обеспечить уверенность в лечении болезней даже после моей смерти, если таковая возможна. Во-первых, ни один пациент не лечился у меня иначе, чем я сам хотел бы, чтобы его лечили с такой же жалобой. Во—вторых, я всегда считал, что любое приобщение к искусству врачевания, даже если оно не идет дальше срезания мозолей или излечения зубной боли, имеет гораздо большую ценность, чем все знание тонкостей и все великолепие тонких спекуляций - материй, которые так же полезны врачам в излечении болезней, как музыка каменщикам при кладке кирпичей ”.

Последнее сравнение заставляет нас отметить, что в работах Сайденхэма прослеживается нотка юмора, например, когда он цитирует

“*Tua res agitur paries quum proximus ardet,*”

как причина его отъезда из Лондона в разгар чумы.

В другом отрывке он ссылается на отсутствие у бедных возможности навредить себе неподходящей диетой при оспе из-за “*res augusta domi*”. Однако даже среди бедных, говорит он, с тех пор, как они научились пользоваться определенными сердечными средствами, умерло гораздо больше людей, чем в предыдущие века, менее образованных, но более мудрых. “В наши дни в каждом доме есть своя старуха, - говорит он, - практикующая искусство, которому она никогда не училась, к уничтожению человечества”.

В одном месте он мрачно замечает, что, если прибегнуть к определенному способу лечения, пациент умрет от рук своего собственного врача, что в ту эпоху случалось слишком часто, хотя и не указано в каталоге болезней.

Вот образец остроумных апофтегм Сайденхэма: “Человек, нашедший сокровище, лежащее перед ним на земле, глуп, если он не нагнется и не поднимет его; но тот более велик, кто из-за такой единственной удачи тратит впустую труд и рискует жизнью ради шанса заполучить другое”.

Опять же, “Обычная помпа лекарств, демонстрируемая над умирающими пациентами, подобна гирляндам зверя при жертвоприношении”. В другом месте он упоминает некоторых людей, “которых природа наделила достаточным умом, чтобы очернять ее”. Мы также должны сослаться на юморной ответ Сайденхэма сэру Ричарду Блэкмору, который спросил его, по каким книгам ему следует изучать медицину: “Прочтите ”Дон Кихота“, сэр, это очень хорошая книга; я читаю ее до сих пор”.

В качестве примера доброты Сайденхэма мы приводим случай, когда он одолжил бедняку одну из своих лошадей на несколько дней пути, полагая, что постоянные упражнения с лошадьми - лучшее лекарство от его болезни.

Еще один характерный штрих заключается в следующем: “Я всегда думал, что опубликовать в интересах страдающих смертных какой-либо определенный метод борьбы даже с малейшей болезнью было делом большего счастья, чем богатство Тантала или Креза”. Обращаясь к доктору Брейди, он замечает: “Для вас незаслуженная брань, которой меня многие подвергают, является досадой и горем; в то время как о тех, кто произносит это, я могу с уверенностью сказать, что если бы безобидной жизни, никому не причиняющей вреда словом или делом, было достаточно, чтобы защитить меня от их языков, они никогда бы не обрушились на меня с критикой. Поскольку, таким образом, не по моей вине на меня обрушилась эта клевета, вот мое решение, а именно: я не буду огорчать себя из-за того, что другие люди поступили неправильно”.

Он снова говорит: “Моя слава в руках других. Я тщательно взвесила на весах, что лучше - служить мужчинам или получать от них похвалу, и я предпочитаю первое. Это больше успокаивает ум, в то время как слава и дыхание народных аплодисментов - всего лишь мыльный пузырь, перышко и мечта. Богатством, которое дает такая слава, те, кто наскреб его, и те, кто высоко его ценит, могут полностью свободно пользоваться, только пусть они помнят, что механические искусства (а иногда и самые низменные из них) приносят большую прибыль и делают наследников богаче”.

Он адресовал доктору Томасу Шорту свой трактат о подагре и водянке, потому что “хотя другие презирали наблюдения, которые я ранее опубликовал, вы без колебаний приписали им некоторую полезность”.... “В моей природе думать там, где читают другие; меньше спрашивать, согласен ли со мной мир, чем о том, согласен ли я с правдой; и не придавать значения слухам и аплодисментам толпы”.

Нам еще предстоит отметить замечательный фрагмент, озаглавленный “Theologia Rationalis, автор доктора Томаса Сайденхэма”, в рукописи, хранящейся в библиотеке Кембриджского университета. Это, по-видимому, очень близко совпадает с другими проявлениями его взглядов, и о нем было сказано: “В нем много от духа как Локка, так и Батлера - от Локка в духе наблюдательности и добродушия; от Батлера в ясных высказываниях о верховенстве разума и необходимости жить в соответствии с нашей собственной истинной природой”. Об общих принципах его отношения к Божественному Существу можно судить по следующему отрывку: “А потому, этому вечному, бесконечно доброму, мудрому и могущественному Существу, как я должен воздавать все то обожание, благодарность и богослужение, на которые я могу вознести свой разум; так и Ему, исходя из соображения Его провидения, посредством которого Он

управляет миром, мной и всем сущим в нем, я должен молиться обо всем том хорошем, что необходимо для моего ума и тела, и об устранении всего того зла, которое противоречит их природе; прежде всего желая, чтобы мой разум был свободен". наделенный всевозможными добродетелями. Но, обращаясь с просьбами о вещах, касающихся моего тела и его забот, я всегда с уважением отношусь к воле Высшего Существа, которое знает, что для меня лучше, лучше, чем я сам. И хотя на мои просьбы об этих моих телесных заботах нет ответа, тем не менее, здесь я поклоняюсь Ему, заявляя о своей зависимости от Него; и поскольку во многих отношениях я преступил Его божественные законы, начертанные на моей натуре, я смиренно умоляю Его о прощении, для меня это так же естественно, как умолять о прощении человека, которого, я знаю, я оскорбил. Во всех моих просьбах и во всех Его созданиях, сколько бы их ни было и на каком бы расстоянии они ни находились, Он, будучи бесконечным, так же готов услышать и помочь, как любой человек, который всего лишь ограничен, готов дать пищу своему ребенку, который ее жаждет”.

Таким образом, мы прощаемся с Сиденхэмом, названным Локком “одним из мастеров-строителей в наше время в образованном содружестве”; учителя его собственной и последующей эпохи считали его вторым после одного только Гиппократы — человеком, которого Бурхаав никогда не упоминал перед своим классом, не приподняв шляпу, описывая его как “английский просветитель, artis Phœbum, veram Hippocratici viri speciem”.

ГЛАВА IV.

МОНРО, КАЛЛЕН, ГРЕГОРИ, ДЖОН БЕЛЛ И ФОНД ЭДИНБУРГСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ШКОЛЫ.

Несмотря на раннюю дату основания Лондонского колледжа врачей и тот факт, что прославленные имена Харви, Сайдэнхэма и других украшают расцвет рациональной медицины на юге, заслуга первого создания знаменитой медицинской школы принадлежит Эдинбургу, где Монро, Грегори, Каллен, Блэк и Резерфорд поддерживали в течение восемнадцатого века непрерывную череду блестящих имен. Однако нельзя допустить, чтобы городской совет Эдинбурга, учредивший профессию медицины, заслуживал такой же чести, как и сторонние основатели медицинского образования, чье существование и успех поначалу вынудили муниципалитет признать их формальными и ограниченными, и уж точно неоплачиваемыми. Может возникнуть вопрос, не был ли Эдинбургский университет на самом деле в долгу почти в такой же степени перед преподавателями медицины вне академии, которые постоянно стимулировали настоящих профессоров к их лучшим начинаниям, как и перед самими этими профессорами.

Анатомия, необходимая основа медицины, имела своего рода зарождение в Эдинбурге в 1505 году, поскольку хирурги и цирюльники города добились включения в свой устав пункта, позволяющего им “раз в год брать осужденного после его смерти для анатомирования”. Но из этого мало что вышло, и лишь несколькими способным врачам, получившим образование за границей, во второй половине семнадцатого века удалось приступить к практическому

преподаванию медицины и смежных наук. В этой связи следует с честью упомянуть имена сэра Роберта Сиббалда, сэра Эндрю Бальфура и сэра Арчибальда Стивенсона. Первые два из них оказали наибольшее влияние на создание самого раннего общественного ботанического сада в Эдинбурге - участка площадью около сорока квадратных футов, принадлежащего Холируд-Хаусу. Впоследствии они заключили союз с Джеймсом Сазерлендом, который впоследствии стал известным ботаником, и получили назначение смотрителем гораздо большего сада рядом с церковью Тринити-колледжа. Было приобретено много ценных коллекций семян и растений; студентов-медиков побуждали собирать и отправлять домой семена и черенки из мест, куда они могли поехать; и таким образом, сад стал важной отправной точкой для *materia medica*.

Профессиональная вражда уже стала заметной в Эдинбурге. Хирурги-аптекари завидовали врачам и докторам медицины. Последние предприняли несколько безуспешных попыток создать Коллегию врачей. В 1621 году король Яков выдал шотландскому парламенту ордер на эти цели, но никаких действий предпринято не было. В 1630 году этот вопрос был передан на рассмотрение Тайного совета. В 1656 году Кромвель учредил Колледж врачей Шотландии; но его смерть помешала его завершению. Таким образом, только после того, как Сиббалд и Стивенсон с помощью сэра Чарльза Скарборо, друга Гарвея, добились расположения герцога Йоркского, в 1681 году, наконец, был основан Колледж врачей Эдинбурга, несмотря на сильное сопротивление хирургов и горожан.

Вскоре после этого, в 1685 году, городской совет Эдинбурга назначил трех главных членов Колледжа врачей профессорами медицины в том, что они теперь впервые, по крайней мере в существующих документах, назвали "университетом этого города". Сэр Роберт Сиббалд был назначен профессором физики, и ему выделили комнаты, но не зарплату. Доктора Дж. Хэлкет и Питкэрн были быстро добавлены в список профессоров, и распределение обязанностей между профессорами было предоставлено им самим. У нас нет записей о каких-либо лекциях, прочитанных этими профессорами в течение длительного периода, но мы знаем, что Питкэрн в 1692-3 годах занимал профессорскую должность в Лейдене. По возвращении в Эдинбург он с энтузиазмом занялся продвижением медицинской школы, помогая Александру Монтейту получить разрешение городского совета на вскрытие тел людей, погибших во время "Работы Павла". "Мы предлагаем, - говорит Питкэрн, - бесплатно ухаживать за этими беднягами и хоронить их после вскрытия за наш счет, что сейчас делает город; однако главные хирурги сильно сопротивляются, они не едят сено и не позволяют волам есть его. Я действительно предлагаю, если это будет разрешено, внести лучшие улучшения в анатомию, чем это было сделано в Лейдене за эти тридцать лет".

В октябре 1694 года Монтейт получил грант на "те тела, которые умирают в исправительном доме", и на "подкидышей, которые умирают на груди". Ему было разрешено производить вскрытия в "любой свободной уборной в исправительном доме или в любой другой комнате поблизости, принадлежащей городу". Магистраты должны были допускаться, если они желали, и ученики хирургов могли присутствовать за половинную плату. Однако план Монтейта не увенчался успехом, потому что он действовал без согласования с другими членами Корпорации хирургов. В том же году они начали более успешно, получив право на "тела подкидышей, которые умирают в период между их отлучением от груди и отправкой в школы или на ремесла, а также на мертвые тела тех, кто был задушен при рождении, которые выставлены на всеобщее обозрение и некому ими владеть; также на мертвые тела тех, кто *felo do se* и некому ими владеть; также на тела тех, кто приговорен к смертной казни по приговору магистрата и некому ими

владеть”. К этому гранту было приложено условие, что по решению магистрата они будут переданы другим лицам. На Михайлов день в 1697 году должен быть построен анатомический театр, где при возможности раз в год должны проводиться публичные вскрытия. Очевидно, это было сделано для распространения на курс анатомии, включающий в себя все, что можно было изучить на одном теле. Однако метод, с помощью которого анатомия впервые практиковалась в Хирургическом кабинете, заключался в том, что в последующие дни десять хирургов читали лекции, причем каждый поочередно принимал особое участие. Тело должно было быть похоронено в течение десяти дней.

Впервые в 1705 году одному человеку было специально назначено читать лекции по анатомии, и первый лектор, Роберт Эллиот, также был назначен профессором анатомии в университете с небольшой стипендией. Это официальное назначение, по-видимому, было непосредственно вызвано предложением какого-то неизвестного учителя преподавать анатомию хирургам и их ученикам в государственных и частных школах.

Только в 1706 году у нас появились какие-либо записи лекций Сиббальда. Затем эдинбургский Курант стал средством массовой информации, посредством которого он объявил на латыни о своем намерении читать лекции по естественной истории и медицине “в частных колледжах”, или частных курсах лекций. Судя по всему, он читал лекции на латыни и не принимал учеников, кроме тех, кто был сведущ в греческом, латыни, математике и философии.

Примерно в это же время в Эдинбурге поселился родоначальник длинного рода выдающихся Монро, Джон Монро, в прошлом армейский хирург, который в 1712 году стал президентом Колледжа хирургов. Его сын Александр, впоследствии столь прославившийся, родился в Лондоне 8 сентября 1697 года. Будучи единственным сыном, его отец уделял необычайное внимание его обучению и, рано заметив остроту его ума, отправил его последовательно в Лондон, Париж и Лейден, чтобы получить лучшее доступное в то время медицинское образование. Анатомические препараты, которые он делал во время учебы, свидетельствовали о таких способностях, что Драммонд, который тогда преподавал анатомию в Эдинбурге, предложил уволиться в его пользу, как только он вернется домой. Чесельден в Лондоне и Бурхаве в Лейдене были очень впечатлены обещанием молодого шотландца.

1720 год можно считать фактическим началом работы Медицинской школы Эдинбурга, а Александра Монро - ее настоящим основателем. Хотя отец много сделал для успешного старта, сын, ставший действительно компетентным учителем, обязательно должен иметь большую заслугу. В возрасте двадцати двух лет Монро был назначен профессором анатомии, и, объявив о своем первом курсе лекций по анатомии, который должен был быть проиллюстрирован приготовлениями, которые он сделал и отправил домой, находясь за границей, его отец без его ведома пригласил президента и других членов Коллегии врачей и всех городских хирургов на первую лекцию. Неожиданность заставила молодого лектора забыть лекцию, которую он запомнил, и, поскольку у него не было записей, у него хватило присутствия духа, чтобы начать рассказывать о некоторых своих приготовлениях, и вскоре он стал собранно говорить о том, что, как он был уверен, понял. Таким образом, вызванное этим удивление и временная забывчивость были основой его успеха: он обнаружил, что ему аплодируют как способному оратору, и решил всю жизнь говорить экспромтом, будучи убежден, что слова, выражающие его смысл, всегда будут встречаться при разговоре на тему, которую он понимает. С этого времени предметы анатомии и хирургии, находившиеся в руках Монро, привлекли большое количество студентов:

в среднем за первое десятилетие их было 67; за второе - 109; за третье - 147. Даже во время второй сессии его лекции привлекли студентов со всех концов Шотландии, а также из Англии и Ирландии. Воспользовавшись случаем, других профессоров убедили начать курсы лекций, так что вскоре была составлена достойная учебная программа, и в 1722 году Монро получил пожизненную профессорскую стипендию. Ранее он проводился только по воле городского совета.

Теперь Монро столкнулся лицом к лицу с трудностью обеспечить достаточный материал для обучения своих больших классов. При Чесельдене в Лондоне он привык к множеству сюжетов, даже большему, чем мог использовать. В Эдинбурге еще в 1711 году в Зал хирургов поступали жалобы на осквернение могил на кладбище Грейфрайарз, “совершенное теми, кто самым нехристианским образом крал или, по крайней мере, пытался унести тела умерших из их могил”. Но, сказали хирурги, “то, что поражает их больше всего, - это скандальный слух, наиболее злонамеренно распространяемый по городу, о том, что некоторые из них являются пособниками, о чем они не могут позволить себе думать, учитывая, что магистраты Эдинбурга всегда были готовы предоставить им в дар мертвые тела, и таким образом в изобилии снабжали их театр в течение многих прошедших лет”. Они следовательно, умоляют магистратов разыскать и наказать нарушителей и принять решение изгнать любого из их числа, уличенного в соучастии в осквернении могил. Население, тем не менее, продолжало волноваться по поводу осквернения могил, и в 1721-1721 годах подмастерья хирургов были особо обязаны “не воскрешать мертвых”. В марте 1725 года на Монро было наложено строгое обязательство сообщать информацию, когда он добывал каждое мертвое тело, и гарантировать, что она поступала регулярно; но толпа отнеслась к этому с подозрением и пригрозила снести его музей и театр в Зале хирургов. В результате Монро подал заявку и получил комнату в здании университета, поскольку там было безопаснее, чем в зале хирургов. Здесь его курс включал вскрытия не только человеческого тела, но и животных. Упоминались болезни, поражающие различные органы; проводились операции на мертвом теле; накладывались повязки; и, наконец, рассматривалась та физиология, которая была известна. Этот курс продолжался почти сорок лет.

Большой больницы не хватало, и все силы медицинского факультета при мощной помощи дальновидного ректора Джорджа Драммонда были задействованы для охраны здания лазарета. Монро и Драммонд составили Строительный комитет, и Монро, в частности, спланировал операционную. Доктор Мур в своих путешествиях по Шотландии записывает, что “владельцы многих каменоломен делали подарки из камня, другие - из извести; торговцы вносили древесину; плотники и каменщики не испытывали недостатка в своих пожертвованиях; соседние фермеры соглашались бесплатно возить материалы; подмастерья каменщиков вносили свой труд в обмен на определенное количество обтесанных камней; и поскольку это предприятие направлено на помощь больным, хромым и искалеченным беднякам, даже поденщики не могли быть освобождены от ответственности, но согласились бесплатно отработать один день в месяц на благо общества”. эрекция. Дамы по-своему внесли в это свой вклад, ибо они назначили собрание в интересах этой работы, на котором присутствовало много людей, и каждая внесла щедрый вклад”.

Завершение строительства больницы дало Монро возможность читать клинические лекции по хирургии, в то время как Резерфорд с 1748 года читал клинические лекции по медицинским случаям. Сам Монро присутствовал на каждом *посмертном* осмотре и диктовал студентам

точный отчет о случившемся. О нем было сказано: “едва ли возможно представить себе врача, более внимательного к практике, или наставника, более стремящегося передавать наставления”.

Его первой и, пожалуй, самой известной работой была "Остеология", опубликованная в 1726 году и переведенная на несколько иностранных языков. Французское издание вышло in folio с превосходными гравюрами М. Сю, демонстратора Парижской королевской академии. Последовал трактат о нервах; а позже им была опубликована серия медицинских эссе и наблюдений, многие из которых были написаны Монро, в результате встреч ведущих врачей в Эдинбурге, которые процветали в течение нескольких лет. Другой интересной работой Монро был его трактат по сравнительной анатомии, в котором он предложил проиллюстрировать экономику человека анатомией таких позвоночных животных, которых он знал. Но разительный контраст между знаниями Монро и знаниями сегодняшнего дня. Он делит четвероногих на плотоядных и травоядных; птиц на тех, кто питается зерном, и тех, кто питается мясом; рыб на тех, у кого есть легкие, и тех, у кого их нет. Он замечает, что рыбы, обладающие легкими, очень незначительно отличаются от быка или любого другого четвероногого, и их нелегко добыть; следовательно, он опускает все сведения о них. Более того, он говорит: “поскольку строение насекомых и червей очень мелкое и мало помогает нам в достижении предлагаемых целей, мы намеренно опускаем их”. У него странно непроницаемый взгляд на связь между устрицей и чувствительным растением. “Какая разница между устрицей, одним из самых неорганизованных представителей животного племени, и чувствительным растением, самым возвышенным представителем растительного царства? Они оба остаются прикованными к одному месту, где получают питание, не имея собственного надлежащего движения, за исключением того, что сжимаются при приближении внешних повреждений”. Работы доктора Монро, как правило, не привлекают к цитированию, поскольку написаны простым и довольно лаконичным стилем, с очень небольшим количеством попыток иллюстрации.

В личной жизни Монро, примус, был гуманным, либеральным в чувствах, искренним другом и приятным компаньоном, любящим мужем и добрым отцом, умевшим делать своих детей своими товарищами. В 1745 году, после Престонпанса, он сразу же отправился на поле боя, чтобы оказать помощь больным и раненым, перевязал их раны и занялся обеспечением их провизией и доставкой в город. Он также не ограничивал свое внимание верноподданными, но помогал и мятежникам. Он сыграл важную роль в воспитании своих детей, из которых Дональд стал успешным врачом, и написал "Свою жизнь" в качестве предисловия к изданию своих работ в кварто 1781 года, которому во многом обязаны все последующие биографии.

Монро был мужчиной крепкого мускулистого телосложения, среднего роста. Однако его телосложение было значительно ослаблено в молодости из-за того, что ему слишком часто пускали кровь. На протяжении всей жизни он был подвержен приступам заболеваний грудной клетки, но в конце концов умер от болезненной язвы прямой кишки и мочевого пузыря 10 июля 1767 года. В 1759 году он передал свою кафедру анатомии своему сыну Александру, но продолжал практиковать и посещать лазарет до последнего. Он переносил свою мучительную болезнь с мужеством и христианским смирением и говорил о своей приближающейся смерти с таким спокойствием, как будто собирался заснуть.

“Он был, ” говорит профессор Стразерс, “ способным и активным, и в то же время спокойным и безмятежным человеком. У него была влиятельная семья и друзья, которых было

предостаточно, но работа, которую ему предстояло выполнять, была такого рода, что друзья могли только стоять и наблюдать. Ему предстояло заняться новым делом в Эдинбурге; преподавать анатомию и обеспечивать ее изучение в городе с населением всего тридцать тысяч человек, в полумодернизированной и политически беспокойной стране; ему предстояло набрать студентов, убедить других присоединиться к нему в преподавании и построить лазарет. Все это он сделал и в то же время прославился не только как учитель, но и как человек науки и дал имя Эдинбургской школе, которая принесла еще большую пользу поколению, следовавшему за ним”.

Хотя для этого нам придется отступить от строгого хронологического порядка, будет удобнее привести здесь рассказ о втором Монро, который родился 20 мая 1733 года и рано увлекся изучением анатомии, проявив большое упорство и обладая хорошей памятью. Вскоре он стал очень полезным помощником своего отца в анатомическом кабинете, и когда студентов стало слишком много для одной лекции, его отец поручил своему двадцатилетнему сыну повторить свой курс в вечерней лекции для тех, кто не смог попасть на утреннюю. Его отец, видя, насколько успешным был его сын, подал прошение в городской совет о назначении его своим коллегой и возможным преемником, пообещав, если это будет удовлетворено, отправить своего сына в лучшие медицинские школы Европы и всячески подогнать его под эту должность. Когда этот план был осуществлен, молодой Монро получил степень доктора медицины в Эдинбурге в 1755 году и отправился в тур по медицинским школам Лондона, Лейдена, Парижа и Берлина; в Лондоне он посещал Уильяма Хантера; в Берлине у него было еще большее преимущество: он жил в доме великого анатома Меккеля и получал его интимные наставления — поистине хорошее начало для многообещающей карьеры. По возвращении сына в Эдинбург в 1758 году его отец уступил ему свою кафедру, и сын начал с изложения совершенно новых взглядов на кровь, противоречащих учению своего отца. “Новизна его материала в сочетании с четкостью его стиля, по словам одного из присутствующих, подействовала на аудиторию подобно удару электрического тока. Сразу было видно, что он мастерски владеет предметом и искусством передавать знания другим; его стиль был живым, аргументированным и современным по сравнению с стилем его более маститых коллег; и с самого начала, в течение полувека, его карьера была полна легкого и триумфального успеха” (Стразерс). Как лектор он был ясен, серьезен и впечатляющ, красноречив без всякой показухи и в то же время серьезен и полон достоинства. Неудивительно, что его классы увеличивались в размерах, пока не достигли даже четырехсот человек.

В то же время Монро начал практиковать как врач и стал одним из ведущих практикующих врачей Эдинбурга, настолько, что доктор Джеймс Грегори описал его как человека, более полувека возглавлявшего медицинскую школу и большую часть этого времени возглавлявшего профессию практикующего врача. Его также часто вызывали на консультации по хирургическим случаям, хотя он и не оперировал. Однако больше всего он известен как успешный анатом и преподаватель анатомии. В 1777 году он успешно сопротивлялся назначению отдельного профессора хирургии, утверждая, что в его обязанности входит хирургия.

Монро секундус утверждал, и не без веских оснований, что сделал важные оригинальные открытия в отношении лимфатической системы; но его заслуги как первооткрывателя в этой области не мешают большому блеску Уильяма Хантера и Хьюсона. Его наблюдения над структурой и функциями нервной системы отличаются тем, что привлекли внимание сэра Чарльза Белла к узлам пятой пары черепных нервов и к важным деталям происхождения

спинномозговых нервов, которые в немалой степени привели к его собственным великим открытиям.

В 1758 году Монро опубликовал в Берлине свое первое эссе по лимфатике, и профессор Блэк засвидетельствовал, что читал это эссе в рукописи в 1755 году. В нем содержалось описание лимфатической системы как отдельной системы сосудов, не имеющей непосредственной связи с артериями и венами, но возникающей небольшими ответвлениями из всех полостей и клеток тела, в которые попадают жидкости, и указывалось, что их назначение заключается в поглощении всей или более тонкой части этих жидкостей и восстановлении их общего кровообращения. Далее он показал с помощью медицинских наблюдений, что в случаях, когда едкое вещество попадало в поры кожи или получало доступ к клеточным мембранам, железы между пораженными частями и центром тела становились опухшими и болезненными, очевидно, из-за всасывания лимфатическими путями.

Монро также впервые объяснил рассасывание костей и других твердых частей тела в случаях опухоли давлением. Его различные работы о нервной системе, о мышцах, о мозге, глазу и ухе, а также о строении и физиологии рыб содержат наблюдения, которые имели значительную ценность для построения анатомической науки в прошлом столетии, но ни одна из них не представляет привлекательного чтения, подобного тому, которое мы нашли в работах Харви и Сайденхэма. Это несколько примечательно, учитывая, что Монро блистал как анекдотист, был близок со всеми знаменитыми людьми Эдинбурга своего времени и был большим поклонником театра, его в равной степени привлекала миссис Сиддонс, которую он испытывал величайшее удовольствие, посещая в качестве пациента, и Фут, чье выступление в качестве президента Колледжа врачей перед доктором Ластом на обследовании в Уэстоне доставило ему огромное удовольствие. Говорили, что Монро прислал в театр свою собственную алую мантию, чтобы мнимый доктор надел ее.

Еще одним личным увлечением Монро было садоводство. Он посадил и украсил несколько романтических холмов вокруг своего поместья в Крейгкокхарте. Здесь, по словам доктора Дункана, он оборудовал сельский коттедж, состоящий из двух просторных апартаментов, примыкающих к дому его главного садовника, кухня которого могла накрыть обедом нескольких избранных друзей. Он не стал бы держать там спальню, чтобы у него никогда не возникло соблазна уклониться от своих профессиональных обязанностей в Эдинбурге; но в своем коттедже он часто проводил летние дни и угощал своих друзей отборнейшими фруктами. Доктор Дункан в своей харвейской речи выражает свое разочарование по поводу того, что молодое поколение его друзей «предпочитает инструментальную музыку скрипки, флейты или органа в гостиную музыку коноплянки, дрозда или щегла в полях»; и что сады его старых друзей, в которых он провел такие счастливые часы, теперь отданы под рыночные сады.

Монро очень экономно расходовал свое время и тщательно отмерял его каждому предмету, который его занимал; и ближе к концу он работал почти так же усердно, как и в начале своей карьеры. Он не читал шаблонных лекций, но постоянно совершенствовал их. Ему также следует отдать должное за то, что он благосклонно воспринял открытие Дженнером вакцинации и сам сделал прививки многим детям.

Лично второй Монро был среднего роста, энергичного и спортивного телосложения. У него была большая голова с резко выраженными чертами лица и полным лбом, светло-голубыми глазами и несколько большим ртом. У него была короткая шея и высокие плечи.

В 1798 году его сын Монро, терциус, был совмещен с ним в должности профессора, но еще десять лет старик продолжал читать большую часть курса. Его последней лекцией была вводная к сессии 1808-9 годов, после которой он также оставил практику и жил до своей смерти от апоплексического удара 2 октября 1817 года на восемьдесят пятом году жизни.

Рожденный с громким именем и готовым положением, как отмечает профессор Стразерс, второй Монро обладал всеми преимуществами, которые могли обеспечить образование, друзья и положение в обществе. Но к его чести следует отметить, что среди таких блестящих коллег, как Каллен, Блэк, Дугалд Стюарт, Плейфейр и другие, он выделялся как интеллектуально, так и социально, даже если и не оставил такого заметного следа в медицинской и анатомической науке, какого, должно быть, ожидали от него современники.

Несмотря на известность, которой добились Монро благодаря своему преподаванию анатомии, и отличие, завоеванное Грегори как профессорами медицины и способными врачами, их затмевает Уильям Каллен, который по праву является самой заметной фигурой в истории Эдинбургской медицинской школы восемнадцатого века. Уильям Каллен родился 15 апреля 1710 года в Гамильтоне, Ланаркшир, его отец был фактором герцога Гамильтона. Рано выделившись в местной гимназии своим быстрым восприятием и цепкой памятью, он в свое время был отправлен в Университет Глазго и поступил учеником к практикующему врачу по имени Пейсли, который был прилежным и обладал хорошей медицинской библиотекой, что было значительным преимуществом для молодого Каллена. Его товарищи заметили, что, хотя он почти не принимал участия в их дискуссиях, когда ему случалось быть плохо информированным по этому предмету, он всегда так хорошо изучал его впоследствии, что мог превзойти лучших из них, если бы это возникло снова. В конце 1729 года Каллен отправился в Лондон и сначала получил должность хирурга на торговом судне, которым командовал его родственник, с которым он отправился в Вест-Индию, пробыв шесть месяцев в Портобелло. По возвращении в Лондон он устроился в аптеку на Генриетта -стрит и учился так же прилежно, как всегда, когда не был занят в магазине. Его отец умер, и средств к существованию для большой семьи было мало; смерть старшего брата вынудила его вернуться в Шотландию зимой 1731-1732 годов, чтобы позаботиться об образовании своих младших братьев и сестер. Он начал практику в Окинли близ Гамильтона, взяв на себя заботу о здоровье родственника и настойчиво продолжая по книгам те занятия, на которые у него не было денег в тех учебных заведениях, где он мечтал учиться.

Получение небольшого наследства стало поворотным моментом в прежнем состоянии Каллена: хорошо известно, какую небольшую сумму может выделить прилежный шотландец в этом направлении. Каллен решил полностью посвятить себя учебе до тех пор, пока не получит квалификацию, позволяющую занять твердую позицию хирурга в Гамильтоне. Сначала он поселился у несогласного священника в Нортумберленде для изучения литературы и философии, а затем провел зимние сессии 1734-5 и 1735-6 годов в Эдинбургской медицинской школе, которая сейчас быстро набирает популярность. Утвердившись в качестве хирурга в Гамильтоне в начале 1736 года, молодой Каллен вскоре был нанят герцогом и герцогиней Гамильтонскими и ведущими семьями по соседству. Находясь в этой сравнительно уединенной ситуации, Каллен все же завоевал доверие доктора Клерка, способного эдинбургского врача, вызванного во дворец Гамильтон, и стал средством влияния Уильяма Хантера на выбор

медицинской профессии. Уильям Хантер был постоянным учеником Каллена с 1737 по 1740 год и заявил, что это были самые счастливые годы в его жизни. Таким образом, естественный отбор объединяет выдающихся людей будущего еще до того, как мир узнал их, и линейная преемственность умов продолжается так же плодотворно, как и телесная. Привязанность этих двоих сохранялась на протяжении всей жизни. Много лет спустя Уильям Хантер называл его “человеком, которому я обязан больше всего на свете и которого люблю больше всего на свете”.

Каллен решил посвятить все свое время медицине, получил степень доктора медицины в Глазго в 1740 году и нанял партнера, который должен был освободить его от хирургической работы. В ноябре 1741 года он женился на мисс Анне Джонстон, леди с большим умением вести разговор и очаровательными манерами, чьим обществом он наслаждался в течение долгих сорока шести лет. Она стала матерью семерых сыновей и четырех дочерей. Теперь имя доктора Каллена стало известно значительно за пределами его родной местности, и в 1744 году он переехал в Глазго, шаг, который он предпринял бы раньше, если бы не просьбы и обещания герцога и герцогини Гамильтон. Его постоянное присутствие при герцоге во время его мучительной болезни закончилось смертью последнего в 1743 году, которая положила конец проекту химической лаборатории и ботанического сада во дворце, который был одним из стимулов, с помощью которых его убедили не покидать Гамильтон. С этого момента, в перерывах между практикой и учебой, он начал энергично заниматься основанием медицинской школы в Глазго. Он сразу же начал читать лекции по медицине, а впоследствии добавил к своим курсам химию, *materia medica* ботанику, по всем из которых он читал лекции, не просто отражающие знания того времени, но и включающие оригинальные взгляды высокой ценности. Школа янга росла, хотя и не так быстро, как эдинбургская; но так рано он познакомился с еще одним великим человеком, Джозефом Блэком, который в течение нескольких лет был его близким учеником, а затем уехал из Глазго в Эдинбург. Каллен видел в своем ученике многообещающие способности и тщательно воздерживался от того, чтобы затрагивать области исследований, в которых, как он ожидал, тот сможет оставить след. Блэк передал Каллену свой трактат о неподвижном воздухе и посвятил его ему. Примерно в это же время Каллен сделал несколько важных открытий об эволюции тепла в химических соединениях и охлаждении растворов, некоторые из которых не были опубликованы до 1755 года, в то время как другие остались в рукописи, но подсказали Блэку важные моменты в его взгляде на скрытое тепло.

В начале 1751 года, благодаря интересам герцога Аргайлла, доктор Каллен сменил доктора Джонстона на посту профессора медицины в Университете Глазго, в то самое время, когда Адам Смит был назначен на кафедру логики; и между этими вдумчивыми умами возникла глубокая дружба. Всего несколько месяцев спустя перевод Адама Смита на кафедру моральной философии побудил доктора Каллена решительно поддержать избрание Дэвида Хьюма на вакантное место, в то время как Эдмунд Берк также был кандидатом. Ни тот, ни другой не были избраны, соблюдая строгую ортодоксальность дня. В этот период применение химии в искусстве, промышленности и сельском хозяйстве значительно привлекло внимание Каллена, и он предложил провести процесс очистки обычной соли, но это оказалось слишком дорогим.

Каллен, обнаружив, что в настоящее время в Глазго не обещают построить крупную медицинскую школу, и будучи вынужденным проходить практику в сельской местности, начал с тоской поглядывать на Эдинбург, куда его тоже звали друзья. Он пишет в письме Уильяму Хантеру в августе 1751 года: “Я очень устал от своей нынешней жизни; у меня много загородной

практики, которая отнимает много времени и едва ли дает мне даже час свободного времени. Я получаю за свой труд очень мало денег; и действительно, по деревенской практике, при наших платежах человек не может зарабатывать деньги”. Различные обстоятельства, однако, препятствовали осуществлению этого шага, пока в начале 1756 года он не был назначен профессором химии в Эдинбурге и, таким образом, не положил начало своей выдающейся карьере. В конкурсе на это кресло был выдвинут Джозеф Блэк, но два друга благородно отказались делать что-либо, наносящее ущерб друг другу, и при назначении Каллен действительно предложил Блэку все гонорары, если тот будет помогать ему. Первый курс Каллена в Эдинбурге посетили всего 17 студентов, второй - 59, а позже количество выросло до 145. Вскоре к нему пришла практика, которая освободила его от финансовых затруднений.

В 1757 году доктор Каллен впервые взялся читать клинические лекции в лазарете, и в этой работе проявились его особые таланты. Теперь у него был достаточный практический опыт и лучшие знания в области химии и *materia medica*, которые позволяло время; а его умение наблюдать и наглядно описывать болезни, дополненное его рвением к распространению знаний, вскоре сделали его клинические лекции известными. На этих лекциях, тщательно подготовившихся в течение восемнадцати лет, была представлена первая реальная модель того, что сейчас так знакомо студентам-медикам, как клиническая лекция. О его искренности можно судить по следующим выражениям: “Однако на этих лекциях я ставлю себе в заслугу ваши наставления, мои первые взгляды, мои догадки, мои проекты, мои испытания, короче говоря, мои мысли, которые я могу исправить и, при необходимости, изменить; и всякий раз, когда вы сами будете выше ошибок или сможете найти кого-то другого, кто таковым является, я позволю вам оценивать меня как человека очень низкого ранга. В то же время я думаю, что я не более подвержен ошибкам, чем мои соседи, и поэтому я продолжу рассказывать вам о них, когда они произойдут”. Благодарностью откровенности репутация Каллена быстро росла. Его лекции отличались простотой, изобретательностью и всесторонностью взглядов, а также обилием иллюстраций. Он учил своих студентов наблюдать за ходом природных процессов в болезнях, различать существенные и случайные симптомы и тщательно отделять влияние лекарственных средств от лечебных действий природы. “Я ничего так не желаю, - сказал он, - как того, чтобы каждая болезнь, которую мы здесь лечим, была для вас делом личного опыта, поэтому вы не должны удивляться, что я использую только одно средство, тогда как мог бы использовать два или три; ибо при использовании множества средств, когда излечение действительно удастся, нелегко определить, какое из них наиболее эффективно”. Опять же, он говорит: “Каждый мудрый врач - догматик, но врач-догматик - одно из самых абсурдных животных на свете. Мы говорим, что это догматик в медицине, который использует свой разум и, благодаря некоторому знакомству с природой человеческого тела, думает, что может пролить некоторый свет на болезни и установить надлежащие методы лечения; и я не знал никого, кто не был бы догматиком, за исключением тех, кто казался неспособным рассуждать или кто был слишком ленив для этого. С другой стороны, я называю его врачом-догматиком, который очень готов принимать мнения, быть предвзятым в их пользу и очень упорно и со слишком большой уверенностью сохранять и отстаивать мнения или предрассудки, которые он уже усвоил в обычной жизни или при изучении наук”. Он стремился сформировать рациональные взгляды на медицину, действительно, на основе фактов и эксперимента. Читая свои клинические лекции, он прилагал большие усилия, чтобы выбрать заболевания наиболее распространенных типов, наиболее полезные для студентов. Он придерживался предельной простоты рецептов по сравнению со сложными и варварскими лекарственными средствами прошлых времен, и он

экспериментально использовал и внедрил множество новых очень ценных лекарств, таких как винный камень, белена, порошок Джеймса и рвотный камень.

Новизна, с которой Каллен изложил свой предмет, и смелость его взглядов заставили многих, особенно традиционных практиков и лекторов, относиться к нему с неприязнью и порицать его за то, что он не считал взгляды Бурхааве окончательными и принял взгляды Хоффмана в сочетании со своими собственными. Тем не менее, его живые и занимательные лекции в сочетании с приятным обращением с пациентами и “его манерами, такими открытыми, такими добрыми и так мало регламентированными денежными соображениями, все больше и больше завоевывали его расположение. Он был другом каждой семьи, которую навещал”. Уильям Хантер пишет в 1758 году: “Уверяю вас, я никогда не находил в бизнесе ничего более приятного для себя, чем слышать, как мои пациенты с одобрением рассказывают мне, что доктор Каллен сделал для них, и слышать, как мои ученики говорят с почтением к доктору Каллену, что так естественно для молодых умов”.

Как признак общего ментального настроения доктора Каллена представляет интерес следующий отрывок из письма его сыну Джеймсу по случаю отъезда в заграничное путешествие: “Усердно изучайте свое ремесло, не отказывайтесь ни от какого труда, зарекомендуйте себя живостью и усердием, переносите трудности с терпением и решимостью, будьте любезны со всеми, кто выше или ниже вас, и высоко держите голову как в прямом, так и в переносном смысле”. Хотя он в лучшем смысле помогал своим младшим ученикам обрести независимость характера, он “свободно допускал их в свой дом; беседовал с ними в самых дружеских выражениях; разрешал их сомнения и трудности; предоставлял им пользоваться своей библиотекой; и во всех отношениях относился к ним с любовью друга и родительским уважением. Те, кто лично знал его в этом отношении, - говорит доктор Айкин, - никогда не смогут забыть горячую привязанность, которую он внушал”. Другой, не менее приятный взгляд на Каллена проявляется в том, что он рекомендовал Дугалду Стюарту “Дон Кихота”, когда мальчик страдал от какого-то недомогания, и в том интересе, который он проявлял к прогрессу своего пациента в этом восторге. Он имел обыкновение обсуждать с мальчиком каждый последующий инцидент, сцену и персонажа, демонстрируя мельчайшую точность воспоминаний о шедевре.

Мы не будем следить ни за дискуссиями, возникшими в Эдинбурге по поводу наследования доктору Резерфорду кафедры практической медицины, ни за обстоятельствами, которые привели к назначению доктора Джона Грегори. Достаточно сказать, что после смерти доктора Уитт, Каллен согласился занять кафедру теории физики в 1766 году, и впоследствии была достигнута договоренность, согласно которой два профессора поочередно читали лекции по теории и практике физики, к еще большей пользе ныне прославленной школы. Этому назначению активно способствовали как Монро, так и обращение, подписанное 160 студентами-медиками. Достигнутое соглашение действовало до смерти доктора Грегори в 1773 году, когда Каллен стал единственным профессором практической медицины. Блэка привезли в Эдинбург, чтобы он сменил Каллена на кафедре химии.

Основными работами Каллена являются “Нозология”, краткий обзор и классификация болезней с определениями, которые приобрели широкую популярность, хотя и являются лишь приближением к звуковой системе; и его “Первые строки врачебной практики”, 4 тома, 1778-85, выдержавшие многочисленные издания. Одним из его особых достоинств было то, что в нем более ясно, чем в предыдущих работах, указывалось на обширное и мощное влияние нервной

системы на развитие болезней. Теперь недостатком его системы считается то, что она была слишком теоретической и что его взгляды не были должным образом подкреплены фактами. Нельзя отрицать, что Каллен обладал лишь умеренными анатомическими и физиологическими познаниями, и это помешало ему оставить работы, которые могли бы быть прочитаны с большой пользой практикующими врачами наших дней.

В конце концов, его слава в основном зависит от личного влияния Уильяма Каллена на Медицинскую школу, для поддержания которой он так много сделал. Характер этого влияния благороден и безупречен. Доктор Джеймс Андерсон оставил недвусмысленный отчет о своем поведении на своем видном посту, который делает честь в равной степени его интеллектуальной энергии и душевным качествам. Доктор Каллен, по его словам, по пять-шесть часов в день посещал пациентов и выписывал рецепты по почте; читал лекции не менее двух часов в день, иногда четыре; и все же, когда его встречали, он никогда не казался спешащим или смущенным — всегда легким, жизнерадостным и общительным. Перед ужином он играл в вист с таким живым интересом, как будто от этого зависела тысяча фунтов.

Каллен не оставил свое знакомство со студентами случайным, но пригласил их пораньше, по двое, по трое и вчетвером, на ужин, чтобы заручиться их доверием по поводу учебы, развлечений, трудностей, надежд и перспектив. Таким образом, он познакомился со всем своим классом и уделял особое внимание тем, кто был наиболее усердным, наиболее расположенным к себе или наиболее одиноким. Он взял за правило выяснять, кто из них больше всего страдает от бедности, и часто находил какой-нибудь вежливый предлог для отказа брать плату даже за первое блюдо, а во многих случаях и за второе. Один из методов, который он использовал, состоял в том, чтобы выразить свое желание узнать их мнение по определенной части его курса, которая была опущена из-за нехватки времени на предыдущем занятии, и после этого он вручал им билет на второй курс. После двух курсов он не требовал никакой платы за дальнейшее посещение. Ему также приписывают введение в Эдинбурге практики отказа от взимания платы за медицинское обслуживание со студентов университета. Эта легкость и щедрость в денежных вопросах стали причиной того, что в конце концов он умер без всякого состояния. Говорят, что он имел обыкновение класть деньги в открытый ящик стола, к которому они с женой подходили, когда им что-нибудь требовалось.

Мы не будем здесь вдаваться в полемику между доктором Джоном Брауном, основателем бруноновской теории медицины, и его учениками, и доктором Калленом, которому Браун был всем обязан в юности. Система Брауна оказалась не более стабильной, чем его личный характер, хотя ее шумная пропаганда и оскорбления, обрушившиеся на него лично, причинили доктору Каллену много боли.

Каллен продолжал читать свои лекции до 1789 года, оставив профессорскую должность 30 декабря, и умер 5 февраля 1790 года в возрасте почти восьмидесяти лет. Он был похоронен в Киркньютоне, в приходе которого находилось его поместье Ормистон-Хилл. Это последнее, которое он украшал с особой тщательностью, пришлось продать после его смерти в пользу его семьи.

Доктор Андерсон описывает доктора Каллена как человека с поразительным и приятным внешним видом, хотя и отнюдь не элегантного. Его взгляд был удивительно живым и выразительным. При жизни он был высоким и худощавым, в дальнейшей жизни сильно сутулился. При ходьбе у него был задумчивый вид, он почти не обращал внимания на

окружающие его предметы. В Эдинбурге он вставал раньше семи и часто диктовал помощнику до девяти. В десять он начал свои визиты к пациентам, передвигаясь в носилках в кресле по узким проходам. Находясь в Эдинбурге, он всегда жил в сравнительно небольшом доме на Монетном дворе, недалеко от места своих академических обязанностей. Можно сказать, что ради них он жил и умер.

Семья Грегори, возможно, была столь же знаменита, как и семья Монро, в связи с университетской жизнью Шотландии и, безусловно, обеспечила ее большим числом выдающихся профессоров. Джеймс Грегори, знаменитый изобретатель телескопа-рефлектора, был первым великим человеком в семье, и его публикация работы по оптике в 1663 году ознаменовала эпоху в этой науке. Его ранняя смерть в 1675 году, в возрасте 37 лет, лишила науку многих блестящих открытий в перспективе. Его единственный сын Джеймс стал профессором медицины в Королевском колледже Абердина и умер в 1731 году.

Его младшему сыну, Джону Грегори, первому из Грегори-медиков, прославившемуся в Эдинбурге, было всего семь лет, когда его отец умер в 1731 году. Получив образование в Абердине под опекой своего старшего брата, сменившего его отца, а также под влиянием своего двоюродного брата Томаса Рида, известного метафизика, юный Грегори поступил в Эдинбург в 1741 году и учился у старших Монро, Синклера и Резерфорда; а в Медицинском обществе завязалась теплая дружба с Марком Экенсайдом, автором книги “Удовольствия воображения”. В 1745-6 годах он учился в Лейдене у Альбинуса и, получив степень доктора медицины в Абердине во время своего отсутствия, по возвращении был избран там на кафедру философии и в течение трех лет читал там лекции по математике, моральной и натуральной философии. В 1749 году он оставил это кресло, чтобы посвятить себя медицине, а в 1752 году женился на Элизабет, дочери лорда Форбса, которая обладала красотой, умом и остроумием и принесла ему состояние.

Обнаружив, что Абердин не предоставляет ему достаточного поля для практики в соревновании со своим старшим братом, Грегори отправился в 1754 году в Лондон, где у него уже были друзья, такие как Уилкс и Чарльз Таунсенд, с которыми он познакомился в Лейдене, и где он быстро завел других друзей, среди которых можно упомянуть Джорджа, лорда Литтелтона, Эдварда и леди Мэри Уортли Монтегю. Он сразу же был избран в Королевское общество и, без сомнения, заручился бы поддержкой общества; но его старший брат умер в 1755 году, и он был отозван в Абердин, чтобы занять должность профессора медицины. Здесь он продолжал практиковать и читать лекции до 1764 года, опубликовав в последнем году “Сравнительный взгляд на состояние и способности человека с таковыми в животном мире”. Затем он переехал в Эдинбург с целью получить там профессорскую должность. Это выпало на его долю в 1766 году, после смерти Резерфорда. В том же году он сменил доктора Эндрю Уитта на посту королевского врача Шотландии. Сначала он читал лекции исключительно по физической практике, но в 1770 году он согласился с Калленом, что они должны поочередно читать лекции по Теории и практике, и эта договоренность сохранялась постоянно. Как лектор он был очень успешным, простым и ни в коей мере не ораторским по стилю. Он был особенно известен несколькими лекциями об “Обязанностях и квалификации врача”, которые впоследствии были опубликованы и выдержали несколько изданий. Он передал прибыль бедному и достойному студенту. В 1772 году он опубликовал “Элементы врачебной практики”, своего рода программу лекций; и это

завершает список его медицинских работ. Его имя стало более известно после его смерти как автора небольшой книги советов молодым девушкам “Наследие отца своим дочерям”, которая выдержала очень много изданий. О его тоне можно судить по следующему отрывку: —

“Не выходи замуж за дурака; он самое непривлекательное из всех животных; им руководят его страсти и капризы, и он неспособен прислушаться к голосу разума.... Но самое худшее обстоятельство, которое преследует дурака, - это его постоянная ревность к своей жене, которая, как считается, управляет им. Это делает невозможным руководить им; и он постоянно совершает абсурдные и неприятные поступки только по одной причине, чтобы показать, что он осмеливается их совершать.... Повеса - это всегда подозрительный муж, потому что он знал только самых никчемных представителей вашего пола. Он также навлекает на свою жену и детей самые страшные болезни, если они у него, к несчастью, есть”.

Преобладающими качествами Грегори были здравый смысл и доброжелательность. В разговоре у него были очень приятные теплота тона и жестов, которые сочетались с мягкостью и простотой манер. Для своих учеников он был другом, всегда доступным и готовым оказать им максимальную помощь. Его эдинбургская жизнь прошла в тесном общении с Дэвидом Хьюмом, лордом Монбоддо, лордом Каймсом, доктором Блэром и Тайтлером-старшим. Джеймс Битти любил его с восторженной привязанностью, о чем свидетельствуют заключительные строфы “Менестреля”. Грегори скоропостижно скончался 9 февраля 1773 года от подагры, которой он часто страдал. Таким образом, ему едва исполнилось пятьдесят.

Джеймс Грегори, сменивший своего отца на профессорском посту, родился в Абердине в 1753 году. Он получил образование в Эдинбурге, а также некоторое время учился в Крайст-Черч в Оксфорде, где деканом был его родственник, доктор Дэвид Грегори. Он приобрел сильный вкус к классике и немалую классическую эрудицию, так что на протяжении всей жизни любил приводить подходящие латинские цитаты и писал этим языком легко и точно. Он все еще был студентом медицинского факультета в Эдинбурге, когда в 1773 году произошла внезапная смерть его отца. Сын ценой огромных усилий завершил курс лекций своего отца и проявил такие способности, что профессорская должность практически оставалась для него открытой. В 1774 году он получил степень доктора медицины и следующие два года изучал медицину на Континенте. В 1776 году, когда ему было тогда всего двадцать три, он был назначен профессором медицинского института, а в следующем году также начал читать клинические лекции в лазарете, и этот метод обучения он продолжал более двадцати лет. Поначалу его практика не была обширной, пока его ученики сами не стали практикующими и не пригласили его в качестве консультанта. В последние годы жизни, после смерти Каллена, его практика значительно расширилась, и за десять лет, предшествовавших его смерти, у него была ведущая консалтинговая практика в Шотландии.

В 1780-1780 годах Грегори опубликовал свою книгу “Теоретический конспект медицины”, написанную на превосходной латыни; она быстро стала широко известна и была широко прочитана не только в Британии, но и на Континенте. Она выдержала множество изданий. Ее наиболее важными и ценными разделами были те, которые касались терапии. В 1790 году он был назначен преемником Каллена на кафедре медицинской практики и с этого времени продолжал читать лекции большим классам вплоть до своей смерти в 1821 году (2 апреля). Таким образом, он занимал почти автократическую позицию в течение длительного периода, длившегося более тридцати лет; и очень жаль, что его выдающийся талант остроумия, быстрая

память на цитаты и любовь к шутке побудили его принять активное участие в медицинских спорах, которые омрачили столь многие карьеры в Эдинбурге. Длинный список противоречивых книг и брошюр доктора Грегори, приведенный мистером Джоном Беллом в его “Письмах о профессиональных спорах и манерах”, 1810 г., можно было бы значительно расширить, и он дает печальную картину неуместной энергии. Одно из них растянулось на 700 страниц quarto, и о его тоне можно судить по следующим выдержкам из “Мемориала управляющим Королевским лазаретом”.

Давайте предположим, что в результате этого мемориала каждый отдельный член Коллегии хирургов, на свою долю, будет производить в сорок раз больше шума, чем Орlando Фуриозо в полнолуние, когда он был самым безумным, и будет продолжать в этом беспрецедентном состоянии неистовства двадцать лет без перерыва. Я не вижу большого вреда во всем этом шуме; и вообще никакого вреда никому, кроме тех, кто его производит.... Девяносто девять долей из ста всего этого шума, конечно, достались бы мне; кого это не лишило бы ни на час моего естественного сна, и кому это доставило бы бесконечное развлечение и удовлетворение, пока я бодрствую ”.

“Мы, безусловно, самое дружелюбное братство, что должен признать каждый человек, которому посчастливилось видеть всего полторы-две дюжины из нас вместе, особенно если он видел нас за ужином. И все же, кем бы ни было большинство из нас, я боюсь, что не все мы совершенные ангелы. По крайней мере, некоторым из нас кажется, что они сделаны из той же плоти и крови и подвержены тем же слабостям, страстям и порокам, что и другие люди. Следствием этого является то, что когда двое или трое из нас оказываются вместе в маленьком городке, или пятьдесят или сто человек в большом городе и вынуждены бороться за славу, богатство и хлеб насущный, мы склонны к соперничеству, спорам и перебранкам, которые иногда заканчиваются открытыми ссорами и непримиримой враждой, к очень большому раздражению тех, кто является нашими пациентами, и не меньшему развлечению тех, кто ими не является. Консультация любого числа таких разгневанных врачей или хирургов, по всей вероятности, принесет так же мало пользы их пациенту, как съезд такого же количества охотничьих петухов, выпущенных на свободу в петушиной яме, поскольку, вероятно, благо пациента будет последним и наименее значимым объектом их мыслей ”.

Поскольку он пользуется случаем сказать о Джоне Белле: “любой человек, если бы он сам или его семья были больны, должен был бы так же быстро подумать о вызове бешеной собаки, как мистер Джон Белл”, мы можем судить о положении, в котором оказывался любой, имевший несчастье вызвать неудовольствие доктора Грегори. Однако, основываясь на свидетельствах многих, кто знал его, мы должны верить, что он, должно быть, обладал многими замечательными и превосходными качествами, чтобы завоевать столь большую долю их привязанности и уважения, как это, несомненно, удалось ему. Доктор Элисон говорит о нем (Епископ. Брит., 8-е изд.), что смелость, оригинальность и сила его интеллекта, а также энергия и решительность его характера были ярко отмечены в его разговоре, и что он проявлял как теплую привязанность к своим друзьям, так и щедрость, почти граничащую с расточительством. Он презирал попытки снискать расположение публики и часто давал волю своему вспыльчивому нраву. Он не отказывался от своей точки зрения в споре и поражал своих оппонентов цитатами, шутками и сатирой.

Как учитель Грегори отличался здравым смыслом. Он высоко ценил максимум, которую сам часто выдвигал: “Лучший врач - это тот, кто может отличить то, что он может сделать, от того, чего не может”. Патология в его дни была очень рудиментарной наукой, и поэтому он не доверял всем теориям о сущностной природе болезни как преждевременным и призрачным. Он был профессионалом в изучении диагностических и прогностических симптомов и уделял значительное внимание действию лекарственных средств. У него не было склонности вмешиваться в медицину, ограничивая и не придавая значения лечению, когда не было надежды на успех. Он твердо верил в противовоспалительное, или понижающее, лечение воспалительных заболеваний, а также в использование профилактических мер для отражения приступов хронических заболеваний. Таким образом, он являл собой зрелище сторонника воздержания, физического напряжения без усталости и умственных занятий без беспокойства, который ни в коем случае не следовал своим собственным предписаниям.

Как лектор он продемонстрировал отличное владение языком и превосходную память, особенно на случаи, которые он видел, детали которых он мог точно запомнить по одному только имени пациента. Он оказал большое влияние на умы своих учеников не только благодаря юмору и обилию своих иллюстраций, но и благодаря откровенному изложению своих взглядов и своей властной энергии. Его откровенность проявлялась также в той прямоте, с которой он делился своим мнением с родственниками или друзьями своих пациентов. Он проявлял неподдельный интерес к своим пациентам и убеждал их в своей искренности, несмотря на некоторую грубоватость манер. Там, где он не испытывал личного антагонизма, он был в очень теплых отношениях со своими профессиональными друзьями и преуспел в завоевании их уважения своим поведением по отношению к ним во время консультаций. Как мы уже говорили ранее, в последние годы своей жизни он был признанным авторитетом в этой профессии в Эдинбурге, и очень жаль, что его вклад в медицинскую науку столь невелик.

Грегори часто говорил, что в то время как физика была его бизнесом, метафизика была развлечением всей его жизни. Рид посвятил ему и Дугалду Стюарту свои “Очерки об интеллектуальных способностях”; он был близким другом Томаса Брауна и был очень заинтересован в том, чтобы обеспечить ему преемственность после Дугалда Стюарта на кафедре моральной философии. Он зашел так далеко в филологии, что опубликовал Теорию наклонений глаголов в “Эдинбургских философских трудах” за 1787 год. Его “Литературные и философские очерки” в двух томах (1792) касались главным образом старого спора о свободе и необходимости. Однако, поскольку у него было твердое мнение, что метафизика не допускает никаких открытий, неудивительно, что его вклад в науку не занял постоянного места. Его четвертый сын, Уильям Грегори, стал выдающимся химиком, другом Либиха и переводчиком его “Знакомых писем по химии”, а также профессором химии в Эдинбургском университете.

Джон Белл, который упоминается последним в списке великих эдинбургских деятелей восемнадцатого века, связан с девятнадцатым отчасти своей хирургической карьерой и посмертными “Наблюдениями за Италией”, а еще больше - своими отношениями со своим великим братом, сэром Чарльзом Беллом. Каждый, кто прочтет разрозненные воспоминания о Джоне Белле, преисполнится сожаления о том, что его карьера была омрачена противоречиями и, как представляется, даже злобной оппозицией, возглавляемой доктором Джеймсом Грегори. Его художественные вкусы и познания в сочетании с его оригинальными взглядами на

анатомию и хирургию сделали его представителем нового рода в Эдинбурге, и совершенно очевидно, что в Эдинбурге его не оценили должным образом.

Джон Белл, второй сын преподобного Уильяма Белла, священнослужителя Шотландской епископальной церкви в Эдинбурге, получил медицинское образование по выбору своего отца в благодарность за облегчение, которое он получил благодаря сложной хирургической операции примерно за месяц до рождения своего сына, в 1763 году. В 1779 году он в течение пяти лет был учеником Александра Вуда, известного хирурга. Он посещал лекции Блэка, Каллена и второго Монро, а в 1786 году стал членом Эдинбургского колледжа хирургов. Не будучи оперирующим хирургом, Джон Белл видел много недостатков в своем преподавании применения анатомии к хирургии. На самом деле, хирургическая анатомия никогда должным образом не преподавалась в Эдинбурге, пока он сам не начал преподавать, и о фактическом вскрытии мало кто думал. Он говорит: “На занятиях доктора Монро, если только не произойдет удачной череды кровавых убийств, не будет вскрыто и трех предметов в год. На останках субъекта, выловленных со дна бочонка со спиртным, демонстрируются те тонкие нервы, которых следует избегать или которые следует разделять при наших операциях; и они демонстрируются один раз на расстоянии ста футов, нервы и артерии, которые хирург должен препарировать, рискуя жизнью своего пациента”.^[11]

Таким образом, сразу после получения квалификации Джон Белл начал читать лекции по анатомии и хирургии за свой счет, что было дерзким поступком, который не преминул навлечь на него враждебность всех тех, кто придерживался старых взглядов. Он был энергичен в своем осуждении стереотипных методов и несовершенств старой школы Монро и Бенджамина Белла. Он построил дом для своих курсов и практической работы на площади Хирургов, где продолжал свою работу после 1790 года. Вскоре он приобрел популярность, и это возрастало по мере того, как его стиль становился более отточенным и сформированным, фактически являясь самым графичным из всех, появившихся в Эдинбургской медицинской школе. Он был виртуозным писателем-описателем и использовал все прелести стиля, чтобы придать интерес своему предмету. Следовательно, его оппоненты говорили, что он романтизирует и преувеличивает. Он придерживался своего текста о том, что хирургия должна основываться на анатомии и патологии; и, к сожалению, вызвал самое ожесточенное сопротивление Джеймса Грегори, который первым опубликовал анонимную брошюру под названием “Руководство для студентов-медиков, посещающих Эдинбургский университет”, предостерегающую студентов от посещения лекций Джона Белла. Следующей атакой стал “Обзор трудов Джона Белла, хирурга из Эдинбурга, написанный Джонатаном Доуплакером”. Эта злокачественная атака, говорит Белл, была расклеена, как театральная афиша, самым заметным и необычным образом, на каждом углу города: на дверях моего лекционного зала, на воротах колледжа, куда не могли не пройти мои ученики, и на воротах лазарета, куда я ходил делать свои операции.

Белл ответил, взяв прозвище, используемое его оппонентом, в то же время атаковав своего хирургического союзника в области традиционных методов, Бенджамина Белла, чья “Система хирургии” в шести томах обеспечила ему отличное развлечение. Белл говорит: “Я не ошибся в своей птице и не промахнулся; и в тот день, когда был опубликован второй номер, великая хирургическая работа Бенджамина пала замертво”. В то время для всех хирургов Эдинбурга, которые хотели это сделать, было обычным оперировать поочередно в лазарете, и Грегори выдвинул план, по которому только избранному и ограниченному числу хирургов должна была быть предоставлена эта привилегия. Но план был особенно направлен на то, чтобы добиться

исключения Джона Белла, и Грегори добился этого в 1800 году. Тем не менее, Белл приобрел известность и практику, хотя он потерял назначение в больницу и, по-видимому, все шансы на профессорскую должность в университете. Он бросил преподавание и посвятил себя практике. Он сыграл важную роль в повышении уровня университетских требований и теорий в своем отделении, и оно не могло снова опуститься до прежнего низкого уровня. Он стал ведущим оператором и хирургом-консультантом своего времени. “Он был не только смелым и ловким оператором, - говорит профессор Стразерс, - но и в экстраординарной степени сочетал в себе все качества, природные и приобретенные, великого хирурга. Он был оригинальным и бесстрашным, а также доскональным анатомом; у него были интеллект, нервы, а также язык — он в равной степени владел головой, рукой, языком или пером; и он был трудолюбивым, а также блестящим”. Щедрый сам по себе и щедрый по отношению к тем, кто был в нужде, он знал, как упрекнуть богатых в скупости. Однажды богатый ланаркширский лэрд выписал ему чек на 50 фунтов стерлингов за услуги, которые, по мнению Белла, заслуживали гораздо более высокого вознаграждения. Подойдя к входной двери, он встретился с дворецким и сказал ему: “Вам было очень трудно открыть мне дверь, вот для вас мелочь”, - и протянул ему хозяйский чек. Изумленный дворецкий, конечно, посоветовался со своим хозяином по поводу этого знака сомнительного расположения, и лэрд, поняв намек, послал искусному хирургу чек на 150 фунтов стерлингов.

У Джона Белла, однако, есть и другие претензии на память, помимо его преподавания и оперативного мастерства. Его анатомические труды по хирургии до сих пор заслуживают внимания и существенно способствовали прогрессу науки. Его основными работами этого класса были “Анатомия человеческого тела”, 3 тома. (1793-1802); “Гравюры костей, мышц и суставов”, иллюстрирующие первый том “Анатомии”, 1794; “О природе и лечении ран”, 1795; и “Принципы хирургии”, 3 тома, 1801-8. Сэр Чарльз Белл говорит о “быстром улучшении хирургии артерий, последовавшем за публикацией этой части “Анатомии””, и далее, что ее нелегко было превзойти по точности и детальности описания. Третий том “Анатомии” был написан его братом Чарльзом, под чьей последующей редакцией книга выдержала множество изданий и была переведена на немецкий язык. Трактат о ранах содержал четкое изложение новой практики, направленной на раннее заживление ран после операций, а также подчеркивал важность свободного анастомоза артерий во всех случаях, когда повреждения были нанесены основным артериальным стволам. В своих “Принципах хирургии” он изложил превосходные исторические взгляды на свой предмет, а также новейшую и передовую практику, основанную на анатомии и физиологии. Сэр Чарльз Белл проводит следующий резкий контраст между своим братом и сэром Эстли Купером в отношении их методов: “Он (Джон Белл) кажется наиболее счастливым, когда может подкрепить свои рассуждения авторитетом тех, кто был до него, и чувствует, что он принес двойную пользу, когда он может в то же время проиллюстрировать истину и оправдать характер какого-нибудь превосходного старого хирурга, а также научить молодежь наших дней оглядываться на историю профессии в поисках наиболее полезных уроков. Сэр Эстли Купер, с другой стороны, ненавидит любую власть, которая мешает его популярности; считает этот том старым, заплесневелым, посвященным ему самому; опускает все упоминания о своих уважаемых современниках; и варьирует свои похвалы и панегирики только молодым людям, которым он льстит, журналистам и деловым связям, вплоть до резчика, делающего его инструменты”.

В 1805 году Джон Белл женился на Розине Конглтон, дочери вышедшего на пенсию эдинбургского врача, и в ней обнаружил схожесть вкусов, понимание художественных,

литературных и музыкальных сторон своей натуры и замечательную помощь в проявлении его склонности к гостеприимству. Его развлечения и его собственные выступления на тромбоне стали знаменитыми. Его вкус к искусству сопровождался замечательным мастерством в дизайне и исполнении, в котором среди хирургов его превзошел только его собственный брат Чарльз. Однако он так и не почувствовал себя в своей тарелке после того, как его исключили из лазарета. Его соперники, занимающие свое авторитетное положение, доктор Грегори, находящийся в постоянном подчинении, не могли не произвести на него впечатления незаслуженного неудачника. В начале 1816 года он был сброшен с лошади и не сразу оправился от полученных травм. В 1817 году его здоровье настолько пошатнулось, что он отправился в заграничное турне со своей женой, и последние три года он провел в Италии, где его душа художника находила большое наслаждение, и где у него также было много профессиональной практики среди английских гостей, посещавших Италию.

Во время своего пребывания в Италии он хорошо осознавал опасное состояние своего здоровья, но его исключительная сила духа и пылкость характера не позволяли ему когда-либо выдавать свое осознание этого. Несколько карандашных строк, написанных им перед отъездом из Парижа, хорошо выражают сокровенную душу человека, чья карьера была такой бурной. Он говорит: “Я видел много разочарований в жизни. Я не буду чувствовать их долго. Болезнь в ужасной и внезапной форме; потеря крови, в которой я лежал, погруженный в себя, в течение многих часов, с ощущением затянувшейся смерти, когда я почувствовал, как больно было не совсем приходить в себя, но и не умирать — шумный сон! скажи, что в скором времени должно произойти то, что недавно было так близко”. Он умер от водянки в Риме 15 апреля 1820 года.

Во Флоренции и Риме он посетил все главные галереи и делал карандашные записи своих наблюдений, как с научной, так и с художественной точки зрения. Они составили основную часть его посмертных “Наблюдений над Италией” под редакцией его друга, епископа Эдинбургского Сэндфорда, опубликованных в форме кварто в 1825 году, впоследствии в 2-х томах. 8vo в 1835 году с дополнительными главами о Неаполе. После их публикации они сразу же получили высокую оценку благодаря исключительному сочетанию художественных симпатий, литературного выражения и научной критики. Новое ежемесячное обозрение на своей первой странице описало язык этих наблюдений как энергичный, лаконичный и чистый; его свет и тени были расставлены виртуозной рукой. Его описания как пейзажей, так и нравов Италии считаются самыми захватывающими из когда-либо появившихся. Как образец этого яркого и живописного стиля, показывающий, насколько его искусству способствовала та быстрота восприятия характерных выражений и черт, которая была так развита его медицинским опытом, мы можем процитировать его рассказ о великопостном проповеднике, которого он слышал в Риме.

“Молодой монах в сандалиях, с обнаженными руками, без одежды, с бледным лицом и небрежным видом, стоял, прислонившись к колонне в верхнем конце среднего нефа; его серая грубая ряса, подпоясанная множеством складок из шнуров с толстыми узлами, казалось, едва прикрывала его фигуру; его почти обнаженные руки свисали вдоль тела, в то время как откинутый капюшон открывал дикое бледное лицо и длинную худую костлявую шею. Он стоял молча и неподвижно, как изображение или статуя, словно погрузившись в медитацию или измученный неистовством собственных переполняющих чувств, изливавшихся на его слушателей. Оратор, очевидно, дошел до крайнего напряжения перед моим появлением, оставив, поскольку он внезапно сделал паузу, яркие следы силы своих аргументов на лицах тех,

к кому он обращался. Здесь распростертые руки, полуоткрытый рот, напряженный взгляд говорили о серьезном, но изумленном внимании, в то время как, возможно, рядом с ним стоял с посеребренными волосами и кротким видом бледный отшельник, дрожа во время слушания, чтобы, возможно, даже он не был застрахован от наказания злодея; в то время как за ним можно было видеть темный, мрачный, пристальный взгляд задумчивого фанатика, чьи сверкающие глаза, казалось, загорались вместе с оратором и шли в ногу с его обличениями, - возможно, контрастируя со спокойным бездумным видом оратора. довольная глупость, выглядящая так, как будто возбуждено только чувство слуха, или говорящий глаз, сияющий ревностным огнем, как будто готовый бросить вызов или ответить на каждое новое предложение. Некоторые стояли с опущенными взглядами, серьезные и задумчивые; другие тихо прогуливались, то замечаемые, то теряющиеся среди колонн; в то время как большая часть, которые были как бы застигнуты врасплох своим волнением и на мгновение замолчали, поспешно формировались в группы и начинали шепотом разговаривать с тем рвением и живостью, которые так своеобразно характеризуют их нацию. Но вскоре, перекрывая эти бормочущие звуки, до слуха донесся полный, глубокий голос проповедника, как вдруг все снова погрузилось в тишину. Медленно и торжественно начал он свою речь; но по мере того, как он продолжал, черты его лица постепенно оживлялись; его темные глубокие красноречивые глаза загорались, когда он говорил, и на мгновение озаряли его бледное и изможденное лицо, в то время как мягкие тона итальянской речи придавали тончайшую энергию его выражениям. С частыми паузами, но с возрастающей силой он продолжал свою речь; его голос был то низким и торжественным, то величественным и напористым, но все еще с умеренными и постоянно меняющимися акцентами, которые воздействовали на чувства, в какой-то момент вызывая холод сильных эмоций, а затем, когда он менял тон, растопляя сердце до нежности. Целью его проповеди и добровольной миссии было завоевать приверженцев и склонить их к монашеской жизни, изображая опасности, беспокойство и горести мирского мира, контрастирующие с мирной безмятежностью преданного небу ума. Иногда, словно согретый пророческим духом, с видом то умоляющим и жалобным, то диким и торжествующим, с оживленными жестами и взмахами рук, попеременно указывающими на небо и на тени внизу, он, казалось, хотел соблазнить, убедить или оторвать свою жертву от мира. Мощь его голоса и действий придавала неопишемую силу его языку, увлекаая умы слушателей с быстротой, которая не оставляла паузы для размышлений. Тусклый сдержанный дневной свет, вырисовывающий некоторые предметы с сильным рельефом и оставляющий другие в тени, своеобразный облик монаха, магическое влияние, которое, казалось, витало в его словах и придавало силу его красноречию, придавали всей сцене характер одновременно необычный и поразительный ”.

Джон Белл был ниже среднего роста, хорошей фигуры, активный, с правильными чертами лица, острыми пронизательными глазами и высокоинтеллектуальным выражением лица. Его вдова говорит о нем: “К классическому вкусу и знанию рисования (многие из его профессиональных рисунков были тонко выполнены его собственной рукой) он присоединил ум, живо воспринимающий красоты природы. В ранние годы он часто поддавался наслаждению, которое они доставляли, и, бродя среди диких и величественных пейзажей своей родной земли, давал волю своему воображению, любясь быстрым потоком или наблюдая за надвигающейся бурей. Такие привычки, по-видимому, в какой-то мере сформировали его характер; особенно они приучили его к независимости в суждениях и настойчивости в расследовании, что побудило его искать знания и смело публиковать свои мнения. С теплой привязанностью и жизнерадостным характером он смотрел вперед с надеждой, что его труды и репутация

однажды несомненно принесут независимость; а пока, прислушиваясь только к велениям восторженной природы и поддаваясь порыву чувств, он с готовностью отдал бы свою последнюю гинею, свое время и свою заботу любому, кто в них нуждался. Судя о других по себе, он был слишком доверчив в дружбе и слишком беспечен в вопросах бизнеса; следовательно, из-за одного он был подвержен разочарованию, а из-за другого был вовлечен в трудности и замешательство, которые окрашивали всю его жизнь”.

СНОСКИ:

[11] “Письма об образовании хирурга” Джона Белла, 1810.

ГЛАВА V.

УИЛЬЯМ И ДЖОН ХАНТЕР И ПРИЛОЖЕНИЯ АНАТОМИИ И ФИЗИОЛОГИИ К ХИРУРГИИ.

Несколько удивительно, что анатомия, необходимая основа здорового лечения человеческого тела при заболеваниях, так долго оставалась сравнительно неразвитой в нашей стране как практическое искусство, после того как Харви проложил путь и показал, какие блестящие открытия могут быть сделаны путем вскрытия. Континентальные школы, безусловно, ставят под сомнение ранние английские усилия в области анатомии: и, по-видимому, нелегко организовать в Англии какое-либо новое изучение, если только этот предмет не является предметом, от которого можно немедленно ожидать больших денежных прибылей — в таком предприятии не может быть никакой заслуги. Когда человек приобретает некоторую репутацию анатома или физиолога, все усилия британского общества, по-видимому, направлены на то, чтобы отвлечь его от того занятия, украшением которого он зарекомендовал себя, и превратить его в человека, чье дело - лечить личные недуги, тем самым мешая ему, но в большинстве случаев слишком успешно, заниматься тем, к чему он проявил заметный талант. Таким образом, мы обнаруживаем, что Чезельден, чьи публикации "Анатомии человеческого тела" в 1713 году и "Остеографии" в 1733 году продемонстрировали большие анатомические способности и были переведены в крупную частную практику. А Уильям Хантер, основатель первого большого анатомического музея, отвлекся от учебы и стал акушером, чтобы добыть деньги на свои особые предметы.

Уильям Хантер, чье имя ранее упоминалось в нашем отчете о Каллене, родился 23 мая 1718 года в Килбрайде, Ланаркшир, и был седьмым из десяти детей Джона и Агнес Хантер. В четырнадцать лет его отправили учиться в Глазго, где он пробыл пять лет, поскольку по желанию отца он должен был вступить в Церковь. Впитав либеральные взгляды, он вскоре воспротивился этому предложению, и близость с доктором Калленом определила его отношение к медицине. В 1737 году он стал постоянным учеником Каллена в Гамильтоне и оставался с ним три года. Затем было решено, что он должен поехать изучать медицину в Эдинбурге и Лондоне, а затем вернуться в Гамильтон к партнерству со своим учителем. Их взаимная привязанность длилась всю жизнь.

Зиму 1740-1740 годов Уильям Хантер провел в Эдинбурге, где Монро примус в то время преподавал анатомию. Следующим летом он поехал в Лондон и получил должность ассистента доктора Дугласа, который в то время работал над большой книгой по остеологии, до завершения которой он не дожил, так как образование сына доктора Дугласа также было возложено на него. Он счел это предложение настолько заманчивым, что остался в Лондоне, хотя это противоречило желаниям его уже престарелого отца, который считал предпочтительным соглашение с доктором Калленом. Отец умер 30 октября следующего года в возрасте 78 лет.

Молодой человек вскоре стал специалистом по вскрытию и поступил учеником хирурга в больницу Святого Георгия. Вскоре после этого его перспективы были омрачены смертью доктора Дугласа, но его пребывание в семье не было прервано. Еще в 1743 году он представил Королевскому обществу доклад о строении и заболеваниях суставных хрящей, а затем был занят подготовкой к началу преподавания анатомии. Его возможность представилась в 1746 году, когда мистер Сэмюэл Шарп отказался от курса лекций по хирургии, который он читал обществу военно-морских хирургов в Ковент-Гардене, и рекомендовал Уильяма Хантера на свое место. Его лекции были признаны настолько удовлетворительными, что его попросили расширить курс анатомии. Сначала он очень стеснялся читать лекции, но вскоре обрел уверенность. Один из его учеников, провожавший его домой после вводной лекции, рассказывает, что он носил свои гонорары за курс в размере семидесяти гиней в сумке под плащом и что он заметил, что это была большая сумма, чем та, которой он когда-либо владел прежде. Прибыль от этих курсов он тратил без скупости, в значительной степени на то, чтобы подружиться с другими, и, следовательно, он не смог начать свои лекции в следующем сезоне в надлежащее время из-за нехватки средств для рекламы их начала. Эта задержка преподавала ему полезный урок, ибо он обнаружил, что, так сильно напрягая свои ресурсы, он только поощрял праздность своих друзей. Это сделало его в будущем осторожным в предоставлении денег в займы и более экономным, чем раньше, и, можно сказать, заложило фундамент его состояния.

В 1747 году Уильям Хантер был принят в Коллегию хирургов, а весной отправился в путешествие по континенту, во время которого встретил Альбинуса в Лейдене. Хотя он начал практиковать как хирург, он постепенно прекратил ее, когда начал преуспевать в качестве акушера, получив назначение хирургом-акушером как в больницу Мидлсекса, так и в Британскую стационарную больницу. Его примирительные манеры и приятное обращение способствовали тому, что он стал популярным в этой области практики. В 1750 году он получил степень доктора медицины в Университете Глазго и примерно в то же время перестал проживать у миссис Дуглас и переехал на Джермин-стрит, так долго связанную с Хантерами. В 1751 году он посетил свой дом в Лонг-Калдервуде, Килбрайд, и выразил свою привязанность к доктору Каллену, который теперь обосновался в Глазго. Однажды, когда Каллен ехал с ним верхом, он указал Хантеру, насколько заметен Лонг Калдервуд издали, на что тот энергично ответил: "Что ж, если я выживу, я сделаю его еще более заметным". Однако это был его единственный визит на родину после того, как он поселился в Лондоне.

Уильям Хантер поступил в Колледж врачей в 1755 году и примерно в то же время в Медицинское общество. Его "История аневризмы аорты" опубликована в первом томе, опубликованном этим Обществом в 1757 году. В отношении аневризм он сделал много оригинальных наблюдений, например, чтобы представить этот предмет в совершенно новом аспекте. Несколько статей,

которые он опубликовал в этом Обществе, непосредственно касаются проблем, представляющих интерес для акушерства, и женских болезней.

Именно в 1762 году появилось первое издание “Медицинских комментариев”, в котором Монро секундус подвергся резкой критике за то, что выдал за свои собственные открытия, которые Уильям Хантер много лет назад обнародовал на своих лекциях. Следует сожалеть, что в отношении этих самых вопросов, а также других впоследствии возникли споры между Уильямом Хантером и его братом Джоном, который, как представляется, сделал по крайней мере некоторые из этих открытий, будучи помощником своего брата. В отношении ряда из них старший брат отдавал должное своему младшему как при чтении лекций, так и в его публикациях; в отношении других старший вообще не отдавал должное, когда Джон считал себя вправе во многом или полностью похвалить оригинальность. Оба брата были поразительно чувствительны к своим претензиям на оригинальность, и Уильям Хантер, по-видимому, несколько раз рассматривал новую демонстрацию как свою собственность, поскольку она была сделана в его анатомическом кабинете, хотя и не им самим. Тем не менее, мы находим записи о том, что зимой 1762-1763 годов, когда братья разошлись, Уильям Хантер часто говорил на своих лекциях: “В этом я всего лишь интерпретатор моего брата” — “Я просто демонстрирую это открытие; оно принадлежало моему брату”. Мы должны вернуться к этой теме позже, просто упомянув сейчас, что Джон Хантер был ассистентом своего брата и препарировал для него с 1748 года, и что с 1755 по 1760 год определенная часть лекций была прочитана им; в 1760 году они расстались.

Нет никаких сомнений в том, что в общем образовании, в манерах, в подаче материала, во всем, что делает успешного лектора и привлекательного специалиста-практика, Уильям Хантер значительно превосходил своего брата. Доктор Бейли сказал о нем: “Никто никогда не обладал большим энтузиазмом к своему искусству, более настойчивым трудолюбием, большей остротой исследования, большей проницательностью выражения или, более того, большей долей природного красноречия. Он превзошел любого лектора, которого я когда-либо слышал, четкостью своих аранжировок, меткостью иллюстраций и элегантностью своей дикции”. Если бы не упорство, с которым он обсуждал спорные темы, и его досадные разногласия с братом, ничто не омрачило бы приятную природу картины Уильяма Хантера. О том, как он сам рассматривал эту сторону своего характера, можно почерпнуть из следующего отрывка из Приложения к его Медицинским комментариям, опубликованного в 1777 году.

“Примечательно, что в анатомии едва ли найдется значительный персонаж, который не был бы связан с какой-нибудь горячей полемикой. Анатомы всегда были вовлечены в споры. И действительно, если человек не обладает таким энтузиазмом и любовью к искусству, которые делают его нетерпимым к необоснованному противодействию и посягательствам на его открытия и репутацию, он вряд ли добьется успеха в анатомии или в какой-либо другой отрасли естественных знаний.

“Эти размышления служат некоторым утешением для меня, который, к сожалению, уже был вовлечен в два публичных спора. Я подражал некоторым из величайших персонажей в том, что обычно считается их худшей стороной; но я также старался быть полезным; совершенствовать и распространять знания анатомии; и, конечно, здесь будет позволено, что если я не был полезен публике таким образом, то это было не из-за недостатка усердия или любви к службе.

“Точно так же было замечено за анатомами, что все они подвержены ошибке, заключающейся в том, что они суровы друг к другу в своих спорах. Возможно, из-за привычки рассматривать объекты с осторожностью и точностью они могут испытывать большее отвращение к опрометчивым утверждениям и ложным рассуждениям. Из-за привычки остерегаться быть обманутыми внешностью и выяснять истину, они могут быть более чем обычно спровоцированы любой попыткой навязать им что-либо; и насколько нам известно, пассивное подчинение мертвых тел, их обычных объектов, может сделать их менее способными выносить противоречия”.

Было бы приятно, если бы мы могли рассказать, что Уильям Хантер приписывал высшие заслуги любому анатому или физиологу, которые были до него. Но мы находим, что он говорит о Харви: “По заслугам ранг Харви, должно быть, действительно сравнительно низок. Так много было открыто другими, что ему оставалось сделать немного больше, чем оформить это в систему; а это, согласится каждый судья в подобных вопросах, не требовало экстраординарных талантов. И все же, как бы легко это ни было, это сделало его бессмертным. Но ни одно из его произведений не показывает, что он был человеком с незаурядными способностями”. Доктор Хантер, несомненно, понимал, что это придирчивая критика, поскольку на предыдущей странице он говорил о Харви как о первоклассном гении проницательности и приложения сил.

Годы, прошедшие после ухода его брата, привели доктора Хантера на вершину профессионального успеха. Его акушерские знания и мастерство были настолько велики, что в 1762 году его вызвали на консультацию к королеве. Два года спустя он был назначен чрезвычайным врачом ее величества. Из-за растущей занятости вскоре у него осталось мало времени для анатомического кабинета и лекций, и он нанял в качестве ассистента одного из своих учеников, Уильяма Хьюсона, а впоследствии взял его в партнеры на своих лекциях. Но эта связь была разорвана из-за споров в 1770 году, и Хьюсон начал читать лекции самостоятельно, и добился большого успеха, который, однако, был прерван его ранней смертью от лихорадки в 1774 году. Крукшенк был его преемником у доктора Хантера и оставался его партнером до самой смерти последнего.

В 1768 году, через год после своего избрания в Королевское общество, Уильям Хантер был назначен первым профессором анатомии во вновь основанной Королевской академии, и он с большой энергией приступил к этой области работы, с обычным успехом применяя свои анатомические знания в живописи и скульптуре. После смерти доктора Фотергилла он был избран президентом Общества врачей, ныне Лондонского медицинского общества.

Самой замечательной работой, опубликованной Уильямом Хантером, была большая серия фолиантов с изображением матки человека, начатая в 1751 году и опубликованная в 1775 году. Посвящая эту работу королю, он признал, что в большинстве вскрытий ему помогал его брат, “чья точность в анатомических исследованиях настолько хорошо известна, - говорит он, “ что упустить возможность поблагодарить его за эту помощь означало бы в некоторой степени пренебречь будущей репутацией самой работы”. Но это признание не удовлетворило Джона Хантера, который заявил о первоначальных достоинствах большинства открытий, о которых объявил его брат, и представил полный отчет Королевскому обществу в 1780 году, через пять лет после публикации работы его брата. На следующем заседании Общества Уильям Хантер ответил на претензии своего брата, и Джон присоединился к нему. Следствием этого стало то, что Общество ничего не опубликовало по этому вопросу, но сохранило статьи обоих авторов в

рукописи. Анатомическое описание пластинок Уильяма Хантера было завершено его племянником, доктором Бейли, и опубликовано в 1794 году.

Еще более важной работой, с точки зрения затрат, было создание музея, который до сих пор используется студентами в качестве музея Хантера в Университете Глазго. Экономный с самого начала в том, что касалось его личных расходов, Уильям Хантер, отложив достаточную сумму на старость или болезнь, применил свои мысли к основанию анатомической школы в Лондоне. Во время правления мистера Гренвилла, в 1765 году, он обратился к нему с прошением о выделении участка земли для строительства анатомического театра, обязавшись потратить 7000 фунтов стерлингов на строительство здания и назначить постоянного профессора анатомии. Трудно поверить, что такое щедрое предложение было отклонено; но это была середина восемнадцатого века, и правительственная пенсия доктору Джонсону, вероятно, считалась высшей мерой общественного одобрения образования и науки. Лорд Шелбурн, правда, выразил желание, чтобы предложение доктора Хантера было осуществлено посредством всеобщей подписки, и предложил от себя внести тысячу гиней. Но Уильям Хантер был не из тех, кто в осуществлении своих проектов полагался на призыв такого рода, и поэтому он купил участок земли на Грейт Уиндмилл-стрит, недалеко от Хеймаркета, где построил подходящий дом для собственного проживания с лекционным залом, анатомическими кабинетами и красивым помещением для музея. К этому он переехал в 1770 году с Джермин-стрит. У него уже была очень большая коллекция человеческой, сравнительной и патологической анатомии, которую он продолжал пополнять. Он приобрел все лучшие коллекции патологических и других анатомических образцов, которые были выставлены на продажу, такие как коллекции Сэндиса, Фальконера (в том числе Хьюсона) и Блэколла. К ним добавились многочисленные образцы редких заболеваний, подаренные ему друзьями-медиками и учениками. Мы видим, в каком свете он рассматривал эти дары, по следующему заявлению в одной из его публикаций: “Я смотрю на все подобного рода, что преподносится мне как подарок обществу, и считаю себя, таким образом, призванным служить обществу с большим усердием”. И музей всегда был открыт для множества посетителей, которых привлекала его известность.

Вкусы доктора Хантера расширились. Он собирал окаменелости, редкие книги и монеты. Доктор Харвуд описал свою библиотеку как включающую в себя самое великолепное собрание греческих и латинских книг, которое когда-либо было накоплено кем-либо из живших в то время людей. Анатом даже обнаружил библиографическую новизну, сравнив два экземпляра альдинского издания Феокрита, которые, как он обнаружил, имеют существенные различия, хотя и представляют одно и то же издание. Коллекция монет в этом музее была такой ценной и важной, что Уильям Комб посвятил описанию части из них иллюстрированное кварто. В предисловии дается отчет о ходе работы над коллекцией, которая к настоящему времени стоила не менее двадцати тысяч фунтов стерлингов.

Еще одно важное дополнение было внесено в музей в 1781 году в виде коллекции раковин, кораллов и других образцов естественной истории доктора Фотергилла. В завещании доктора Фотергилла указывалось, что Уильям Хантер должен получить первый отказ от музея на пятьсот фунтов меньше, чем его стоимость, установленная оценкой, и доктор Хантер в конечном итоге совершил покупку за тысячу двести фунтов.

Этот благородный музей был оставлен по его завещанию не его брату Джону, а его племяннику доктору Бейли, а в случае его смерти мистеру Крукшенку на тридцать лет, по истечении которых коллекция должна была перейти в Университет Глазго. доктор Бейли, однако, передал ее Глазго раньше указанного срока. Восемь тысяч фунтов также было оставлено на поддержание и увеличение коллекции.

Доктор Хантер так и не оставил практику, хотя в последние годы его сильно мучила подагра. Одно время он подумывал осесть где-нибудь в Шотландии, когда сильнее обычного страдал от плохого самочувствия, но, обнаружив, что предложенный ему титул на поместье является неполноценным, а также обнаружив, что ему приходится покрывать постоянно растущие музейные расходы, он отказался от своего намерения. Он продолжал очень настойчиво как в своей практике, так и в своих лекциях, несмотря на усилившиеся страдания, пока 15 марта 1783 года не был почти повержен. Однако 20-го числа он должен был прочитать свою вводную лекцию о хирургических операциях, несмотря на отговаривания своих друзей. Ближе к концу лекции он потерял сознание, и двум слугам пришлось отнести его в постель. Следующей ночью у него случился приступ частичного паралича, от которого он так и не оправился. Во время болезни он сказал своему другу мистеру Комбу: “Если бы у меня было достаточно сил, чтобы держать перо, я бы написал, как легко и приятно умирать”. Его брату Джону разрешили повидаться с ним на смертном одре и присутствовать при нем, и в этих случаях нет ни малейшего намека на разногласия. Уильям Хантер умер 30 марта 1783 года на шестьдесят пятом году жизни и был похоронен в церкви Святого Джеймса на Пикадилли.

Уильям Хантер обладал элегантной фигурой, был стройным и немного ниже среднего роста. Его портрет кисти сэра Джошуа Рейнольдса украшает музей Хантера в Глазго. Незаконченная картина Зоффани изображает его в позе читающего лекцию о мускулах в Королевской академии в окружении академиков. Портрет Хантера - единственная завершенная часть. Он был подарен Колледжу врачей мистером Брэнсби Купером в 1829 году.

Мы никогда не слышали о каких-либо матримониальных проектах со стороны Уильяма Хантера. Он был предан своему музею, своей профессии, своим лекциям. Он вел скромный образ жизни, ел мало еды, да и то простого приготовления; рано вставал и всегда был на работе. Когда он приглашал друзей пообедать с ним, он редко готовил больше двух блюд и часто говорил: “Человек, который не может пообедать одним блюдом, заслуживает того, чтобы остаться без ужина”. После ужина каждому гостю был вручен один бокал вина. Некоторые обвиняли его в скупости. Правда в том, что он не получал удовольствия от развлечений и роскоши, которым предавалось большинство людей, но он ни в коем случае не был скуп на занятия, в которых находил истинное удовольствие. Его биограф, доктор Фоарт Симмонс, говорит: “Было что-то очень привлекательное в его манерах и обращении, и он проявлял такое внимание к своим пациентам, когда проводил свои расспросы, что не могло не вызвать у них доверия и уважения. Консультируясь со своими коллегами-медиками, он высказывал свое мнение с неуверенностью и прямоотой. В дружеской беседе он был весел и непритязателен. Все, кто знал его, признают, что он обладал превосходным пониманием, большой готовностью восприятия, хорошей памятью и здравыми суждениями”.

Доктор Хантер ничего не завещал своему брату Джону, но он знал, что последний хорошо зарекомендовал себя и добился успеха. Все-таки его завещанию в родовом имении в Лонг-Калдервуд, чтобы его племянник, доктор Бейли, по-видимому, не были полностью

удовлетворительными; тот передал его дядя Джон. Доктор Хантер оставил ренту в 100 фунтов стерлингов, чтобы его сестра, Миссис Бейли, для жизни, и £2000 для каждой из ее дочерей. Доктор Бейли был его законным наследником.

Имя Джона Хантера напоминает о славе великой медицинской школы, трудах неутомимого диссектора, мастерстве блестящего оперирующего хирурга и создании самого благородного из музеев Хантера - Линкольнс-Инн-Филдс, богатейшего наследия Лондонского колледжа хирургов. Младший сын тех же родителей, что и Уильям Хантер, Джон был ребенком преклонного возраста своего отца, последнему приближалось семьдесят на момент рождения Джона 13 февраля 1728 года. Отец умер, когда Джону было десять лет, а его мать, по-видимому, была чрезвычайно снисходительна к своему младшему сыну и так мало контролировала его тягу к развлечениям, что он оставил местную гимназию практически без классических знаний, которые, конечно же, составляли основу обучения, которое там давалось. Несовершенство его общего начального образования было болезненным недостатком для Джона Хантера всю его жизнь.

Нет никаких сомнений в том, что, когда Джону было около семнадцати лет, он поехал в Глазго навестить свою сестру, миссис Бьюкенен, чей муж, столяр, не преуспевал в бизнесе из-за своих музыкальных и социальных качеств. Насколько Джон участвовал в этом бизнесе, не указано, но вполне вероятно, что во многом своим мастерством механика он был обязан тому, чему научился в магазине, который, казалось, запомнился ему гораздо больше, чем любое изучение книг. Обнаружив, что его попытки избавить сестру от ее трудностей безрезультатны, он вернулся домой в Лонг-Калдервуд. Миссис Бьюкенен умер в 1749 году.

Нам крайне мало известно о том, как работал ум Джона Хантера в юности или насколько глубоко он осознавал великие таланты, ожидавшие соответствующего стимула. Все, что мы знаем о его увлечении сельскими развлечениями. В конце концов ему надоело не иметь профессии, и успех его брата Уильяма привлек его в Лондон. Он умолял разрешить ему навестить его и, если возможно, быть его ассистентом по анатомии. Просьба была удовлетворена, Джон прибыл в Лондон в сентябре 1748 года, сразу же приступил к рассечению мышц руки, чтобы проиллюстрировать лекции своего брата, и преуспел сверх всяких ожиданий. Теперь зимой он проводил время в анатомическом кабинете своего брата, а летом посещал больницу Челси в Чеселдене. Было очевидно, что Джон нашел занятие, соответствующее его способностям, и во второй сезон его полностью доверили ученикам в анатомическом кабинете, в то время как доктор Хантер практически ограничивался своими лекциями. В 1751 году Джон стал учеником больницы Святого Варфоломея, где Персиваль Потт в то время был ведущим хирургом. В 1754 году он был принят учеником хирурга в больницу Святого Георгия, где шанс стать хирургом был более вероятен, чем в больницу Святого Варфоломея. В 1756 году он в течение нескольких месяцев был домашним хирургом в больнице Святого Георгия.

Между этими двумя последними датами он стал временно проживать в Оксфорде, где его имя было внесено в список в зале Святой Марии 5 июня 1755 года. Вероятно, идея заключалась в том, что он должен был стать врачом, получив в Оксфорде степень по медицине; но он был не в настроении “пичкать латынью и греческим в университете”; и он так и не преодолел своего отвращения к классике. Много лет спустя он написал: “Джесси Фут^[12] обвиняет меня в том, что я не понимаю мертвых языков; но я мог бы научить его тому, что на мертвом теле он никогда не

знал ни на одном языке мертвых или живых”. Последняя запись об обвинениях в военных действиях против имени Джона в бухгалтерской книге Сент-Мэри-Холла датируется 25 июля 1755 года, так что он, вероятно, прожил там менее двух месяцев. Однако его имя хранилось в книгах до 10 декабря 1756 года.

Единственным изменением, о котором мы слышим в его постоянном круговороте работы, был визит Джона в его дом в 1752 году. В 1755 году Джон был допущен к определенной степени участия в лекциях доктора Хантера; помимо прохождения определенной части курса, он должен был заменять своего брата, когда тот отсутствовал по профессиональным делам. Это было серьезным источником дискомфорта; дефектное образование молодого Охотника здесь становилось заметным. Мы можем взять описание его стиля чтения лекций в более поздний период у его заклятого врага Фута, но будет разумно вычесть из него половину как результат враждебности. “Вначале эти лекции были написаны на отдельных листках бумаги; и естественное замешательство в его уме было таким, что он часто оказывался неспособным изложить свои собственные мнения по своим записям; и после тщетных попыток вспомнить преходящие идеи, которые теперь больше не всплывали в уме и не подчинялись воле — после тщетных попыток потереть лицо и закрыть глаза, чтобы вызвать непослушные воспоминания, — он забрасывал эту тему и брался за другую”.

Тем временем, проводя кропотливые дни в анатомическом кабинете, Джон становился более совершенным анатомом, чем его брат, и начал делать открытия самостоятельно, некоторые из которых Уильям поначалу отвергал, но обычно принимал и излагал в своих лекциях, отдавая должное Джону. Среди других открытий того времени можно упомянуть разветвление обонятельных нервов в носу, распутывание ветвей пятого нерва, ранее неизвестных, прослеживание артерий в большой матке и существование лимфатических сосудов у птиц. Другие открытия, сделанные Джоном Хантером, описаны в Медицинских комментариях Уильяма Хантера. Но вскоре выяснилось, что младший брат чувствовал, что не получает должной доли похвалы и признания своих трудов, в то время как старший считал каждое открытие, сделанное в его анатомическом кабинете, более или менее своей собственностью. Джон продолжал препарировать “с пылом и настойчивостью, которым вряд ли найдется какой-либо пример. Его труды были так полезны для коллекции его брата и так отвечали его нраву, что, хотя во многих других отношениях они не сходились во мнениях, эта простая связь удерживала их вместе долгие годы” (Сэр Э. Хоум).

Джон постепенно увлекся сравнительной анатомией, обнаружив, что структуры, которые были сложными у человека, у животных были проще или отличались по плану, в обоих случаях проливая свет на анатомию и физиологию человека. Таким образом, он производил вскрытия всех обычных животных и всегда сохранял те части, которые его интересовали. Вскоре он вышел за пределы обычного ареала и познакомился со зрителем тауэрского зверинца, чтобы тот мог получить тела тех животных, которые там умерли. Точно так же он даже покупал живых животных у бродячих артистов шоу-бизнеса, просто требуя, чтобы они приносили ему свои тела всякий раз, когда им случалось умирать. Он покупал всех редких животных, которые попадались ему на пути: других ему подарили друзья, и таким образом был обеспечен достаточный запас материала.

Существует некоторая неясность относительно причин, побудивших младшего брата в 1760 году принять назначение штаб-хирургом в армию, присоединившись к экспедиции в Беллейль в

1761 году. Однако нет особых сомнений в том, что его здоровье пошатнулось и что поездка за границу и постоянное проживание были рассчитаны на то, чтобы восстановить его. В 1762 году он поступил на службу в армию Португалии, и этот опыт заложил основу его знаний в области военной хирургии. Во время этой экспедиции он не упускал возможности продолжить свои исследования в области сравнительной анатомии и физиологии. Так, в Беллисле, чтобы выяснить, могут ли животные, находящиеся в состоянии спячки, переваривать пищу, он вводил червей и кусочки мяса в желудки ящериц и держал их под наблюдением в прохладном месте. Он обнаружил, что введенные таким образом вещества остались совершенно непереваренными. Так, в 1762 году недалеко от Лиссабона он проверил слух рыб, наблюдая за воздействием ружейного выстрела на обитателей пруда с рыбой, принадлежащего дворянину.

Уволившись из армии после заключения мира 1763 года, Джон Хантер нашел свое место в анатомической комнате своего брата, которую занимал мистер Хьюсон, самый способный анатомист и лектор. Поэтому у него не было другого выбора, кроме как полагаться на собственные усилия, и он начал практиковать в Лондоне в качестве хирурга на Голден-сквер. Он обнаружил, что практика приходит к нему медленно, и организовал класс по изучению анатомии и практической хирургии, чтобы увеличить свой доход. Это тоже никогда не приносило такой прибыли, как лекции его брата, из-за уже упомянутых недостатков стиля и выражения Джона. Его успеху на практике также препятствовал его отказ или неспособность применить какое-либо из искусств или такта, необходимых для завоевания личной популярности. Хотя он был хорошим компаньоном, по крайней мере, в прежние дни, любое праздничное веселье всегда было подчинено его рвению к новому образцу или редкому случаю, из которого он мог чему-то научиться. Он готов был пойти на любые неприятности или пройти любое расстояние, преследуя эти цели; в то время как о его отношении к обычному случаю можно судить по замечанию, сделанному его близкой подруге Линн, когда он откладывал в сторону свои анатомические инструменты— “Что ж, Линн, я должен пойти и заработать эту чертову гинею, иначе она наверняка понадобится мне завтра”. Простой моды Хантер терпеть не мог. Доктор Гартшор, врач старой школы, всегда официальный, вежливый и хорошо одетый, однажды обратился к нему в анатомическом кабинете со своим обычным *императивом*: “Мой доктор Джон Хантер”, — и был поражен, услышав насмешливый ответ: “Мой доктор Том Дурак”. Занятой диссектор, вероятно, не придавал большого значения формальностям придворного врача, который, как замечает современник, “время от времени заглядывал к нему, заводил часы и засыпал”.

Обнаружив, что его коллекция живых животных растёт так, что он не в состоянии содержать их в городе, Хантер купил значительный участок земли в Эрлс-Корт, в то время примерно в двух милях от Лондона, и построил на нем дом с лужайкой позади него, на которой и вокруг которой он держал коллекцию любопытного разнообразия, иногда под сравнительно небольшим контролем, чтобы легче было наблюдать за их повадками. Однажды два леопарда вырвались на свободу, и один перелез через пограничную стену, в то время как другой дрался с собаками, когда мистер Хантер, безоружный, вышел, схватил их обоих и вернул обратно в сарай; акт мужества, который, когда все закончилось, чуть не заставил его упасть в обморок.

В 1767 году несчастный случай, в результате которого мистер Хантер порвал свое ахиллиссухожилие, то ли во время танца, то ли когда вставал из-за анатомического стола после того, как ему стало тесно от долгого сидения, точно неизвестно, побудил его тщательно изучить процесс заживления разорванных сухожилий. Его метод лечения состоял в том, чтобы держать

пятку поднятой и мягко сжимать мышцу валиком, предотвращая таким образом любое спазматическое сокращение. Он разрезал одно и то же сухожилие у нескольких собак, впоследствии умерщвляя их в разные периоды времени, чтобы изучить ход и характер восстановления; и его эксперименты и образцы положили начало современной практике перерезания сухожилий для облегчения деформированных и стянутых суставов.

В том же 1767 году мистер Хантер был избран членом Королевского общества раньше своего брата — свидетельство того, что его энергичные исследования уже сделали его хорошо известным среди людей с пытливыми умами. В более поздний период он был одним из инициаторов встреч в кофейне для обсуждения докладов перед их представлением Обществу в целом. В 1768 году он стал членом Королевского колледжа хирургов, и в том же году, поддержанный интересами своего брата, он был избран хирургом больницы Святого Георгия 114 голосами против 42. Теперь он находился в положении, при котором в его распоряжении было больше пациентов для экспериментальных или новых методов лечения, и при котором он мог брать постоянных учеников на выгодных условиях. В 1770 году переезд его брата в его новое помещение на Грейт-Уиндмилл-стрит привел к тому, что Джона перевели в покойный дом его брата на Джермин-стрит, где он нашел гораздо более просторное помещение для своей работы, чем у него было до сих пор. Здесь среди его первых учеников был доктор Дженнер, который был восторженным учеником и которого мистер Хантер с радостью навсегда связал бы с собой. Он поддерживал с ним постоянную и интимную переписку на протяжении всей жизни, часто обращаясь к доктору Дженнеру за информацией по вопросам естественной истории.

Вскоре после своего переезда на Джермин-стрит, а именно в июле 1771 года, мистер Хантер женился на Энн, старшей дочери мистера Роберта Хоума, армейского хирурга, отца его последующего ученика и соратника сэра Эверарда Хоума. Он был помолвлен с Мисс Хоум в течение нескольких лет, но финансовые причины до сих пор откладывали свадьбу. Миссис У Хантера были художественные, литературные и музыкальные вкусы, которые в какой-то степени, за их счет, повлияли на научные интересы ее мужа. Ее помнят как автора слов из ряда английских канцонетов Гайдна, в том числе знаменитой: “Моя мать велит мне заплести волосы”. Мистер Хантер иногда обнаруживал, что друзья его жены, на его вкус, были слишком модными или легкомысленными, и иногда раздражение брало верх над его манерами. Рассказывают, что однажды, вернувшись поздно вечером после утомительного рабочего дня, он неожиданно обнаружил, что его гостиная заполнена веселой компанией, прошел прямо в комнату и обратился к собравшимся в таких выражениях: “Я ничего не знал об этой шумихе, и мне следовало бы быть проинформированным об этом заранее; но поскольку я сейчас вернулся домой учиться, я надеюсь, что присутствующие сейчас удалятся”: надежда быстро осуществилась. Хантер предпочитал еженедельные общественные собрания, на которых приветствовались его друзья-ученые и где разговор был острым и информативным. Тем не менее, нет оснований размышлять об общем счастье семейной жизни мистера Хантера. О двух своих детях, переживших младенчество, он часто говорил, что, если бы ему было позволено завести пару детей, они были бы теми, кем его одарило Провидение. Его жена пережила его до 1821 года, когда умерла на 79-м году жизни.

В начале 1771 года мистер Хантер опубликовал свою первую работу любого масштаба, первую часть своего “Трактата о естественной истории зубов человека”, который долгое время продолжал стандартную работу, в значительной степени перенятую последующими авторами. Вторая часть, посвященная лечению болезней зубов, появилась только в 1778 году. В 1772 году

он произвел впечатление на Королевское общество своей знаменитой работой о пищеварении в желудке после смерти, которую он объяснил действием желудочного сока на мертвые ткани. Его запас знаний впоследствии стал очевиден во многих статьях в “Философских трудах”, главными из которых были статьи о торпедо (1773), о воздухоносных сосудах птиц и о жаберной форели (1774); о выделении тепла животными и овощами (1775); о восстановлении людей, по-видимому, утонувших (1776); о передаче оспы плоду внутриутробно (1780); об органе слуха у рыб (1782); о специфической идентичности волка, шакала и собаки, а также о строении и функциях органов слуха. экономика китов, 1787; наблюдения над пчелами, 1793; и над некоторыми замечательными пещерами в Байройте и найденными в них ископаемыми костями, 1794. Названия этих статей, однако, дают лишь весьма несовершенное представление о широком спектре рассматриваемых в них тем. Когда он описывал структуру, он делал это отправной точкой диссертации, в ходе которой использовал все свои обширные знания, чтобы установить общие принципы или проиллюстрировать важные моменты физиологии.

Осенью 1772 года его шурином Эверард Хоум стал его учеником. Он описывает музей Хантера как уже имевший в то время внушительные размеры. Все лучшие комнаты в доме были отведены ему, и благодаря его неустанному труду она постоянно расширялась. С шести, или раньше, до девяти, когда он завтракал, Хантер препарировал; после завтрака до двенадцати он был дома, принимал пациентов. Пунктуальность он соблюдал на пределе. Он оставлял пациентов дома, чтобы вовремя приступить к своим внешним консультациям, “потому что, - сказал он, - эти люди могут воспользоваться своим шансом в другой раз, и я не имею права тратить драгоценное время других практикующих, заставляя их ждать меня”. У него дома была одна книга, в которую он заносил их, и точная копия всегда была у него в жилетном кармане: таким образом, те, кто был дома, по ссылке в книге, неизменно могли найти его. Однажды его бывший ученик Клайн, которому пришлось встретиться с Хантером на консультации, заключил вторую договоренность, неизвестную Хантеру, о том, чтобы сразу после этого отвести его к другому своему пациенту. Вспышка гнева Хантера, вызванная этим неоправданным нарушением его планов на вторую половину дня, была с трудом унята. Его пунктуальность за ужином, в четыре часа, была столь же устоявшейся, но он строго распорядился, чтобы ужин был подан независимо от того, дома он или нет. В течение многих лет он не пил вина и лишь короткое время сидел за столом, за исключением случаев, когда у него была компания; но тем не менее он настаивал, чтобы гости не обращали внимания на его пример. “Ну же, парень, ” сказал он в своей обычной резкой манере мистеру, впоследствии сэру Уильяму, Близарду, “ почему бы тебе не выпить своего вина?” Гость извинился перед Уитлоу, который причинил ему сильную боль. Хантер не признал обоснованность заявления, но продолжал настаивать на нем и высмеивать его оправдания. “Ну же, ну же, Джон”, - сказала миссис Хантер, “пожалуйста, вспомни, что ты два дня был в бреду, когда некоторое время назад у тебя на пальце вскочил фурункул”. Это повернуло смех против Хантера, который перестал докучать своему гостю.

В дополнение к своему собственному выдающемуся трудолюбию, Хантер не был лишен важнейшего таланта - заставлять других работать для достижения своих целей. Таким образом, в течение четырнадцати лет он нанимал очень способного молодого художника по имени Белл, держал его в своем доме, занимаясь созданием рисунков, анатомических препаратов и вообще музейной работой. Белла также часто приглашали в качестве помощника Хантера. После того, как он покинул мистера Хантера в 1789 году, он стал ассистентом хирурга Ост-Индской компании и поселился в Бенкулене, где его зоологические исследования были продолжены, обещая большие достижения; но, к несчастью для науки, он умер от лихорадки в 1792 году.

В 1772 году Хантер начал читать лекции по теории и практике хирургии, сначала своим ученикам и нескольким друзьям, допущенным бесплатно, но впоследствии за вознаграждение в размере четырех гиней. Это можно считать первым знакомством в нашей стране, возможно, и в любой другой, с идеей принципов хирургии, необходимостью рационального объяснения процессов восстановления и научной основы операций. Вместо того чтобы требовать от хирурга изучения только анатомии, он поставил патологию на ее истинное место и применил все вспомогательные средства, с помощью которых физиология и сравнительная анатомия могли в то время осветить этот предмет. Но перед любым из этих вспомогательных средств стояла его собственная ясная проницательность, которая проникала в суть вопроса и часто выявляла истину, которую он сам не мог объяснить или только несовершенно. Он так и не преодолел своих трудностей с чтением лекций; в начале каждого курса он всегда успокаивал себя глотком опиума. Его лекции, читавшиеся поочередно по вечерам с октября по апрель, проходили с семи до восьми часов. Его аудитория обычно была сравнительно небольшой, никогда не превышая тридцати человек; но качество его аудитории было хорошим, о чем можно судить по тому, что в нее входили Эстли Купер, Клайн, Абернети, Карлайл, Шевалье и Макартни. Он так и не стал привлекательным лектором; из-за недостатка умения говорить экспромтом он был вынужден читать свои лекции и редко поднимал глаза от рукописи. Его манеры часто были нелюбезными, но его содержание было по большей части в высшей степени понятным и просветляющим для тех из его слушателей, которые пришли подготовленными мыслью и достижениями к настоящему назиданию, в то время как он часто был непонятен тем, кто не имел практики самостоятельного мышления и желал держаться подальше от этой отвратительной боли. На своих лекциях он был одинаково беспощаден к своим собственным и чужим ошибкам и никогда не цеплялся за свои прошлые мнения. “Никогда не спрашивайте меня, - ответил он на вопрос, - что я сказал или что написал; но если вы спросите меня, каковы мои нынешние взгляды, я скажу вам”.

Следующий отрывок из книги Оттли^[13] дает интересное представление о привычках Хантера после ужина. “После обеда он имел обыкновение спать около часа, а вечера проводил либо за подготовкой, либо за чтением лекций, за диктовкой помощнику отчетов по конкретным случаям, о которых он вел регулярную запись, или подобным образом заносил на бумагу суть любой работы, над которой ему случалось работать. Когда они с мистером Беллом занимались последним способом, он обычно удалялся в кабинет, причем первый уносил с собой из музея заготовки, относящиеся к предмету, которым занимался Хантер: их клали на стол перед ним, а на другом конце сидел мистер Белл и писал под диктовку Хантера. Затем рукопись была просмотрена, и грамматические ошибки, поскольку Белл был необразованным человеком, были исправлены Хантером. В двенадцать семья ложилась спать, и дворецкий, прежде чем отправиться на покой, обычно приносил новую лампу Argand, при свете которой Хантер продолжал свою работу до часа или двух ночи, а зимой даже позже. Таким образом, у него оставалось всего около четырех часов на сон, который, вместе с часом после обеда, составлял все время, которое он посвящал освежению своего тела. У него не было домашних развлечений для расслабления ума, и единственным развлечением такого рода, которым он наслаждался, были вечерние прогулки среди различных обитателей земли и воздуха, которых он собирал в Эрлс-Корте”.

В январе 1776 года мистер Хантер получил должность при дворе, будучи назначен чрезвычайным хирургом короля. В том же году он заинтересовался усилиями Общества защиты прав человека и по его просьбе подготовил для Королевского общества доклад о

восстановлении явно утонувших людей. Здесь он проводит справедливое различие между абсолютной смертью и приостановленной анимацией, иллюстрирует различные способы умирания и описывает многие признаки жизни и смерти. Этот год также был первым, в котором он прочитал Королевскому обществу лекцию Круна о мышечных движениях, тему, которую он продолжал в последующие годы до 1782 года (исключая 1777 год); но лекции так и не были опубликованы, поскольку, по его словам, были слишком неполными.

В 1773 году мистер Хантер перенес первое открытое проявление болезни, которая причиняла ему такую острую боль и дистресс в течение многих лет, в виде приступа спазма, сопровождавшегося остановкой сердечной деятельности, по-видимому, на три четверти часа. Однако во время приступа ощущения и произвольные действия сохранялись, и он смог продолжать дышать с помощью волевых усилий. В следующие несколько лет приступы были несколько редкими, но с 1783 года он был подвержен тяжелой стенокардии всякий раз, когда испытывал психическое возбуждение. В 1777 году им овладело постоянное головокружение из-за того, что ему пришлось заплатить крупную сумму денег за друга, для которого он стал надежной защитой, в то время как делать это было крайне неудобно. Эта болезнь привела его осенью в Бат, оставив мистера Белла и мистера Хоума составлять каталог его музея. В Бате доктор Дженнер посетил его и был удивлен изменившейся внешностью, и здесь впервые поставил диагноз, что его случай зависит от органического поражения сердца; но он не сообщил Хантеру свой диагноз, опасаясь вредных последствий. Вернувшись в город и вскоре восстановив свое обычное здоровье и бодрость, мистер Хантер опубликовал в 1778 году вторую часть своего Трактата о зубах, посвященную их болезням. В 1779 году статья, опубликованная в Королевском обществе о черном рогатом скоте-гермафродите, или свободном Мартине, дала ему повод описать гермафродитизм в целом. В 1780 году произошел досадный спор с его братом по поводу открытия маточно-плацентарного кровообращения, о котором мы уже упоминали. Последовавшее за этим отчуждение было крайним и продолжалось до тех пор, пока старший брат не лег на смертное одро. Однако после смерти его брата, которая произошла как раз в конце курса лекций Джона Хантера, когда он закончил свою лекцию, ему, казалось, все еще было что сказать; и наконец, с таким видом, как будто он только что что-то вспомнил, он начал: “Хо! джентльмены, еще кое-что: мне нет нужды напоминать вам о ...: вы все знаете, какие потери в последнее время понесла анатомия. Он был вынужден сделать паузу и отвернуться от своих слушателей. Наконец, придя в себя, он заявил, что мистер Крукшенк займет место доктора Хантера. Это и еще несколько слов были произнесены не без сильного волнения и с сухими глазами. Сцена была настолько трогательной, что общее сочувствие охватило класс; и хотя все уже собирались уходить, они несколько минут стояли или сидели неподвижно.

Рвение, с которым мистер Хантер искал и присваивал все редкости, забавно иллюстрируется его собственными замечаниями доктору Кларку, у которого был препарат, иллюстрирующий внематочную беременность, на который мистер Хантер часто смотрел с тоской. “Пойдемте, доктор, - сказал он, - я определенно должен получить это лекарство”. “Нет, Джон Хантер, - последовал ответ, - вы определенно не должны”. “Значит, вы не отдадите его мне?” - “Нет”. “Вы продадите его?” - “Нет”. “Ну, тогда берегитесь, чтобы я не встретил вас с ним ночью в каком-нибудь темном переулке, потому что, если я это сделаю, я убью вас, чтобы заполучить его”. Сообщается, что экземпляр, который остается одним из самых ценных в Хантерианском музее, стоил мистеру Хантеру не менее 500 фунтов стерлингов в 1783 году, а именно скелет О'Брайена, ирландского великана ростом семь футов семь дюймов. Похоже, что О'Брайен слышал о скальпеле знаменитого диссектора и боялся его, поэтому принял особые меры

предосторожности, чтобы расстроить его планы. Он заключил ирландский союз с несколькими соотечественниками, чтобы его тело было вывезено в море и надежно утоплено на большой глубине; но мистер Хантер, более хитрый, чем великан, заключил выгодную сделку с гробовщиком, который договорился, что во время похорон гроб будет заперт в сарае, пока его хранители будут пить в таверне. Труп был быстро извлечен и заменен достаточным весом камней, и вскоре Хантер обрадовался обладанию своей добычей, которую он отвез в Эрлс-Корт в собственной карете и быстро превратил в скелет.

В 1781 году защита вызвала мистера Хантера в качестве свидетеля на процесс капитана Донеллана в Уорикском суде присяжных по делу об убийстве своего шурина, сэра Теодосия Боутона. В своих показаниях мистер Хантер привел все, что можно было справедливо вывести из известных ему фактов, но отказался положительно говорить о причине смерти. Во время перекрестного допроса он пришел в замешательство и заколебался, как и должно было быть в подобных случаях. Это скорее вызвало гнев мистера судьи Буллера, который, находясь под его опекой, сказал: “Я едва ли могу сказать, каково его мнение, поскольку у него, похоже, вообще не сложилось никакого мнения по этому вопросу”. Но осторожность Хантера, несомненно, была оправдана.

В 1783 году истек срок аренды дома на Джермин-стрит, и, обнаружив, что его музею трудно разместиться в любом доступном ему помещении, мистер Хантер выкупил на оставшуюся часть срока аренды, рассчитанного всего на двадцать четыре года, дом на восточной стороне Лестер-сквер, с участком земли, простирающимся сзади до Касл-стрит, где находился второй дом поменьше. На освободившемся участке мистер Хантер решил построить музей для своей коллекции, включающий в себя большую верхнюю комнату размером пятьдесят два на двадцать восемь футов, освещаемую сверху и опоясываемую галереей. Лекционный зал и другие помещения находились внизу. К весне 1785 года это значительное предприятие было завершено, поглотив все свободные деньги Хантера и обойдясь ему более чем в 3000 фунтов стерлингов. Но музей, который был передан ему в апреле 1785 года, к 1782 году обошелся ему в 10 000 фунтов стерлингов в дополнение к ценным подаркам, так что нельзя сказать, что шкатулка стоила дороже драгоценностей, хотя при столь короткой аренде она, несомненно, была дорогой. Музей в его новом доме становился все более известным, и его посещали многие выдающиеся иностранные анатомы, в том числе Блюменбах, Кампер, Скарпа и Поли. В этот период Хантер находился на пике своей карьеры; его ум и тело были в полной силе; “его руки, - говорит Хоум, - были способны выполнять все, что подсказывал ему разум; а его суждения были закалены прежним опытом”. Однако о его мастерстве оператора высказывались разные мнения; Эстли Купер не считал его особенно ловким или элегантным. Тем не менее, его анатомические знания и большой опыт сослужили ему хорошую службу, и он почти всегда успешно завершал свои операции. Следует, однако, помнить, что в дохлороформные времена скорости придавалось особое значение, и в этом Хантер не преуспел. Действительно, для него операция была неприятным элементом в лечебных усилиях хирурга. “Проводить операцию, - говорил он, - значит калечить пациента, которого мы не можем вылечить; поэтому это следует рассматривать как признание несовершенства нашего искусства”.

Однако год наибольшего успеха был отмечен периодом тяжелой болезни с приступами сильных сердечных спазмов, за которыми следовали обмороки. Они повторялись в случаях чрезмерного напряжения, душевного беспокойства, припадков гнева или даже страха, что животное, которое он хотел поймать, может убежать до того, как удастся поднести ружье, чтобы застрелить

его. Этому году (1785) мы обязаны появлением знаменитого портрета Хантера работы сэра Джошуа Рейнольдса, находящегося во владении Королевского колледжа хирургов. Он был плохим натурщиком, но Рейнольдс, недовольный его успехами, однажды с удовлетворением увидел Хантера в глубокой задумчивости, подпирающего голову левой рукой. Он сразу же перевернул свой холст вверх ногами и начал изображать это живое лицо, которое показывает Хантера-философа во всей истинной глубине его натуры. Шарп выгравировал этот портрет, и это было одной из его самых больших удач.

В 1785 году Хантер впервые перевязал бедренную артерию в случае аневризмы подколенной кости и, таким образом, положил начало одному из величайших современных достижений в хирургии, полагаясь на расширение мелких сообщающихся или коллатеральных сосудов для компенсации прекращения кровообращения по основному сосуду. По-видимому, это было подсказано ему экспериментом по изучению способа роста оленьих рогов. Получив от короля привилегию экспериментировать с оленями в Ричмонд-парке, он перевязал одну из наружных сонных артерий, снабжающих (среди прочего) один из наполовину выросших рогов. Рог остыл, но через неделю или две Охотник, к своему удивлению, обнаружил, что он снова стал теплым и снова начал расти. При *посмертном* исследовании он обнаружил, что этот продолжающийся рост был вызван расширением мелких ветвей сонной артерии выше и ниже раны до степени, достаточной для восстановления кровоснабжения рога. И гениальным ударом Хантер увидел, что подобный процесс можно ожидать и в случаях аневризмы, и что он заменит существовавшие в то время обычно фатальные методы оперирования посредством ампутации или прямого удаления мешка с аневризмой. Четвертый пациент, которому Хантер сделал новую операцию, прожил пятьдесят лет; образец, иллюстрирующий этот случай, хранится в музее Хантера.

В 1786 году, после смерти Миддлтона, Хантер получил назначение заместителем генерального хирурга армии; став в 1790 году, после смерти мистера Адера, генеральным хирургом и инспектором больниц. В 1786 году он опубликовал свою давно отложенную работу о венерических болезнях, которая, хотя и была напечатана и продавалась в его собственном доме, быстро разошлась и оказалась очень ценным трудом. В том же году он собрал большое количество своих работ, переданных Королевскому обществу, вместе с другими, ранее не публиковавшимися, в том же объеме в кварто, озаглавленном “Наблюдения над определенными частями экономики животных”, и, таким образом, представил свои исследования широкой публике внушительным объемом. Медаль Копли Королевского общества была присуждена Хантеру в 1787 году за его открытия в области естественной истории.

Примерно в это же время мистеру Хантеру было разрешено назначить Хоума своим ассистентом в больнице Святого Георгия, и в 1792 году Хоум взялся за дальнейшую часть своей работы, прочитав лекции по хирургии, для чего ему были доверены рукописи мистера Хантера. Это позволило мистеру Хантеру уделить больше времени подготовке своего великого трактата о крови, воспалении и огнестрельных ранах, который, однако, так и не был опубликован его душеприказчиками в 1794 году. Смерть была близка к тому, чтобы забрать его, и непосредственной причиной, приведшей к его кончине, был спор с его коллегами и управляющими госпиталем Святого Георгия по поводу платы за обучение учеников. Лично в своем обращении с учениками Хантер всегда был великодушен, особенно когда они проявляли способности и рвение. Таким образом, он подарил Карлайлу бессрочный билет на свои лекции, будучи очень доволен подготовкой, которую тот привез для поступления, превосходно

продемонстрировав внутреннее ухо. Он также часто посылал ценных пациентов молодым людям, начинающим практиковать и испытывающим финансовые трудности. Он никогда не скрывал от своих учеников, какую тяжелую работу он проделал, чтобы достичь своего положения: “Я проработал здесь очень много лет и тоже много работал, и все же я не знаю принципов этого искусства”, - заметил он одному из них. Однако он не очень хорошо ладил со своими коллегами-хирургами в больнице. Он так постоянно настаивал на важности изучения физиологии в интересах хирургической практики, в то время как они были образованы практически без физиологии, что его манеры, а также его занятия принесли ему клеймо новатора и энтузиаста. В начале 1792 года один из его коллег, Чарльз Хокинс, подал в отставку с поста хирурга, и Кит, в то время ассистент Ганнинга, старшего хирурга, был избран его преемником значительным большинством голосов в противовес Хоуму, который, конечно же, был кандидатом Хантера. Острота конкурса, по-видимому, побудила Хантера объявить о своем намерении больше не делить с ними гонорары, полученные за учеников хирургов, из-за, как он утверждал, своего желания, чтобы другие хирурги уделяли больше внимания своим ученикам, а не пренебрегали ими, как он утверждал, они делали. Его право сделать это было горячо оспорено, и вопрос был передан подписчикам в больницу. Хантер направил им длинное письмо перед днем собрания в марте 1793 года, в котором подробно описал усилия, которые он предпринял с момента своего знакомства с больницей, чтобы побудить своих коллег улучшить систему обучения, но эти усилия оказались безрезультатными: один человек “не захотел рисковать своей репутацией, читая лекции”; другой “не видел, где можно улучшить это искусство”. В результате Хантер ослабил свои собственные усилия, что привело к значительному сокращению числа студентов. Другие хирурги ответили, что они продолжали действовать по обычному плану и что если студенты пренебрегали своими обязанностями в больнице, занимаясь физиологическими исследованиями, то это не их вина. Если бы они читали лекции, их копии могли бы быть взяты учениками и попасть за границу. Связь мистера Хантера с анатомической школой на Уиндмилл-стрит и его право назначать на должности в армии, а не его повышенное внимание к своим ученикам, были причиной того, что большее число учеников поступило под его начало. Они смогли показать, что было бы явным недостатком, если бы только один хирург обучал ученика, а не всех четверых. Губернаторы приняли решение против Хантера, поскольку его план, должно быть, вызвал замешательство и разногласия. Комитет разработал правила приема и регулирования поведения учащихся, и они были приняты без каких-либо консультаций с мистером Хантером. Одно из них, которое, казалось, было специально направлено против него, запрещало въезд любому ученику, не прошедшему предварительного медицинского обучения. Молодые люди часто приезжали в Лондон из Шотландии, рекомендованные мистером Хантером, и попадали к нему в больницу без какого-либо предварительного медицинского инструктажа. Осенью следующего года произошел соответствующий случай. Двое молодых людей пришли обычным способом, и, не зная о новых правилах, Хантер взялся настаивать на их приеме на следующем заседании Правления, 16 октября 1793 года. Утром того же дня он выразил другу свое беспокойство по поводу возможного возникновения какого-либо спора, поскольку был убежден, что такое происшествие будет для него фатальным. Его жизнь, говорил он, “была в руках любого негодяя, который вздумал бы досаждать и дразнить его”. Уходя из дома в обычное время, он, как ни странно, забыл взять с собой список назначенных встреч, и мистер Клифт поспешил за ним с ним. Позже, приехав в больницу, он обнаружил, что Доска уже собрана, и представил свой мемориал. Во время его выступления один из его коллег категорически возразил ему, и Хантер немедленно замолчал, вышел из-за стола и, изо всех сил стараясь подавить свою страсть,

поспешил в соседнюю комнату, куда едва успел дойти, как с глубоким стоном безжизненно упал на руки доктора Робертсона, одного из врачей больницы. Доктор Бейли, его племянник, и Хоум, который присутствовал при этом, приложили все усилия, чтобы вылечить его, но тщетно. Так было разом прервано заседание Совета Святого Георгия и жизнь величайшего хирурга, который у них когда-либо был. Он был похоронен простым способом 22 октября в больнице Святого Мартина в Филдсе. *Посмертное* обследование показало, что его сердце было истощено и поражено болезнью, а коронарные артерии, митральные клапаны и аорта сильно окостенели и были поражены, что подтвердило диагноз доктора Дженнера.

Лично Хантер был примерно среднего роста, энергичный и крепыш, с высокими плечами и короткой шеей, резко выраженными чертами лица, выступающими бровями, светлыми глазами и высокими скулами. Он всегда одевался просто, с завитыми сзади волосами; в молодости они были красновато-желтыми, но в последнее время поседели.

Мистер Хантер мало что оставил, кроме своего музея, который он пожелал, чтобы нация приобрела и содержала. После многих лет усилий, в ходе которых мистер Питт, когда к нему обратились, ответил: “Что? покупайте препараты! да ведь у меня недостаточно денег, чтобы купить порох”, - парламент в 1799 году проголосовал за выделение его музею 15 000 фунтов стерлингов (это обошлось Хантеру более чем в 70 000 фунтов стерлингов), и его попечительство было предложено Колледжу врачей, который отклонил его, а затем Колледжу хирургов, который принял его, получив одновременно новую хартию и титул Королевского. Были предусмотрены часы, в течение которых коллекция могла быть открыта для изучения профессионалами и другими лицами, а также хранителем для объяснения содержания коллекции, и ежегодно членами колледжа должно было читаться не менее двадцати четырех лекций по сравнительной анатомии и другим предметам. Это хорошо известные лекции Хантера, прославленные Оуэном, Хаксли, Паркером и Флауэром. Коллекция была помещена во временное жилище в Линкольнс-Инн-Филдс в 1806 году, и парламент выделил в общей сложности 42 500 фунтов стерлингов в разные сроки на строительство подходящего музея. Нынешнее здание, однако, обошлось намного дороже указанной суммы, причем расходы покрываются за счет доходов колледжа от получения дипломов.

В течение томительных лет ожидания согласия правительства на покупку музея семье Хантера приходилось выживать за счет продажи его мебели и библиотеки, а также разнообразной коллекции предметов *достоинства*, кольчуг, оружия и т.д.; и сама консервация музея была делом значительных затрат. Его статьи попали в руки мистера, впоследствии сэра Эверарда Хоума, который задерживал их, не публикуя, в течение многих лет, за это время он сам опубликовал огромное количество статей под своим именем в *Philosophical Transactions*. Принято считать, что многие из них были в значительной степени взяты из рукописей мистера Хантера; и это тем более, что, когда, наконец, после многих лет уклонений, его соучредители по музею настояли на том, чтобы он вернул рукописи в том виде, в каком они были, он тайно сжег почти все из них. Фактически, мистер Клифт, который стал хранителем музея и долгое время был помощником и другом сэра Эверарда, на вопрос Комиссии по медицинскому образованию ответил, что всю свою жизнь сэр Эверард нанимал его переписывать фрагменты рукописей мистера Хантера и копировать рисунки из его папок, которые сэр Эверард выдавал публике за свои собственные. Именно в 1823 году, когда сэр Эверард получил из типографии окончательную корректуру своего последнего тома по сравнительной анатомии, он навсегда опозорил свое имя этим великим и непоправимым уничтожением. Список того, что мистер

Клифт помнит о сожженных бумагах, занимает больше страницы мемуаров Джона Хантера, помещенных в предисловии к тому х "Библиотеки натуралистов Джардина". И простое перечисление и содержание дали бы лишь слабое представление о труде, затраченном на его производство. "Я много раз, " говорит мистер Клифт, его ассистент и заместитель за последние двадцать месяцев его жизни, - переписывал одну и ту же страницу по меньшей мере полдюжины раз, почти без конца внося исправления и перестановки", настолько велики были трудности, которые испытывал Хантер, адекватно выражая свои идеи. Но это только усиливает наше сожаление по поводу того, что эти ценные оригиналы должны были быть уничтожены. Обычно он записывал свои первые мысли или памятные записки по всем предметам на листках, оторванных с концов, а также на чистых страницах и конвертах писем. У него, по-видимому, не было желания сохранять свой почерк, но когда они были скопированы, он обычно складывал их и клал на камин, чтобы зажечь свечу; а черновые или ненужные копии по всем предметам, когда они были скопированы аккуратно, относились в его личную анатомическую комнату как макулатура для препарирования.

Сэр Эверард Хоум^[14] описывает своего шурина как "очень теплого и нетерпеливого, легко провоцируемого, а когда раздражается, его нелегко успокоить. Его характер был искренним и без всякой скрытности, вплоть до порока. Он ненавидел обман и был выше любой хитрости; он ненавидел это в других и слишком открыто признавался в своих чувствах. В разговоре он слишком свободно, а иногда и резко отзывался о своих современниках; но если он и не отдавал должное их несомненным достоинствам, то это происходило не от зависти, а от глубокого убеждения, что хирургия все еще находится в зачаточном состоянии, а он сам новичок в своем искусстве; и его стремление довести ее до совершенства заставляло его думать подло и недоброжелательно о каждом, чьи усилия в этом отношении не равнялись его собственным". Его называли Цербером Королевского общества, и, конечно, сейчас кажется легче восхищаться им и правильно оценивать его, чем жить с ним в комфорте. И все же, преуспев в практике и почестях, он уделял больше, а не меньше внимания тем, кого знал раньше. мистер Гоф, заведовавший зверинцем на Пикадилли, рассказывал, что, когда он навещал мистера Хантера, если дом был полон пациентов и у дверей ждали экипажи, его всегда впускали. "У вас нет свободного времени, " сказал он, " поскольку вы живете на это. Большинство из них могут подождать, поскольку им нечего делать, когда они возвращаются домой". Несомненно, что Хантер ценил деньги только потому, что они позволяли ему продолжать свои исследования. Он представляет пациента своему брату так: "У него нет денег, а у вас их много, так что вас хорошо встречают"; и он никогда бы не стал брать гонорары от викариев, авторов и художников. Учитывая отсутствие у него учтивости и очевидное рвение к препарированию, неудивительно, что его доход никогда не достигал 1000 фунтов стерлингов до 1774 года. Однако впоследствии в течение нескольких лет она увеличивалась до 5000 фунтов стерлингов и достигла 6000 фунтов стерлингов, когда он умер. Но все, что он мог сэкономить, было передано в его музей.

Чувство собственной значимости Хантера было очевидным и часто выражалось очень прямолинейно. "Ах, Джон Хантер, что! все еще усердно работаешь!" - сказал ему доктор Гартшор, обнаружив его в анатомическом кабинете на склоне лет. "Да, доктор, - ответил Хантер, - все еще усердно работаю; и вам будет трудно встретиться с другим Джоном Хантером, когда меня не станет". Обращаясь к Абернети, он сказал: "Я знаю, что я всего лишь пигмей в знаниях, но все же я чувствую себя гигантом по сравнению с этими людьми". Его нельзя было назвать хорошим собеседником, тем не менее его замечания, произносимые медленно, часто были удивительно острыми и убедительными. В политике он был убежденным тори и "желал, чтобы

все негодяи, недовольные своей страной, были достаточно добры, чтобы покинуть ее”. Он ненавидел любые публичные церемонии или показуху, и когда его попросили пойти на похороны сэра Джошуа Рейнольдса, искренне пожелал, чтобы сэр Джошуа и его друзья присутствовали на похоронах Д.Л.

Он был непоколебимо честен, в высшей степени любил правду, гуманен и великодушен по характеру, сердечен и бескорыстен как друг, добрый любящий муж и отец. Некоторые называли его материалистом или даже атеистом, но он, похоже, не сомневался в существовании Первопричины. Его изучение религии, без сомнения, было ограничено естественными склонностями его ума и его обычной сосредоточенностью на своей работе, и свидетельства откровения, насколько можно установить, не произвели на него глубокого впечатления. Что касается смерти, то его мнение было таким: “Когда дело доходит до этого, это плохая работа”.

Останки Хантера лежали нетронутыми в церкви Святого Мартина, пока 28 марта 1859 года они не были перенесены, в основном благодаря вмешательству мистера Фрэнка Бакленда, в часовню аббата Айлипа в Вестминстерском аббатстве и помещены в северном приделе нефа, рядом с могилой Бена Джонсона. Его имя и достижения ежегодно увековечиваются в речах, подобных тем, из которых сделаны последующие выдержки, но больше всего в Хантерианском музее и лекциях, прочитанных в связи с этим.

Изложение взглядов Хантера на жизнь и результатов других его философских и практических исследований вывело бы нас далеко за наши пределы. Жизнь он рассматривал как принцип, независимый от структуры; как великий химик; как своего рода животный огонь. “Простой состав материи, - сказал он, - не дает жизни, ибо мертвое тело обладает всем тем составом, который оно когда-либо имело. Жизнь - это свойство, которого мы не понимаем; мы можем только видеть необходимые шаги, ведущие к ней”. Он предположил, что жизнь может быть либо чем-то дополняющим материю, либо состоять в особом расположении частиц материи, которые, будучи расположенными таким образом, приобретают свойства жизни. Что касается двусмысленного зарождения, он считал — и здесь он совпадает с лучшими результатами современных наук, — что все, что мы могли бы иметь, - это отрицательные доказательства того, что его не было. Что касается геологических изменений, то у него были поразительно оригинальные взгляды, он рассматривал воду как главный действующий фактор и указывал, что популярная точка зрения, согласно которой предполагалось, что Всемирный Потоп объясняет нахождение морских организмов в горных породах, несостоятельна. Он мог различить, что в далеком прошлом имели место большие колебания уровня и климатических колебаний. Что касается развития и эволюционирования, у него были очень яркие идеи, указывающие на современные открытия. Так, он замечает: “если бы мы взяли серию животных от более несовершенных к совершенным, мы, вероятно, нашли бы несовершенное животное, соответствующее какой-то стадии наиболее совершенных”.

Мы не можем более четко подчеркнуть характер интеллекта и работы Хантера, чем словами двух выдающихся людей нашего времени, обоих выдающихся патологоанатомов, обладающих такой квалификацией, какой мало кто может обладать для оценки такого человека.

Доктор Моксон^[15] говорит:—

“Если мы спросим, что дало ему ту ценнейшую способность оценивать, что стоило делать и что можно было бы сделать, — силу, которую Бэкон называет ‘математикой разума’, — мы найдем ответ, я полагаю, в этих великих фактах его истории. Во-первых, что он был человеком, у которого была свободная юность, которого не переучивали и не перенапрягали; и, во-вторых, что в зрелом возрасте он работал с прицелом на полезность и долг, а не только на дурную славу или простой крик: ‘кто покажет нам что-то новое?’” Действительно, главной и отличительной чертой его благородной жизни было решительное стремление к практической цели своей профессии - установлению надежных законов для научной хирургии и медицины. Я уже говорил, что замечательный запас собранных им фактов составлял ответы на вопросы: Хантер-физиолог отвечал на вопросы Хантера-хирурга. Он не настолько следовал физиологии, чтобы отказываться от нее. И результаты своей работы он выставляет в своем музее. И он с радостью возьмет что-нибудь для своей коллекции. Но всегда расставлял все по своему физиологическому порядку, марк, чтобы в свое время они ответили на его дальнейшие вопросы. Он прочтет лекцию о принципах хирургии, — а они должны быть верными, — если будет ежегодно менять их в соответствии со своими наблюдениями. Но он не будет, он не может читать лекций по сравнительной анатомии или зоологии. Почему бы и нет? Это недостаточно соответствует его главной склонности к хирургии, практической цели, долгу. Он верит в жизненный принцип, поэтому перед ним должна быть цель. Ему удастся достичь своей цели, и мастерски проведя операцию по удалению аневризмы, которая носит его имя, он спасает тысячи людей от мучительной смерти. Движимый тем же энтузиазмом к истинной цели своей жизни как хирурга, он прививает своему телу отвратительную болезнь, чтобы всегда иметь возможность изучать ее, невзирая на опасность и боль”.

Взгляды сэра Джеймса Пэджета^[16] выражаются следующим образом:—

“Масштаб работы Хантера соответствовал времени, посвященному ей. Никогда ни до, ни после — я думаю, что могу с уверенностью сказать это — никто не был скрупулезным исследователем и студентом в столь широком диапазоне наук. Он был восторженным натуралистом; как сравнительный анатом и физиолог ему не было равных в свое время; среди немногих патологов он был лучшим; среди еще меньшего числа геологов и исследователей физиологии растений он был одним из них, если не главным; и он был великим практическим хирургом. Он был хирургом в крупной больнице в Лондоне и в течение многих лет имел крупнейшую практику в мегаполисе. Во всех этих областях в свое время никто, кроме Хантера, не был выдающимся и успешным.... Нет ни одного из них, в котором он не проводил бы совершенно оригинальных исследований, ни одного, в котором он не расширил бы область намного дальше той, которая была охвачена его предшественниками, ни одного, в котором он не оставил бы зафиксированных фактов и принципов, которые невозможно сосчитать и очень трудно оценить.

“Во всех этих персонажах работ Хантера мы видим то, что было доминирующим характером его ума — массивность и величие замысла проявлялись во всем, к чему он прикладывал себя. И в совершенной гармонии с этим находилась простота его обычного метода работы. Он состоял главным образом в упорядоченном накоплении фактов из всех источников, любого рода, и выстраивании их в простейшие умозаключения. Если бы он был архитектором, он построил бы огромные пирамиды, и на каждом камне была бы своя надпись. Он ничего не знал о логике или науке мышления. Он использовал свою ментальную силу как природный инстинкт. Он работал

изо всех сил, но без искусства. Я не знаю ни одного примера столь поразительной, как у него, живой силы, которая присутствует в фактах, когда они хранятся в вдумчивом уме.

Но Хантер был не только великим наблюдателем, он был очень проницательным. Я думаю, было бы трудно найти во всей массе фактов, которые он зафиксировал, хоть один, который был либо замечен, либо записан ошибочно. Если в его работах и есть ошибки, то это ошибки рассуждения, а не наблюдения. И можно отметить, как исключительный пример его точности, что, когда он излагает свои выводы, это обычно делается с выражениями, подразумевающими, что он считал их единственно вероятными: факт, который он сообщает без каких-либо условий; когда он обобщает, это делается с помощью "я подозреваю", "я полагаю", "Я склонен думать" или тому подобного.... Похоже, он думал, что никогда не продвинулся дальше самого близкого подхода к истине, который был в то время достижим, и что год или более исследований приблизят его к истине, а затем то, что сейчас казалось правильным, будет превзойдено или отброшено в сторону. На своих лекциях он обычно говорил своим ученикам: "Не записывайте это; осмелюсь предположить, что в следующем году я все изменю".

Абернети, который хорошо знал его, говорит: "Едва ли можно поверить, с каким усердием мистер Хантер исследовал низшие виды животных", и он цитирует слова мистера Клифта о том, что "он мог часами стоять неподвижно, как статуя, за исключением того, что щипцами в обеих руках он разрывал соединительные волокна какой-то структуры", которую он исследовал: ... "терпеливый и бдительный, как пророк, уверенный, что истина придет: это может заключаться в раскрытии какой-то новой структуры или в рассеивании какого-то ментального облака; или это может быть как вспышка, при которой, как при вдохновении, интеллектуальная тьма становится светом".

СНОСКИ:

[12] Автор клеветнической так называемой "Жизни Джона Хантера", 1794.

[13] "Жизнь Джона Хантера" Дрюри Оттли, 1835.

[14] "Жизнь Джона Хантера", предваряющая "трактат о крови, воспалении и т.п."

[15] "Медикал Таймс энд Газетт", 3 марта 1877г.

[16] "Медикал Таймс энд Газетт", 17 февраля 1877г.

ГЛАВА VI.

ЭДВАРД ДЖЕННЕР И ВАКЦИНАЦИЯ.

Можно сказать, что современная профилактическая медицина берет свое начало с введения прививки от оспы в начале восемнадцатого века. Гораздо выгоднее остановиться на истории второго шага в этом направлении, гораздо более масштабного, благодаря гениальности одного

человека, Эдварда Дженнера, чья жизнь, написанная доктором Бароном, хотя и не является биографическим шедевром, является источником большого количества ценной информации.

Имя Стивена Дженнера передавалось в Глостершире из поколения в поколение, и преподобный Стивен Дженнер, отец Эдварда, был викарием Беркли, когда 17 мая 1749 года родился его знаменитый сын. Отец, однако, умер в 1754 году, и старшему сыну, еще одному Стивену Дженнеру, члену Колледжа Магдалины в Оксфорде, приписывают некоторое внимание к его образованию. Но его школьная жизнь не продлилась долго, поскольку примерно на тринадцатом году жизни он начал подготовку к медицинской карьере, поступив в ученичество к мистеру Дэниелу Ладлоу, практикующему врачу в Содбери близ Бристоля, у которого он оставался шесть лет.

Юный Эдвард, когда ему было восемь лет, вместе со многими другими был подвергнут подготовительному процессу для прививки от оспы. Это действительно было грандиозное разбирательство, длившееся шесть недель. Сначала ему пустили кровь, чтобы убедиться, “в порядке” ли его кровь; затем несколько раз очищали, пока румяный юноша не стал истощенным и слабым; и все это время его держали на низкой диете и поили каким-то напитком, который, как предполагалось, подслащивал кровь. Это уместно назвать “варварством ветеринарной практики человека”, но за этим последовало заражение от других людей в состоянии тяжелого заболевания. По счастливой случайности мальчик отделался легким приступом; но мы вполне можем приписать тяжелому подготовительному лечению, которому он подвергся, то, что в детстве он никогда не мог наслаждаться сном, и его постоянно преследовали воображаемые звуки. Всю свою жизнь он был слишком остро восприимчив к этим впечатлениям и к любому внезапному потрясению.

Возможно, более интересно и, безусловно, более важно замечать влияние, оказываемое на один разум другим, чем изучать влияние каких-либо материальных объектов на природу человека. В этом свете мы можем с удовольствием рассмотреть отношения, которые существовали между Дженнером, его старшим братом, о котором уже упоминалось, и великим анатомом Джоном Хантером. Узлы привязанности и уважения, должно быть, были сильны, которые влекли молодого доктора от достопримечательностей Лондона, от постоянного общения со своим уважаемым другом в его исследованиях, от возможностей интересоваться, подобных тем, которые предоставляла коллекция сэра Джозефа Бэнкса, собранная во время знаменитого плавания капитана Кука, от перспектив наживы и продвижения в мире к уединению в сельской деревне, изоляции и простоте сельского существования. Трудно переоценить пользу, полученную развивающимся умом молодого врача от его ежедневного общения в течение двух лет с таким наставником, как Джон Хантер. Впечатление было обоюдным, поскольку мы находим, что Хантер много лет спустя писал Дженнеру: “Я не знаю никого, кому бы я написал больше, чем вам: я не знаю никого, кому я был бы так сильно обязан”. Между ними поддерживалась полная интереса переписка по вопросам естественной истории. То, что Хантер высоко оценил достижения своего друга, было заметно, когда он разработал план школы естественной истории, человека и сравнительной анатомии и попросил Дженнера приехать и стать его партнером в этом начинании. Очень многие подробности экспериментов и исследований Дженнера в области естественной истории были переданы Хантеру и оказали

ему существенную услугу. Его самой важной опубликованной работой по естественной истории была статья о кукушке, опубликованная в “Философских трудах” за 1788 год.

Имя Дженнера было настолько тесно связано в массовом сознании с темой вакцинации, что его способности как практикующего врача и его оригинальность во многих областях медицины и хирургии были несколько упущены из виду. Несомненно, этому во многом способствовала его собственная скромность; но в лечении многих болезней его взгляды, основанные на усовершенствованной анатомии и физиологии, которые он узнал от Хантера, и его собственной острой наблюдательности, намного опередили его время.

Однако, возможно, именно благодаря своим отзывчивым качествам сердца Дженнер больше всего приобрел и сохранил то влияние, которым он обладал. Он мог по-настоящему радоваться вместе с теми, кто радовался, и плакать вместе с теми, кто плакал. В нем необыкновенная деликатность чувств соседствовала с радостным и оживленным нравом, а его джентльменские манеры делали его желанным гостем повсюду. Он всегда был наблюдателен к явлениям природы и ничего так не любил, как уговаривать кого-нибудь из друзей прокатиться с ним верхом во время его долгих поездок по сельской местности. Те, кто получил удовольствие, описали живость и пылкость воображения, которые характеризовали его беседу, будь то о его собственных чувствах или о красоте окружающего пейзажа, а также пленительную простоту и изобретательность, с которой он объяснял явления животной и растительной жизни, попавшие в поле его зрения. На самом деле он никогда не встречал никого, не попытавшись получить наставления.

Среди многих доказательств проницательности Дженнера в вопросах, не связанных с медициной, следует упомянуть следующее, записанное сэром Хамфри Дэви, показывающее, что Дженнер предвосхитил покойного Чарльза Дарвина в его взглядах на важное воздействие дождевых червей на почву. “Он сказал, что дождевые черви, особенно во время весеннего равноденствия, были в основном под и вдоль поверхности наших влажных лугов; и куда бы они ни перемещались, они оставляют за собой шлейф слизи, которая становится навозом для растений. В этом отношении они действуют так же, как слизняк, обеспечивая растительное царство пищевыми материалами; а под поверхностью они разламывают твердые комья на куски и, наконец, разделяют почву”.

Его внешность и манеры в этот ранний период его жизни так описывает его близкий друг Эдвард Гарднер: “Его рост был скорее ниже среднего, фигура крепкая, но активная и хорошо сложенная. В одежде он был необычайно опрятен, и все в нем говорило о том, что это человек целеустремленный и серьезный, хорошо подготовленный к выполнению обязанностей своего призвания. Когда я впервые увидел его, это было на Фрэмpton-Грин. Я был несколько моложе его по годам и так много слышал о мистере Дженнере из Беркли, что мне было немало любопытно увидеть его. Он был одет в синий сюртук с желтыми пуговицами, ботинки из оленьей кожи, хорошо начищенные жокейские сапоги с красивыми серебряными шпорами, а в руке держал изящный хлыст с серебряной ручкой. Его волосы, по моде того времени, были уложены в клубную прическу, и на нем была широкополая шляпа. Нас представили друг другу по этому случаю, и я был восхищен и изумлен. Я был готов встретить опытного человека, и вся страна говорила о нем как об искусном хирурге и великом натуралисте; но я не ожидал найти его настолько уверенным в других вопросах. Я, который проводил все свое время, развивая свои суждения абстрактным изучением, и с детства питал любовь к песням, искал развлечения на

розовых полях воображения, был не менее удивлен, чем удовлетворен, обнаружив, что древнее родство между Аполлоном и Эскулапом так хорошо сохранилось в его личности ”.

Его беседа была такой информативной и в то же время остроумной, такой полной жизни, такой правдивой по отношению к жизни, что все с радостью ухватились за возможность поделиться ею, и его друзья проехали много миль, чтобы сопровождать его по дороге домой из своих домов, даже в полночь. Время от времени его поэтическая фантазия изливалась в маленьких стихотворных строчках, одна из которых, озаглавленная “Признаки дождя”, начиналась так:

“Начинают дуть пустотные ветры”,

вероятно, еще долго будут вызывать интерес детские сборники стихов.

Некоторые из его эпиграмм очень уместны, например, эта, "Смерть скряги"...

“Том, наконец, отказался от своих старых скупых форм,

И теперь дает хорошие обеды; для кого, скажите на милость? для червей”.

Пение, игра на скрипке и флейте были его любимыми развлечениями; и в зрелые годы он на время откладывал в сторону все заботы и пел одну из своих собственных баллад со всем весельем своей юности.

Наука и общественные связи сочетались в двух обществах, душой которых был Дженнер: одно он назвал Медико—дружеским, которое обычно собиралось в Рэдборо, другое - общепедагогическим, собиравшимся в Элвестоне.

На собраниях этих обществ Дженнер часто рассказывал о профилактических свойствах коровьей оспы и искренне рекомендовал своим друзьям-медикам разобраться в этом вопросе. Однако все его усилия не смогли побудить их заняться этим; и тема стала им настолько неприятна, что они одно время угрожали исключить его, если он продолжит беспокоить их столь невыгодной темой.

Доктор Дженнер женился только 6 марта 1788 года, когда мисс Кэтрин Кингскот, леди, принадлежащая к хорошо известной глостерширской семье, часто предоставляющей представителей в парламент, стала его женой. Союз был очень счастливым, но хрупкое здоровье миссис Дженнер в течение многих лет вызывало большое беспокойство и требовало постоянного внимания.

В 1792 году Дженнер стал доктором медицины Сент-Эндрюса, намереваясь отказаться от большей части своей утомительной общей практики. В 1794 году, в возрасте сорока пяти лет, он перенес тяжелый приступ сыпного тифа, который грозил оказаться смертельным. В то время эксперименты по доказательству вакцинации еще не проводились, и если бы он умер, миру, по всей вероятности, пришлось бы долго ждать появления этого великого новшества.

Многие из тех, кто узнает, что о вакцинации стало известно миру в 1798 году, когда Дженнеру было сорок девять лет, не знают, что эта тема привлекла его внимание еще в юности, когда он был учеником сельского хирурга, и что с тех пор он занимался этим вопросом при каждом удобном случае. Он неоднократно упоминал тему коровьей оспы своему великому учителю Джону Хантеру, когда учился у него в Лондоне. Хантер никогда не ослаблял пыл ученика,

высказывая сомнения или трудности; но не похоже, чтобы услышанное произвело на него особое впечатление. Тем не менее, он делился информацией и мнениями Дженнера как в своих лекциях, так и среди своих друзей. Но в течение многих лет идеи Дженнера отвергались медицинскими и другими авторитетами, с которыми он встречался в своей практике в стране. Они верили, что многие переболели натуральной оспой после коровьей и что предполагаемое защитное воздействие последней обусловлено какими-то особенностями конституции человека.

Только в 1780 году Дженнер полностью раскрыл своему преданному другу Эдварду Гарднеру свои надежды и опасения по поводу того, что он считал великим делом своей жизни. Затем он описал ему различные болезни, поражавшие доярок, когда они имели дело с больными коровами, и особенно ту форму, которая обеспечивала защиту от оспы; и с глубоким волнением выразил надежду на то, что сможет передавать эту последнюю форму от одного человека к другому, чтобы добиться полного исчезновения оспы.

Чрезвычайная простота окончательного открытия затрудняет нам сегодня представление об обстоятельствах, при которых Дженнеру приходилось нащупывать свой путь в непроглядных сумерках, и о затруднениях, с которыми он сталкивался, приходя к истинным выводам. Как его собственные наблюдения, так и наблюдения других знакомых ему медиков доказали ему, что то, что обычно называлось коровьей оспой, не было определенным средством профилактики натуральной оспы. Но путем усердных расспросов и личного расследования он установил, что коровы подвержены различным видам высыпаний на сосках, и все они могут передаваться на руки доярок; и что все такие язвы, если они передаются таким образом, называются коровьей оспой. Но когда он проследил природу этих различных заболеваний и установил, какое из них обладает защитным действием против оспы, он снова был сбит с толку, узнав, что в некоторых случаях, когда то, что он теперь называл настоящей коровьей оспой, вспыхивало среди крупного рогатого скота на молочной ферме и передавалось дояркам, они впоследствии заболевали оспой.

Именно эта неоднократная неспособность достичь идеального результата, возможно, послужила тем стимулом, который привел Дженнер к окончательному триумфу. Тот факт, что он шел по следу открытия, которое в какой-то форме сулило неопределенное благословение, заставил его удвоить свои усилия, когда он был в наибольшем замешательстве. Ему пришла в голову идея, что сам вирус коровьей оспы может претерпеть изменения, достаточные для того, чтобы лишить его защитной силы, и все же позволить ему передавать болезнь доярке. Таким образом, он, наконец, пришел к открытию, что только при определенном состоянии пустулы вирус способен передавать свою защитную силу конституции человека.

Благополучно преодолев таким образом все подводные камни, которые могли бы снизить точность его результатов, Дженнер смог перейти к следующему этапу - проверке своей теории. Удивительно, как долго он отсутствовал, прежде чем у него появилась возможность продолжить эксперимент. В 1788 году он показал рисунок коровьей оспы в том виде, в каком она поражала доярок, сэру Эверарду Хоуму и другим в Лондоне. Различные выдающиеся врачи, Клайн, Адамс, Хейгарт, слышали об этом и обсуждали этот вопрос, поощряя расспросы Дженнера. Но только 14 мая 1796 года у него появилась возможность заразиться коровьей оспой от одного человека к другому. Сара Нелмс, молочница, заразившаяся от коров своего хозяина, предоставила

материал, и он был введен двумя внешними разрезами в руки Джеймсу Фиппсу, здоровому мальчику около восьми лет. Коровья оспа протекала обычным путем, без каких-либо побочных эффектов, и в июле Дженнер пишет Гарднеру: “С тех пор мальчику сделали прививку от оспы, которая, как я осмелился предсказать, не дала никакого эффекта. Теперь я буду продолжать свои эксперименты с удвоенным рвением”.

Даже теперь, когда он обрел уверенность в собственном уме, Дженнер не стал опрометчиво бросаться в публичность, хотя его великодушное желание отвратить от человечества такое бедствие, как оспа, настоятельно побуждало его сделать это. Еще меньше он поддался искушению зарекомендовать себя как практикующий врач, специализирующийся на профилактике оспы, что могло бы быстро привести его к богатству. Он был как бы вооружен против строгих требований, которые были бы предъявлены к доказательствам такого открытия, если бы оно было безвозмездно обнародовано. В это время он говорит: “Хотя открытие вакцины было прогрессивным, радость, которую я испытывал от открывшейся передо мной перспективы стать инструментом, которому суждено отвести от мира одно из его величайших бедствий, смешанная с нежной надеждой насладиться независимостью, домашним миром и счастьем, часто была настолько чрезмерной, что, занимаясь своим любимым предметом среди лугов, я иногда ловил себя на чем-то вроде мечтательности. Мне приятно вспоминать, что эти размышления всегда заканчивались благоговейной признательностью тому Существо, от которого исходят эта и все другие милости”.

До весны 1798 года у Дженнера больше не было возможности продолжить расследование, поскольку коровья оспа исчезла с соседних молочных ферм. Наконец он доработал свое исследование, и оно было готово к публикации. Перед отправкой в типографию она была самым тщательным образом изучена несколькими друзьями в Радхолле, недалеко от Росса, в Херефордшире, резиденции мистера Томаса Вестфалинга. Их сочувствие ободрило его, и они одобрили его работу, которой не удивится никто из тех, кто прочитал скромное, а теперь ставшее классическим изложение Дженнера “Исследование причин и следствий оспенной вакцины”, датированное 21 июня 1798 года. Однако до этой даты доктор и миссис Дженнер пробыли в Лондоне два месяца, испытывая большое унижение из-за того факта, что никого в Лондоне нельзя было заполучить в качестве пациента для прививки коровьей оспы. Доктор Дженнер часто заявлял, что в тот раз его терпение лопнуло: и Генри Клайну оставалось провести первую успешную вакцинацию в Лондоне. Обнаружив, что последующая прививка от оспы не вызвала у его пациента никаких заболеваний, Клайн выразил свое мнение, что это обещает стать одним из величайших улучшений, когда-либо достигнутых в медицине; и он упросил Дженнера переехать в Лондон, пообещав ему практику в десять тысяч человек в год. Чувства Дженнера по этому поводу характерно выражены в следующем отрывке: “Должен ли я, который даже утром своих дней искал скромных и уединенных путей жизни — долины, а не горы; должен ли я теперь, когда мой вечер быстро приближается, считать себя объектом для наживы и славы? Допуская как уверенность, что я получу и то, и другое, какой запас я должен добавить к своему маленькому фонду счастья? Моего состояния с учетом того, что я получаю от своей профессии, достаточно, чтобы удовлетворять мои желания; более того, мои амбиции и амбиции моих ближайших родственников настолько ограничены, что, если бы я был лишен возможности практиковать в будущем, я был бы способен получить все, что я хочу. А что касается славы, что это такое? позолоченный приклад, навеки пронзенный злобными стрелами”.

Первой высокопоставленной леди, сделавшей прививку своему ребенку, была леди Фрэнсис Мортон (впоследствии леди Дьюси). Графиня Беркли очень рано способствовала успеху Дженнера и горячо выступала за вакцинацию.

Некий доктор Вудвилл, стремящийся войти в число вакцинаторов, обнаружил коровью оспу на молочной ферме на Грейз-Инн-Лейн в январе 1799 года, обнаружил, что доярки заразились, и взял у них вещество, которым он вакцинировал несколько человек; но вопреки практике Дженнера, он продолжал вводить вещество от оспы им в руки на третий и пятый день после вакцинации, как будто это могло позволить провести справедливое испытание нового метода. Неудивительно, что у пациентов появились пустулы, похожие на оспенные, и это было первое из многих бедствий, возникших из-за необдуманного рвения первых последователей Дженнера. Тот же самый доктор Вудвилл в беседе с Дженнером в марте того же года показал, что он так мало знаком с реальным характером коровьей оспы, что описал ее как передающуюся с выделениями; и что пациент заразился ею при слиянии. Дженнер заметил по этому поводу: “Не могла ли эта болезнь быть смешанной оспой, о которой сообщил доктор Вудвилл, поскольку он всегда заражен?”

Несмотря на ошибки неблагоразумных друзей, вакцинация начала распространяться в 1799 году, в основном благодаря помощи тех друзей Дженнера— которые сами стали прививателями, включая многих, кто не был практикующим врачом. В том же году об этом стало известно на континенте, о “Расследовании” стало известно в Вене, Ганновере и Женеве. В частности, доктор де Карро в Вене стал ее самым ревностным и рассудительным защитником и внес большой вклад в поразительное уменьшение разрушительных последствий оспы, которое вскоре стало очевидным в этом городе благодаря введению и широкому распространению вакцинации. Чуть позже материалы для вакцины были впервые отправлены в Берлин. В том же году о вакцинации стало известно в Соединенных Штатах, и профессор Уотерхауз из Кембриджа, штат Массачусетс, первым оценил ее важность. Он при первой возможности сделал прививку своим собственным детям, а затем публично привил одному из них оспу; и после того, как никакого заражения не последовало, эта практика сразу же утвердилась в Соединенных Штатах. Поскольку некоторое заражение оспой произошло в результате необдуманных действий, как в Англии, вещество было получено непосредственно от Дженнера, и президент Джефферсон со своими зятьями в 1801 году подали пример вакцинации в своих собственных семьях и семьях своих соседей, то есть почти 200 человек. Франция и Испания также последовали этому примеру, и в настоящее время вакцинацию проходит почти вся Европа.

Мы не можем следить за подробностями успешного внедрения вакцинации как за триумфальным прогрессом во всем мире, доказывающим ее эффективность для людей любого цвета кожи, всех цивилизаций, с любым климатом. Экспедиция сэра Ральфа Аберкромби в Египет была первым вооруженным формированием, подвергшимся вакцинации, и ее положительный эффект был наиболее очевиден. В Палермо не было ничего необычного в том, что по утрам в день публичной прививки в больнице процессию мужчин, женщин и детей вел по улицам священник с крестом, направлявшийся на прививку. Офицеры-медики британского военно-морского флота в 1801 году вручили доктору Дженнеру золотую медаль в честь его открытия.

Оспа все еще причиняла огромные разрушения Индии и Цейлону, и Дженнер прилагал все усилия, чтобы доставить вакцину на Восток. Все первые попытки потерпели неудачу, некоторые из-за несчастного случая, такого как гибель жителя Ост-Индии в море, другие из-за неопытности в передаче вируса на такое большое расстояние, подверженного таким превратностям климата. Доктор Дженнер предложил государственному секретарю отправить на каком-нибудь корабле в Индию некоторое количество солдат, которые не переболели оспой, и делать им поочередные прививки, назначив опытного хирурга сопровождать судно; но те, кто занимал этот пост, не смогли увидеть мудрости этого плана. Следовательно, благородный первооткрыватель решил сам сделать то, что было так необходимо, и, стремясь покрыть часть расходов за счет публичной подписки, он возглавил ее подпиской в тысячу гиней. Но прежде чем проект успел созреть, пришло известие об успешном внедрении вакцины в Бомбей в результате ее последовательной переброски в Константинополь, Багдад, Буссору, а оттуда морем в Бомбей. Однако самоотверженный энтузиазм доктора Дженнера столь же заметен, как если бы его экспедиция была подготовлена так, как он задумывал.

Простое повествование, которое сам великий человек изложил в 1801 году в брошюре, занимающей всего восемь страниц, заслуживает воспроизведения при каждом описании открытия. Его простота более убедительна, чем могла бы придать любая декоративная обработка. “Мое исследование природы коровьей оспы началось более двадцати пяти лет назад. Мое внимание к этой необычной болезни впервые привлекло наблюдение, что среди тех, кого в стране мне часто приходилось прививать, многие сопротивлялись любым попыткам заразить их оспой. Я обнаружил, что эти пациенты перенесли болезнь, которую они называли коровьей оспой, заразившись от дойных коров, пораженных своеобразной сыпью на сосках. При расследовании выяснилось, что он был известен на молочных заводах с незапамятных времен и что преобладало смутное мнение, что это средство от оспы. Это мнение, которое я обнаружил, было среди них сравнительно новым, поскольку все более старые семьи заявляли, что в первые дни своего существования у них не было подобной идеи”.

“Во время исследования случайной коровьей оспы меня поразила идея, что, возможно, практически возможно передать болезнь путем прививки, аналогично натуральной оспе, сначала от коровы и, наконец, от одного человека к другому. Некоторое время я с тревогой ждал возможности проверить эту теорию. Наконец наступил срок, и первый эксперимент был проведен на парне по фамилии Фиппс, в руку которого было введено небольшое количество вирусной вакцины, взятой из руки молодой женщины, случайно заразившейся от коровы. Несмотря на то, что пустула, образовавшаяся таким образом на руке мальчика, была похожа на различную прививку, все же, поскольку сопровождавшее ее недомогание было едва ощутимым, я с трудом мог убедить себя, что пациент не болен оспой. Однако, когда несколько месяцев спустя ему сделали прививку, оказалось, что он в безопасности. Этот случай вселил в меня уверенность, и как только я снова смог заразиться вирусом от коровы, я договорился о серии прививок. Нескольким детям были сделаны прививки последовательно, один от другого; и по прошествии нескольких месяцев они были подвержены заражению оспой — одни в результате прививки, другие через различные выделения, а некоторые обоими способами, но все они сопротивлялись этому. Результат этих испытаний постепенно привел меня к более широкому полю экспериментов, которым я занимался не только с большим вниманием, но и с болезненной заботой”.

Беликую революцию, произведенную вакцинацией, вряд ли можно оценить по достоинству в наши дни, и постоянно требуются какие-то свидетельства из прошлого. Преподобный доктор Букер из Дадли, где в его время проживало четырнадцать тысяч человек, так свидетельствовал о вакцинации и ее поразительных эффектах: “До того, как мне стало известно о прививке вакцины, я часто хоронил день за днем нескольких (а однажды и целых восемь) жертв оспы. Но с тех пор, как приход был благословлен этим бесценным даром Божественного Провидения (коровьей оспой), появившимся среди нас почти четыре года назад, только две жертвы стали жертвами вышеупомянутого разрушительного заболевания (оспы). В окрестных деревнях, подобно ненасытному Молоху, он в последнее время пожирает огромное количество людей, где упрямство и предрассудки помешали дженнерскому защитному благословению, и немало зараженных жертв было принесено для погребения на наших кладбищах; и все же, хотя тысячи таким образом пали рядом с нами, смертельная зараза до сих пор больше не приближалась к нашему жилищу. Дух Дженнера встал между мертвыми и живыми, и чума была остановлена”.

Многие дамы с рвением и умением взялись за практику вакцинации. Таким образом, до ноября 1805 года мисс Бейли из Хоупа, недалеко от Манчестера, сделала прививки двум тысячам шестистам человек, а ее подруга сделала прививки двум тысячам. Родственники мисс Бейли утверждают, что она проводила свои обширные прививки с большой рассудительностью и точностью. Она начала с того, что предложила пять шиллингов любому, кто сможет привести пример заражения оспой любого человека, вакцинированного ею. Однако из всего числа вышеупомянутых случаев было предъявлено только одно заявление; и при обращении к ее книгам было обнаружено, что против имени была сделана пометка, указывающая на подозрение, что вакцинация не была эффективной.

Доктора Дженнера часто упрекали в том, что он поощряет непрофессиональных людей практиковать вакцинацию, но следует отметить, что он никогда не делал этого, если заинтересованное лицо тщательно не изучило предмет и на него можно было положиться в беспрекословном следовании его указаниям. На самом деле, некоторые непрофессиональные вакцинаторы были более эффективны, чем многие профессиональные, поскольку они часто пренебрегали его инструкциями и ни в коем случае не следовали установленным им правилам. Таким образом, вакцинация была дискредитирована в значительной степени из-за ошибок ее профессиональных защитников.

Самые невероятные нападки были нанесены на вакцинацию и ее пропагандистов, включая, конечно, самые яростные обвинения в ее предполагаемых антирелигиозных тенденциях. Врачи-противники обнаружили сходство с бычьими мордами, возникающее у детей, как они утверждали, в результате вакцинации. Одна дама пожаловалась, что с тех пор, как ее дочери сделали прививку, она кашляла, как корова, и покрылась волосами по всему телу; а в одном сельском округе было заявлено, что вакцинация там прекращена, потому что те, кому сделали прививку таким образом, ревели, как быки.

Об одном способе, которым страдали некоторые врачи во время прививки от оспы, вспоминают нечасто. Широко практиковалась прививка от оспы, и некоторые медики получали значительную долю своего дохода от этой отрасли своей профессии. Из достоверных источников было заявлено, что доктор Вудвилл, в свое время лечащий врач Оспенной больницы, отказался от прививок и в основном практиковал вакцинацию, его доход снизился за

один год с 1000 до 100 фунтов стерлингов; а другие, кто отказывался прекратить прививку и выступал за вакцинацию, были более чем заподозрены в корыстных мотивах.

Громко заявлялось об антагонизме вакцинации так называемым планам Провидения. Некий доктор Скуирр по этому поводу утверждал, что “Провидение никогда не предполагало, что вакцинация поразит человечество, иначе почему она не посетила жителей земного шара до этого времени? Несмотря на это, вирус вакцины был введен в кровь руками человека-изготовителя и поддерживается не наукой или разумом, а только догадками и безумием под предлогом того, что он уничтожит оспу с лица земли”. И снова он осуждает “ребячество и неуместность такого поведения, а именно введения вакцинации с хвастливым намерением не только вытеснить, но и видоизменить и, короче говоря, воспрепятствовать установленному закону природы. Закон Божий запрещает эту практику; закон человека и закон природы громко протестуют против этого”. Прививка столь же резко осуждалась как “опасная”, “греховная”, “дьявольская” в многочисленных проповедях и медицинских трактатах, когда она была введена, менее чем за столетие до этого.

Нельзя было привести более поразительных доказательств благотворных результатов вакцинации даже при жизни Дженнера, чем те, которые были связаны с ее внедрением в Вене, где оспа жестоко свирепствовала на протяжении веков. Среднее число людей, умерших в Вене за каждый из первых пяти лет этого столетия, составляло около 14 600 человек: из них восемьсот тридцать пять умерли от оспы в 1800 году. После введения и широкого внедрения вакцинации число смертей от оспы сократилось до ста шестидесяти четырех в 1801 году, до шестидесяти одной в 1802 году, до двадцати семи в 1803 году, в то время как в 1804 году умерло только два человека, и эти смерти были вызваны не в Вене: одна смерть была у ребенка лодочника, который подхватил болезнь на Дунае, а другая - у ребенка, отправленного в Вену из отдаленной части империи, уже инфицированного. Однако практика вакцинации была столь долгой, прежде чем она распространилась в такой же степени в Англии, что только за последние три месяца 1805 года в Лондоне от оспы умерло девятьсот пятьдесят человек.

Где бы Дженнер ни находился, он предлагал безвозмездно вакцинировать всех бедняков, обратившихся к нему в определенное время. Жители одного прихода, расположенного по соседству с Челтенхемом, сдерживались, в то время как соседние приходы в значительной степени приняли новую практику. Но в один конкретный год жители этого неохотного прихода прибыли в большом количестве, чтобы потребовать вакцинации своих детей. В ходе расследования выяснилось, что среди них была оспа, ставшая причиной многих смертей, в то время как те из их соседей, кто был вакцинирован, избежали смерти. Однако наибольшее влияние оказал не этот убедительный аргумент, а тот факт, что стоимость гробов и похорон тех, кто умер от оспы, встревожила приходских чиновников, и они были вынуждены авторитетно призвать людей к вакцинации и таким образом сэкономить приходские расходы.

С этого времени в течение ряда лет Дженнер ежегодно приезжал в Лондон, оставаясь там большую часть сезона, постоянно занимаясь вакцинацией, устно давая информацию и наставления по этому предмету многим медикам, письменно обращаясь к огромному числу людей, которые переписывались с ним со всех концов света, поскольку каждый, кто слышал об

открытии и хотел узнать о нем больше, относился к первооткрывателю, а также общаясь с известными людьми, на которых он никогда не переставал производить впечатление своим красноречием и проницательностью. Мы не можем здесь проследить за многими инцидентами, которыми были отмечены эти годы, за его общением с королевскими особами, за поздравлениями и благодарностями, которые он получал от всевозможных населенных пунктов и общественных организаций, за основанием Королевского Дженнерского общества и тому подобного. Однако некоторым из них нужно найти себе место.

Некий доктор Пирсон, к которому нам еще придется обратиться, сначала отличился как ярый вакцинатор, но впоследствии он, по-видимому, вообразил, что имеет право на большую часть отличий, которые принадлежали доктору Дженнеру, и, чтобы обеспечить это, приступил к формированию общественного “совета по вакцинам”, в котором за ним был закреплен главный официальный статус. Ему удалось заручиться покровительством герцога Йоркского и других известных личностей. Обращаясь к Дженнеру по этому поводу в декабре 1799 года, Пирсон говорит: “Мне пришло в голову, что вам, возможно, не было бы неприятно быть врачом экстра-класса.... В вашей ситуации не должно быть никаких расходов, за исключением гиней в год в качестве абонента, и я действительно думаю, что вы должны быть освобождены от этого, поскольку вы не можете посылать никаких пациентов”. Можно подумать, что это было вполне уместно адресовать Дженнеру: через год после полной публикации его открытия его должны были исключить как “врача-экстра-корреспондента”. Ответ Дженнера показал, в каком смысле он к этому относился. “Мне кажется несколько необычным, что учреждение, созданное в столь крупном масштабе и имеющее своей целью прививку коровьей оспы, было запущено в действие и почти полностью организовано без моего малейшего намека на это.... В настоящее время я должен просить разрешения отказаться от *чести*, оказанной мне”. После некоторого обсуждения большинство королевских и влиятельных особ, которые обещали поддержать учреждение доктора Пирсона, отказались от своих имен.

В Брюнне в Моравии, где граф Франсис де Сальм ввел и широко распространил вакцинацию, люди воздвигли храм, посвященный Дженнеру, и ежегодно проводили фестиваль в его день рождения.

Вдовствующая императрица России первой внедрила вакцинацию в этой империи, дала имя Вакцинофф первому привитому ребенку, приказала доставить ребенка в Санкт-Петербург в одной из своих собственных карет, поместить в приют для подкидышей с пожизненным обеспечением. В 1802 году императрица отправила доктору Дженнер письмо, подписанное ее собственной рукой, с ценным бриллиантовым кольцом. Фактически во всех зарубежных странах вакцинация была принята с большим энтузиазмом, чем в Англии. Доказательство этого можно легко увидеть в книге доктора Барона "Жизнь Дженнера".

Тем временем Дженнер потратил большую сумму денег из своего состояния на посещение Лондона, распространение информации, в значительной степени отказался от своей практики в Беркли и никоим образом не был окупаем прибылью от практики в Лондоне. В конце концов его друзья, видя, что теперь он лишен возможности получить от практики адекватное вознаграждение за свое великое открытие, убедили его обратиться в парламент за каким-нибудь вознаграждением. Наконец это было сделано в 1802 году, и петиция была очень настоятельно рекомендована королем и рассмотрена комитетом Палаты общин. Этот комитет получил доказательства, которые единодушно подтвердили важность и практическую ценность

открытия и почти так же единодушно согласились с оригинальностью Дженнера. Адмирал Беркли, председатель комитета, сказал, что открытие Дженнера, несомненно, было величайшим открытием, когда-либо сделанным для сохранения человеческого вида. Грант в размере 10 000 фунтов стерлингов был предложен 2 июня 1802 года и после продолжительного обсуждения был вынесен против поправки, предлагающей предоставить 20 000 фунтов стерлингов.

Однако вскоре выяснилось, что Палата общин не смогла удовлетворить чувство справедливости массы людей, а также более выдающихся представителей медицинской профессии, предоставив грант Дженнеру. Сэр Гилберт Блейн в обращении, которое он подготовил по этому поводу, сказал: “Это всеобщий голос этой, а также других стран, что вознаграждение, полученное доктором Дженнером, в значительной степени неадекватно его заслугам и масштабам пользы, которую его открытие принесло человечеству”.

В январе 1803 года был основан Королевский Дженнерианский институт под королевским патронажем и с Дженнером в качестве президента для пропаганды вакцинации в Лондоне и других местах. Это учреждение продолжало свою деятельность в течение нескольких лет с выдающимся успехом; но доктор Уокер, который был назначен постоянным прививщиком, вскоре начал отклоняться от инструкций Дженнера и применять методы, рассчитанные, по мнению Дженнера, на то, чтобы подорвать репутацию этой практики. Следовательно, требовалось увольнение Уокера, но оно было отклонено в одном подразделении, в которое Уокер пригласил в качестве избирателей двадцать человек, оплативших подписку только в день голосования. Такими абсурдными возможностями часто омрачаются шаги благодетелей по отношению к своей расе. Вскоре после этого доктор Уокер подал в отставку, но Дженнерианский институт не смог полностью оправиться от последствий разногласий, и после создания Национального института вакцинации в 1808 году он практически прекратил свое существование.

Будет ли отдано должное тому, что после решающего голосования в парламенте Казначейство более двух лет откладывало выплату денег под тем или иным предлогом; и когда, наконец, они были выплачены, из них было вычтено около 1000 фунтов стерлингов в счет сборов. Сродни этому, хотя сумма была незначительной, было предъявлено требование к Дженнеру о пяти фунтах вступительного взноса, когда дублинская корпорация предоставила ему свободу в этом городе.

Среди множества свидетельств признательности, которые получил Дженнер, не менее интересным является то, которое исходило от вождей “Пяти народов” канадских индейцев - могавков, онондагов, сенеков, онейд и койонгов. Их обращение к нему было следующим: “Брат! наш Отец передал нам книгу, которую вы прислали, чтобы научить нас, как использовать открытие, сделанное вам Великим Духом, благодаря которому оспа, этот смертельный враг наших племен, может быть изгнана с земли. Мы передали вашу книгу в руки опытного человека, которого наш Великий Отец нанимает ухаживать за нами, когда мы больны или ранены. Мы не преминем научить наших детей произносить имя Дженнер и благодарить Великого Духа за то, что он даровал ему столько мудрости и доброжелательности. Мы посылаем с этим пояс и нитку вампума в знак нашего принятия вашего драгоценного дара; и мы умоляем Великого Духа позаботиться о вас в этом мире и в стране духов”.

В 1804 году была отчеканена одна из самых красивых медалей серии Наполеона в ознаменование оценки императором ценности вакцинации. Он был настолько благодарен заявлениям Дженнера, что позволил его петициям об освобождении британских подданных возобладать. Наполеон собирался отклонить одно прошение, но когда Жозефина произнесла имя Дженнера, он остановился и воскликнул: “Дженнер! ах, мы ни в чем не можем отказать этому человеку. Пожалуй, нельзя привести более яркого примера того, до какой степени влияние Дженнера распространялось за пределы Англии, чем тот факт, что многие люди путешествовали за границу или на борту кораблей, имея при себе, вместо паспорта, простое свидетельство за подписью “Эдвард Дженнер”, свидетельствующее о том, что эти люди были ему известны и путешествовали в поисках здоровья, или науки, или по другим делам, не связанным с войной. Когда великая война закончилась и монархи-союзники посетили Лондон, Дженнер был представлен, среди прочих, императору России и королю Пруссии по их особой просьбе.

Но в Великобритании было много вещей, рассчитанных на то, чтобы отвлечь Дженнера от идеального наслаждения. В различных случаях британское правительство отнюдь не стремилось оказывать ему уважение и почести, равные тем, которые оказывались ему за границей. Когда различные правительственные чиновники объединились, чтобы запустить национальное производство вакцин, сначала было заявлено, что Дженнер будет директором, с условием, что никто не должен принимать никакого участия в работе отдела вакцинации, если он не был ни назначен, ни одобрен им. Однако вскоре после этого из восьми кандидатов, выдвинутых Дженнером, шестеро были отклонены. Сам Дженнер не был допущен в Совет, который состоял исключительно из четырех цензоров Колледжа врачей и магистра, а также двух старших надзирателей Колледжа хирургов. В результате этого лечения, имевшего место в 1808 году, когда вакцинация была столь повсеместно признана, доктор Дженнер ушел с поста директора, но его сменил его друг, мистер Мур, который пользовался его полным доверием.

Картину внутренней жизни Дженнера в тот период, когда рассматривался вопрос о втором парламентском гранте, можно представить из его письма: “Что касается меня, я переношу тяготы и заботы общественного характера гораздо лучше, чем могли ожидать те, кто знает остроту моих чувств. Я был бы счастлив отказаться от своих лавров ради отдыха на пенсии, если бы не чувствовал, что это мой долг - быть в этом мире. Я, конечно, получаю самое большое утешение от своих трудов, плоды которых ощущаются во всем мире; но, возможно, на этом острове их ценят меньше, чем в любой другой части цивилизованного мира.... Челтенхэм намного преобразился с тех пор, как вы его видели. Для меня он слишком веселый. Мне по-прежнему больше всего нравится мое деревенское пристанище, старый Беркли; куда мы все собираемся примерно через две недели. Эдвард растет высоким и уже давно смотрит поверх моей головы. Кэтрин, которой сейчас одиннадцать лет, - многообещающая девочка, а восьмилетний Роберт - всего лишь осколок старого квартала ”.

В июле 1806 года лорд Генри Петти, сменивший мистера Питта на посту канцлера казначейства, внес в Палату общин предложение о том, чтобы Королевскому колледжу врачей было предложено провести исследование хода внедрения вакцины. Коллегия провела исследование, предоставив максимально широкий простор противникам вакцинации, и, наконец, сообщила, что, учитывая количество, респектабельность, бескорыстие и обширный опыт ее сторонников, по сравнению со слабыми и несовершенными свидетельствами ее немногих противников, ценность этой практики, по-видимому, установлена настолько твердо,

насколько это возможно. В июле 1807 года этот вопрос снова обсуждался в парламенте, и предложение о выделении 10 000 фунтов стерлингов было отклонено в пользу предложения мистера Эдварда Морриса о выделении 20 000 фунтов стерлингов доктору Дженнеру.

Европейские жители Индии с самого начала были одними из самых искренних в признании заслуг Дженнера и во многих отношениях давали ему практические свидетельства своей благодарности. Около 4000 фунтов стерлингов было переведено ему из Калькутты в 1806 году и в последующие годы; из Бомбея 2000 фунтов стерлингов, а из Мадраса почти 1400 фунтов стерлингов.

Последствия непрестанных трудов начали серьезно сказываться на здоровье Дженнера, когда в 1810 году он потерял своего старшего сына от чахотки на 21-м году жизни. Это событие сильно занимало его мысли и привело в состояние, вызывающее большое беспокойство у его друзей. В том же году он потерял своего верного друга графа Беркли и любимую сестру миссис Блэк. Из-за этих неприятностей он еще острее ощущал клеветнические нападки, которым он постоянно подвергался. Доктор Парри из Бата, писавший ему примерно в то же время, говорит— “Ради Бога, не думай больше об этих осях, которые жужжат вокруг тебя и которых твое безразличие и молчание заморозят до полного забвения. Позвольте мне еще раз умолять вас не придавать им значения ни на минуту, *opus exegisti эре перенниус*. Великое дело завершено, и благословение готово для тех, кто решит им воспользоваться; а что касается тех, кто отвергнет его, зло падет на их собственные головы”.

В 1811 году произошел первый достоверно подтвержденный случай оспы у мальчика, вакцинированного Дженнером, достопочтенным. Роберт Гросвенор. Заболевание приобрело серьезный характер и угрожало смертью, когда внезапно были быстро пройдены более поздние стадии и было достигнуто хорошее выздоровление. Другие вакцинированные дети в этой семье подверглись заражению и не пострадали. Как объяснил Дженнер, имелись все основания приписать отсутствие защиты в первом случае особенностям конституции, которые, вероятно, подвергли бы пациента повторному приступу оспы. На самом деле доктор Дженнер сделал прививку ребенку, когда ему было месяц, когда у него было слабое здоровье. Леди Гросвенор проявила робость и уговорила его, вопреки его обычной практике, сделать только один укол, и появившийся в результате гнойничок прекратил свое развитие из-за того, что его растирала медсестра. Тем не менее этот случай вызвал большую тревогу и ажиотаж и сильно воодушевил противников вакцинации. Простой ответ Дженнера состоял в том, чтобы признать этот факт, утверждая, что если бы произошло десять, пятьдесят или сто таких событий, они были бы в сто раз уравновешены случаями повторных приступов оспы. “Я всегда считал, что вариолез и вакцина радикально и по существу одинаковы. Поскольку известно, что прививка от первого не срабатывала в столь многочисленных случаях, было бы очень необычно, если бы прививка от второго всегда была безрезультатной. Это привело бы к аннулированию моей ранней доктрины по этому вопросу”.

Письмо Дженнера доктору Бэрону по этому поводу демонстрирует, пожалуй, предельную степень раздражения, которое он выказывал. “Город дурак-идиот, - замечает он, - и будет продолжать находиться в таком раскаленном состоянии из-за этого дела, пока не появится что-то еще, что отвлечет его внимание. Я полон решимости запереть свои мозги и больше не думать на общественных началах.... Я намерен собрать все возможные случаи заражения оспой после предполагаемой защиты от этой болезни”.

В 1813 году Оксфордский университет присвоил Дженнеру степень доктора медицины. Ожидалось, что Лондонский колледж врачей последует его примеру и примет его в члены, но они потребовали полного обследования, на которое Дженнер в его возрасте и с его репутацией не мог согласиться. Летом 1814 года Дженнер в последний раз посетил Лондон, был представлен царю и имел многочисленные беседы со своей сестрой, великой герцогиней Ольденбургской. 13 сентября 1815 года умерла миссис Дженнер, и это несчастье глубоко потрясло доктора Дженнера и, казалось, ознаменовало его уход из активной общественной жизни. Вызывает большое сожаление, что он не дожил до завершения и публикации своего собственного окончательного отчета и зрелых убеждений относительно подходящих условий вакцинации, а также модификаций и несовершенств, которым она была подвержена. Это занимало много его внимания в последние годы жизни, но его расспросы были прерваны болезнью и семейным несчастьем. Последние годы его жизни были болезненными из-за крайней нервной чувствительности, и у него было несколько приступов, которые предвещали смерть от апоплексического удара, который в конечном итоге произошел 26 января 1823 года. Он был похоронен в Беркли, рядом со своей женой, 3 февраля.

Характер Дженнера, по словам его биографа, был мягким, ненавязчивым, неамбициозным; чистота его сердца и неподдельная скромность украшали его великолепную репутацию. Если бы те, кто выступал против него, знали, как мало эгоизма, тщеславия или гордыни было в его творчестве! Он ничего не ответил на клевету.

“Все друзья, которые наблюдали за ним дольше всех и разглядели большую часть его ума и поведения, в один голос заявляют, что в нем было нечто такое, чего они никогда не видели ни в одном другом человеке. Первое, что заметил бы незнакомец, - это мягкость, простота, безыскусственность его манер. В нем было полное отсутствие всякой показухи или показухи; настолько, что в обычном общении в обществе он выглядел как человек, который не претендует на то, чтобы его замечали. Он был совершенно откровенен и свободен от всякого коварства. Он нес свое сердце и свои мысли так открыто, так неприкрыто, что все могли прочесть их. Вы не могли заговорить с ним, вы не могли войти в его дом или кабинет, не увидев, что за человек там живет”.

“Объекты его исследований обычно были разбросаны вокруг него; и, как он часто говорил сам, по-видимому, в хаотическом беспорядке. Окаменелости и другие образцы естественной истории, анатомические препараты, книги, бумаги, письма — все было представлено в странном беспорядке; но каждый предмет нес на себе отпечаток царствовавшего здесь гения. Окаменелости были помечены наклеенными на них маленькими кусочками бумаги, на которых его собственным простым и отчетливым почерком были написаны их названия и места, где они были найдены.... Казалось, у него не было никаких секретов, и, несмотря на долгий опыт общения с миром, он до последнего действовал так, как будто все человечество заслуживало доверия и было свободно от эгоизма, как и он сам. У него была работающая голова, он никогда не сидел сложа руки и накопил огромный запас оригинальных наблюдений. Этими сокровищами он делился наиболее щедро. В самом деле, его главное удовольствие, казалось, заключалось в том, чтобы изливать обильные богатства своего ума каждому, кто наслаждался знакомством с ним. У него часто были причины сетовать на это безграничное доверие, но такая неблагодарная отдача не охладила его пыла и не вывела из себя”.

Таков был человек, которому мир был обязан вакцинацией; не придворный врач или столичный врач, не студент университета, а сельский врач, человек науки и доброжелательности, чье имя бессмертно.

ГЛАВА VII.

СЭР ЭСЛИ КУПЕР И АБЕРНЕТИ: НОЖ ПРОТИВ РЕЖИМА.

Немногие люди были более известны в свое время, чем великий “сэр Эсли”.

Эсли Купер был внуком хирурга из Норвича. Его отец был очень уважаемым священником в Норфолке; его мать писала романы с определенной репутацией и была известна своей доброжелательностью и бескорыстием. Эсли, четвертый сын в многочисленной семье, родился 23 августа 1768 года. Его юность была отмечена чередой головокружительных побегов и подвигов, требовавших хладнокровия и дерзости. Ни в юности, ни в течение всей жизни у него не было особого вкуса к классике или литературе. В юности у него было красивое и выразительное лицо, очень открытые манеры и живость разговора, так что он часто очаровывал тех, кто не одобрял его дикие выходки. Как и Джон Хантер, он провел свободную юность, и если не был усовершенствован, то также не был испорчен систематическими тренировками.

И дедушке, и дяде Эсли Купера, последний преподавал в университете Гая, приписывают некоторую долю участия в развитии хирургического уклона в сознании мальчика. Однажды, посетив больницу Норвича и увидев поразительную операцию, он был сильно впечатлен полезностью хирургического вмешательства. В 1784 году визит его дяди, лондонского хирурга, привел к тому, что племянника определили к нему по статье; но его успехи здесь были ограниченными из-за привлекательности, которую поначалу для него представляла свободная городская жизнь. Однажды его встретил дядя, переодетый в офицерскую форму, и первый узнал своего племянника, второй отрицал всякое знакомство с ним. За раскрытием этой эскапады вскоре последовал его перевод в качестве ученика от своего дяди к мистеру Клайну, который затем разделил с Абернети очередные почести в качестве хирурга Джона Хантера. Под руководством Клайна молодой Купер впитал дух учения Хантера от одного из своих самых восторженных учеников: Клайн считал, что Хантеру нет равных в его великом уме со всеми, кто был до него.

Сэр Эсли Купер в более поздний период так описывает своего старого учителя: “Мистер Клайн был человеком безукоризненных суждений, большой осторожности, точных знаний; особенно неразговорчивый за границей, но открытый, дружелюбный и очень разговорчивый дома. В хирургии хладнокровен, надежен, рассудителен; в анатомии достаточно осведомлен. В политике демократ, дружит с Хорном Туком. В морали безупречно честен; в религии деист. Хорошим мужем, сыном и отцом. Как искренний друг, но не активный; как самый закоренелый враг”.

Вскоре молодой Купер активно занялся вскрытием, и его предприимчивая натура нашла выход во многих ночных экспедициях с похитителями тел или воскресителями в поисках “объектов”.

Он провел одну зимнюю сессию (1787-8) в Эдинбурге, уже добившись значительных успехов в анатомии и хирургии. Он высоко ценил Каллена, Блэка и Файфа. Вернувшись из Эдинбурга, он посещал Джона Хантера и других знаменитых лекторов, а в 1789 году, когда ему был всего 21 год, его назначили демонстратором в собор Святого Томаса. Два года спустя мистер Клайн добился для него совместного с ним чтения лекций по анатомии и хирургии. В декабре 1791 года он женился на мисс Энн Кок. Свадьба прошла совершенно спокойно из-за недавней смерти отца леди, и вечером того же дня Эстли Купер со своим обычным спокойствием читал лекцию по хирургии, и никто из его учеников не узнал о его женитьбе. В июне 1792 года молодой хирург и его невеста посетили Париж и провели там три последовавших за этим ужасных месяца. Купер потратил много времени на изучение парижских методов хирургии и участие в дебатах в Национальном собрании. Его безопасность была обеспечена демократическим значком и дружбой с ведущими революционерами Англии, к которым принадлежал Клайн.

В дополнение к доходу от лекций в больнице мистер Купер благодаря женитьбе унаследовал состояние в четырнадцать тысяч фунтов, так что он сразу же перестал беспокоиться о деньгах. Следовательно, он мог посвятить себя в основном учебе и преподаванию. Перед завтраком он отправился в больницу для препарирования перед лекцией, а также продемонстрировал студентам перед началом лекционного часа. Он делал инъекции своим пациентам, читал лекции с двух до половины четвертого и три вечера в неделю читал лекции по хирургии. Кроме того, он упорно посещал интересные случаи в больнице и делал о них записи. Его лекции по хирургии, которые он первым в городских больницах отделил от анатомии и физиологии, поначалу не имели заметного успеха. Он обнаружил, что был слишком теоретичен, но вскоре изменил свой план и выбрал случаи в больнице в качестве основы для своих лекций. С этого момента его аудитория расширилась и заинтересовалась. Сам он научился легко вспоминать случаи и обстоятельства, свидетельствующие о рассматриваемом заболевании, что значительно повысило привлекательность его стиля. Дело в том, что он не был интеллектуальным преемником Джона Хантера и не мог добиться успеха подобными методами. И все же влияние Хантера на него было несомненно благотворным; у него хватило ума понять, что Хантер не был “спекулянт с богатым воображением, и любой, кто верил в него, был болваном и подлецом в своей профессии”. Улучшенные лекции по хирургии привлекли в 1793 году вдвое больше участников, чем в 1792 году, и, кроме того, мистер Купер был выбран лектором по анатомии в Колледже хирургов. Главной частью его обязанностей в этом последнем качестве было читать лекции и препарировать тела казненных преступников. Лекции с наибольшим успехом читались для переполненной аудитории. В 1797 году ныне набирающий популярность хирург переехал из своей прежней резиденции на Джеффрис-сквер, Сент-Мэри-Экс, в дом 12 по улице Сент-Мэри-Экс, долгое время занимаемый мистером Клайном, который теперь переехал на запад. В следующем году он попал в серьезную аварию, упав с лошади на голову, и некоторое время его жизнь была в значительной опасности. Степень утешительного сочувствия мистера Клайна, когда Купер сетовал на риск для своей жизни из-за вмешательства в какое-то профессиональное расследование, которое, вероятно, принесет пользу обществу, была выражена следующим образом: “Успокойтесь, мой друг; результат вашего расстройства, фатальный или иной, не будет иметь ни малейшего значения для человечества”.

Один из первых учеников, доктор Уильям Рутс, однако, дает совершенно иной отчет о “последствиях Купера для человечества”. “С момента назначения Эстли к Гаю и до момента его последнего вздоха он был всем для страждущих; его звали ведущим, но его присутствие приносило уверенность и утешение; и я часто наблюдал, что в операционный день, если в

театре происходило что-то неподобающего характера, в тот момент, когда Эстли Купер входил и инструмент был в его руке, все трудности преодолевались, и в целом наступала безопасность”. Несомненно, здесь имеется в виду факт, зафиксированный самим сэром Эстли следующим образом: “Я всегда придерживался мнения, что мистер Клайн и я приобрели большую репутацию в больницах, помогая нашим коллегам, чем проводя собственные операции, поскольку они постоянно попадали в переделки, и мы были обязаны помогать им выпутываться из них”.

Мистер Трэверс, который стал дипломированным учеником Эстли Купера в 1800 году, говорит, что в то время он был самым красивым, умным на вид и прекрасно сложенным мужчиной, которого он когда-либо видел. По обычаю своего времени, он носил напудренные волосы, заплетенные в косичку, и на его щеках всегда горел румянец. Во время своей ежедневной прогулки верхом он надевал синий сюртук, желтые бриджи из оленьей кожи и высокие сапоги. Он держался удивительно прямо, двигался с грацией, энергией и эластичностью и нередко закидывал свою ногу хорошей формы на стол во время лекции, чтобы проиллюстрировать какую-нибудь травму или операцию на нижней конечности. Жизнерадостность, доходящая до задорности, и пристрастие к смешному никогда не покидали его, и его хихикающий смех, едва сдерживаемый, пока он рассказывал свою историю, его веселый вид и манеры, а также его привычка каламбурить были хорошо известны. Его личные привычки были очень просты: за обедом он пил воду, а после выпивал два бокала портвейна. Хорошее пищеварение никогда не покидало его; по его словам, “он мог переваривать все, что угодно, кроме опилок”. Он был примечателен тем, что не нуждался в развлечениях или компании, помимо того, что находил в своих профессиональных занятиях; и он читал сравнительно мало медицинской литературы.

Часто утверждалось, что Эстли Купер был несколько бесчувственным по натуре; и следует признать, что он не испытывал глубокого сочувствия к телесной боли, поскольку его собственная невосприимчивость приравнивалась к его физической выносливости. И все же он всегда глубоко сочувствовал душевным страданиям, и мистер Треверс, который видел, как он читал посмертное письмо от любимого ученика, покончившего с собой, рассказывает, что его слова прерывались рыданиями, и он оплакивал потерю единственного ребенка. О том, что его привязанность не ограничивалась его ближайшими родственниками, свидетельствует тот факт, что в связи с глубоко опечаленной смертью его маленькой дочери он принял в свою семью маленькую девочку, которая не была его родственницей, но мать которой рано умерла; и впоследствии он сам привез из Ярмута в карете, проделавшей двадцатичасовой путь, своего маленького племянника Эстли, которому тогда было два года, который впоследствии стал его преемником в титуле баронета.

Более широко известным, чем племянник, при жизни сэра Эстли был его слуга Чарльз Осбалдестон — имя, которое на практике сменилось на Балдерсон. Он живо понимал интересы своего хозяина и обладал большим тактом и склонностью к маневрам; он хвастался, что за двадцать шесть лет ни разу не потерял пациента, которого своему хозяину удавалось удержать. Где бы ни был мистер Купер, Чарльз, если потребуется срочно, отправится за ним и любой ценой выследит его и с триумфом выведет на передний план.

Мистер Купер в ранние годы своей жизни, когда анатомия составляла значительную часть его работы, по необходимости был в значительной степени связан с воскресенцами и, следует в

равной степени признать, был одним из главных сторонников их практики, с деталями которой он нередко знакомился. Но состояние закона, которое практически сделало невозможным легальное получение предметов для вскрытия, должно быть принято как извинение за многое, что сейчас, как тогда, считалось бы шокирующим. Описание действий похитителей тел, как это сделал мистер Брэнсби Купер, не может иметь строго отношения к жизни сэра Эстли Купера;^[17] но можно отметить, что в случаях, когда возникала угроза общественного резонанса, Эстли Купер предпринимал быстрые шаги, чтобы избежать вредной огласки своего имени. Какое-то время безраздельно властвовали люди с дурной славой, требуя почти любую цену по своему выбору. Если возникало какое-либо возражение, они прекращали поставки, и тогда студенты-медики приходили в ярость, устраивали митинги негодования, посылали делегации к своим преподавателям, иногда утверждая, что их преподаватели не так активны или либеральны, как преподаватели какой-нибудь конкурирующей школы, и угрожали уйти в массовом порядке. Таким образом, преподаватели были в некотором роде вынуждены платить за свои предметы больше, чем они могли получить от своих учеников за их разбор. Другим неприятным последствием было то, что, когда обычные “воскресители” попадали в беду, хирургам приходилось прилагать большие усилия ради них и часто выделять крупные суммы, чтобы защитить их или содержать их и их семьи во время заключения. Сэр Эстли Купер потратил на это сотни фунтов. Один из его счетов включает 14,7 фунтов стерлингов на половину расходов по спуску Воана и внесению залога в Ярмуте, 13 фунтов стерлингов за поддержку Воана в течение двадцати шести недель тюремного заключения, 50,8 фунтов стерлингов за четырех испытуемых, выплаченных Мерфи, и шесть гиней “финальных денег” трем мужчинам, дусеру в конце сеанса.

Высокие цены заставляли некоторых людей приносить в жертву свои тела перед смертью; но, конечно, это было незаконно. Краткий ответ сэра Эстли на одно предложение от третьей стороны, пожелавшей узнать правду, был таков: “Правда в том, что вы заслуживаете быть повешенным за такое бесчувственное предложение”. Но при других обстоятельствах, когда речь шла о получении трупа человека, умершего после интересующей хирурга операции, сэр Эстли заплатил большие суммы и, таким образом, получил возможность пополнить свой музей многими ценными образцами результатов хирургических операций. Таким образом, в его отчетах за 1820 год есть следующие записи, касающиеся получения тела человека, которого он оперировал двадцать четыре года назад: “Карета для двоих туда и обратно - 3 12 фунтов стерлингов; охрана и кучер - 6 фунтов стерлингов; расходы за два дня - 1 14 6 фунтов стерлингов; перевозка субъекта и носильщика - 12 6 фунтов стерлингов; субъект - 7 7 фунтов стерлингов; итого - 13 12 фунтов стерлингов”.

Мы читаем, что этот предмет должен был быть получен “любой ценой”. Поэтому неудивительно, что о сэре Эстли можно сказать, что ни один человек не знал так много о привычках, преступлениях и немногих хороших качествах воскресителей. Он мог получить любой предмет, какой ему заблагорассудится, каким бы охраняемым он ни был, и действительно предлагал это сделать. Никто не мог пойти дальше, чем он, перед Комитетом Палаты общин, которому он прямо признался: “Нет человека, каким бы ни было его жизненное положение, которого, если бы я был склонен препарировать, я не смог бы заполучить. Закон только повышает цену и не препятствует эксгумации”. Наконец, ужасные разоблачения практики “беркинга” в Эдинбурге в

1829 году привели к принятию Закона об анатомии, легализующего вскрытие в соответствии с надлежащими правилами.

Эстли Купер внес свой вклад не только в захоронение человеческих тел. Когда требовались животные для какой-нибудь физиологической иллюстрации или исследования, его слуга Чарльз всегда мог их раздобыть, и у него одновременно было до тридцати собак, не считая других животных, запертых на сеновале. Чарльз заплатил по полкроны за штуку при получении собак, как бы они ни были получены, и, без сомнения, кража собак была одним из источников. Зверинец в Тауэре был для мистера Купера, как и для Джона Хантера, значительным источником образцов для препарирования. В 1801 году под его нож попал огромный слон, и, поскольку он был слишком громоздким, чтобы попасть в анатомическую комнату, его пришлось разделять во дворе, где с помощью нескольких студентов мистер Купер не давал себе покоя, пока все интересные части не были законсервированы и переданы на хранение в музей Святого Томаса. Изготовители птичьих паштетов, торговцы рыбой и домашней птицей также были одними из источников снабжения его неутомимого ножа.

К Эстли Куперу, как и к большинству людей, достигших высот, прибыльная практика приходила медленно. “Мой чек, ” говорит он, - за первый год составил 5,5 фунтов стерлингов; за второй - 26 фунтов стерлингов; за третий - 54 фунта стерлингов; за четвертый - 96 фунтов стерлингов; за пятый - 100 фунтов стерлингов; за шестой - 200 фунтов стерлингов; за седьмой - 400 фунтов стерлингов; за восьмой - 610 фунтов стерлингов; за девятый (год, когда он был назначен хирургом в больницу) - 1100 фунтов стерлингов”. Это было в 1800 году, когда его дядя, Уильям Купер, ушел в отставку с поста хирурга. Можно было бы предположить, что дядя всеми возможными способами будет способствовать наследованию престола своим племянником, но он скорее поддерживал мистера Морриса, самого сильного конкурента. Ибо восходящая звезда заставляла старшего завидовать его блеску, и, более того, он всегда считал Клайна в колледже Святого Томаса начальником своего дяди. Таким образом, успех Эстли Купера ни в коем случае не был несомненным, поскольку против него усиленно выдвигались обвинения в его политических связях с Хорном Туком и Телуоллом. Но Эстли, всегда предпочитавший успех политике, решил отказаться от последней и на будущее сохранять нейтралитет, во всяком случае, в отношении всех открытых разбирательств. Это решение обеспечило его назначение мистером Харрисоном, хорошо известным казначеем Guy's, которому, как и сэру Эстли, принадлежит наивысшая заслуга в создании медицинской школы. Теперь он не участвовал в политических партиях мистера Клайна и всегда советовал молодым хирургам не примыкать к определенным партиям, поскольку их обязанности должны распространяться на людей всех взглядов. Он также, чтобы не оставить камня на камне, лично опросил каждого из семидесяти двух губернаторов.

В 1800 году Эстли сделал свое первое сообщение Королевскому обществу о последствиях разрушения барабанной перепонки уха. Он обнаружил, что в мембране можно проделать значительные отверстия без ущерба для способности слышать. Впоследствии он применил эту операцию к определенным видам глухоты, возникшим в результате заболевания или непроходимости евстахиевой трубы, и в 1801 году прислал еще одну статью с подробным описанием результатов двадцати случаев. Хотя его успех в восстановлении утраченного слуха был гораздо меньшим, чем он ожидал, с тех пор операция проводилась часто, и Королевское общество в 1802 году наградило его медалью Копли за эти работы. В том же году он был избран ФБР

Деятельность Эстли Купера в это время была сильно направлена на совершенствование его профессии путем общения и дискуссий в обществах, душой нескольких из которых он был. Физическое общество при больнице Гая предоставило ему первую возможность такого рода и надолго сохранило его активный интерес. Во время его короткого пребывания в Эдинбурге его превосходство было настолько очевидным, что он был избран президентом общества защиты прав студентов от узурпации со стороны профессоров. Здесь же он присоединился к Спекулятивному обществу и прочитал статью в поддержку берклианской теории материи. Один из дебатов, который он открыл, был на тему “Свободен ли человек?” Он был бы президентом Королевского медицинского общества в Эдинбурге, если бы вернулся на вторую зиму, настолько сильно он отличился в дебатах. В более поздний период сила его связей с Эдинбургом была подтверждена созданием им Эдинбургского клуба в Лондоне для бывших эдинбургских студентов-медиков. Однако самым важным обществом, с основанием которого он был связан, было Королевское медико-хирургическое общество, возникшее в результате отделения от Лондонского медицинского общества. Доктор Йеллолили, который был тесно связан с новым фондом, говорит о мистере Купере в то время: “Я никогда не видел человека с более открытым сердцем в качестве компаньона, более сдержанного в своих замечаниях, у которого всегда в распоряжении был большой запас информации, и который в то же время был более доброжелателен и изобилует всевозможными материалами для удовлетворения тех, с кем он общался. Он не был любителем чтения, но умудрялся получать самую ценную информацию любого рода, будь то профессиональную или общую, и всегда использовать ее наилучшим, наиболее привлекательным и доступным способом”. Казначеем общества был Эстли Купер, и он оказал важную услугу. Самый ранний том его трудов, опубликованный в 1809 году, содержал статью, описывающую его первую операцию по устранению аневризмы сонной артерии путем перевязки ее ниже аневризмы — метод, установленный в настоящее время. Но ранее он опубликовал (часть 1 в 1804 году, часть 2 в 1807 году) работу, которая в значительной степени способствовала его репутации, а именно “О грыже или разрыве”. Второе издание было опубликовано в 1827 году. Соответствующие анатомические структуры были превосходно изложены и проиллюстрированы, а опыт, накопленный при частых и успешных операциях в случаях этого заболевания, обеспечил мистеру Куперу положение самого высокого авторитета. Как это часто случается с медиками, его внимание было особенно привлечено к этой болезни из-за того факта, что он был подвержен ей с раннего детства. Анатомическое исследование, которое он предпринял, чтобы усовершенствовать свои знания в этом вопросе, было огромным. “Я не рассказывал ни о каком случае,” говорит он, “и не приводил никаких замечаний, за правдивость которых я не могу ручаться”. Когда его ученики показывали ему какую-нибудь интересную внешность на вскрытии, он говорил: “Вот так, сэр, можно научиться своей профессии. Посмотрите сами; неважно, что могут сказать другие люди, никакое мнение или теории не могут помешать информации, полученной в результате препарирования”. Стоимость иллюстраций к этому произведению была настолько велика, что мистер Купер потерял из-за него тысячу фунтов, когда все экземпляры были проданы.

В 1806 году мистер Купер покинул Сент-Мэри-Экс, чтобы поселиться в доме на Нью-Брод-стрит, который в течение девяти лет был переполнен его пациентами, в самые прибыльные годы его жизни. В те годы он вставал в шесть, до восьми занимался частным вскрытием, а с половины девятого принимал большое количество безвозмездных пациентов. За завтраком он съел всего две горячие булочки, намазанные маслом, выпил залпом остывший чай, несколько минут почитал газету, а затем направился в свой кабинет, обернувшись с милой добродушной

улыбкой на выходе. Пациенты толпились в его палатах и осаждали “Чарльза”, используя различные приспособления, чтобы получить как можно более раннее интервью. В час дня он едва ли принимал другого пациента, даже если палата была полна; но если задерживался на полчаса позже, приходил в ярость, оскорблял Чарльза и запрыгивал в свою карету, оставляя Чарльза успокаивать разочарованных пациентов. Иногда люди в холле и прихожей были настолько назойливы, что мистеру Куперу приходилось убегать через свои конюшни в проход у Бишопсгейтской церкви. У Гая его ждала толпа учеников на ступеньках, и он сразу же прошел в палаты, обращаясь к пациентам с такой нежностью в голосе и выражении лица, что сразу завоевал их доверие. Его несколько уместных вопросов и быстрый диагноз были замечательны сами по себе, не меньше, чем рассудительная спокойная манера, в которой он настаивал на необходимости операций, когда это требовалось. В два часа ученики внезапно покидали палату, бежали через улицу к старому зданию больницы Святого Фомы и усаживались в анатомическом театре. После лекции, на которой часто было так многолюдно, что люди стояли в проходах поближе, чтобы услышать те отрывки из его лекции, которые им удавалось запомнить, он обходил секционный зал, а затем покидал больницу, чтобы навестить пациентов или оперировать частным образом, возвращаясь домой в половине седьмого или в семь. Каждую свободную минуту в его вагоне он был занят тем, что диктовал своим помощникам заметки по делам или другим предметам, которыми он занимался. За обедом он ел быстро и не очень изысканно, разговаривал и шутил; после ужина он спал по желанию минут десять, а затем приступал к своей лекции по хирургии, если это был вечер лекций. Вечером он обычно снова наносил визиты до полуночи.

Доктор Петтигрю в своей “Галерее медицинских портретов” так ярко описывает всепоглощающее влияние, которое сэр Эстли оказывал на своих учеников: “Я никогда не смогу забыть энтузиазм, с которым он приступал к выполнению любого долга, рассчитанного на уменьшение человеческих страданий. Этот энтузиазм, благодаря великодушию своего характера, своим фамильным манерам и превосходному характеру, он передавал всем окружающим; и степень обязательств настоящего и последующих веков перед сэром Эстли Купером в деле формирования таким образом способных и энергичных хирургов, никогда не может быть точно оценена. Он был кумиром Местной школы. Ученики целыми отрядами следовали за ним; и, подобно Линнею, который, как было описано, отправлялся на свои ботанические экскурсии в сопровождении сотен студентов, так же можно изобразить сэра Астлея, обходящего палаты больницы с таким же количеством учеников, почти зажав дыхание, с тревогой прислушивающегося к замечаниям, слетающим с его губ. Но в дни эксплуатации это чувство было накалено до предела. Зрелище было в целом чрезвычайно интересным; большой театр Гая, переполненный до потолка, глубокая тишина, воцарившаяся при его входе, этот человек, такой мужественный и по—настоящему внушительный, и ужасное чувство, связанное с этим событием, никогда не смогут забыть ни одни из его учеников. Элегантность его операций, без малейшего наигранности, вся непринужденность, вся доброта к пациентам и в равной степени забота о том, чтобы ничто не было скрыто от наблюдения учеников; быстрый в исполнении, виртуозный в манерах; никакой спешки, никакого беспорядка, внимание к самым незначительным мелочам, повязки обычно накладываются его собственной рукой. Легкая и элегантная манера, с которой сэр Эстли пользовался своими различными инструментами, всегда поражала меня, и я не мог удержаться от нескольких замечаний по этому поводу в адрес моего покойного учителя, мистера Чандлера, одного из хирургов больницы Святого Фомы. Я заметил ему, что действия сэра Эстли были похожи на изящные усилия художника по созданию

рисунка. Мистер К. ответил: ‘Сэр, не имеет значения, каким инструментом пользуется мистер Купер, для него все они одинаковы; и я искренне верю, что он мог бы так же легко орудовать устричным ножом, как и лучшими столовыми приборами в лавке прачки’. В этом замечании была большая правда. Сэр Этли был в то время, несомненно, одним из первых оперативников того времени, и это следует понимать в самом широком смысле, поскольку предполагается, что оно включает планирование операции, точность и ловкость в способе ее выполнения, а также готовность, с которой встречались и преодолевались все трудности ”.

Мистер Купер, несмотря на свое упорное прилежание в препарировании, не нашел бы времени приобрести все знания, которыми он занимался, если бы не нанял нескольких помощников либо для препарирования образцов, полученных им в результате операций, либо в результате *посмертных* экспертиз, либо в качестве художников и моделистов, ассистентов и т. Д. Он был очень категоричен в своих приказах своим помощникам добыть для него любой образец, который ему требовался, и не желал слушать предположения о трудностях. “Должно быть сделано то-то и то-то”, - сказал он, и его тон не допускал возможности неудачи. Таким образом, он собрал большую коллекцию патологических образцов, которую передал в дар больнице Святого Фомы, в то время, когда к таким коллекциям относились пренебрежительно и к ним так мало относились, что он мог легко получить любой желаемый образец, который был в распоряжении его коллег. Что касается его действий в этих вопросах, то соблюдалась строжайшая секретность, доступ в его личные анатомические кабинеты был ревностно ограничен для него самого и его платных ассистентов. Когда было трудно получить разрешение на проведение *посмертного* исследования в частной практике, он тратил много времени на самые ожесточенные споры по этому поводу с родственниками, указывая причины, которые делали это желательным в интересах науки. Его единственный ребенок был осмотрен по его прямому желанию другом; и он оставил строгие предписания и инструкции для *вскрытия* своего собственного тела. В очень немногих случаях его решимость когда-либо была поколеблена.

Этли Купер достиг своего зенита на Брод-стрит. За один год его доход достиг 21 000 фунтов стерлингов; в течение многих лет он составлял 15 000 фунтов стерлингов. Один крупный торговец платил ему 600 фунтов стерлингов в год; хорошо известна история другого, который после успешной операции для стоуна сунул ему в ночной колпак чек на тысячу гиней. Многие из его пациентов, консультируясь с ним, выписывали чек на свой гонорар, и никогда сумма его не была меньше пяти гиней. Забавно сравнивать с его репутацией хирурга и оператора чрезвычайно ограниченную фармакопею, которой он доверял. “Дайте мне, - говорил он, - опиум, тартаризованную сурьму, сульфат магнезии, каломель и кору, и я больше ничего не попрошу”, - и из пяти или шести рецептов он давал своим бедным пациентам постоянный запас лекарств.

Мистер Купер был назначен профессором сравнительной анатомии Королевского колледжа хирургов в 1813 году, что стало первым назначением после выхода сэра Эверарда Хоума на пенсию. Он читал лекции всего два сезона, в 1814 и 1815 годах. Не будучи глубоко разбирающимся в своем предмете, он решил посмотреть, что может сделать промышленность, и ограничил себя тремя-четырьмя часами сна, чтобы выиграть дополнительное время для препарирования животных. Он также нанял нескольких ассистентов для препарирования, и в результате его образцы привозились целыми вагонами на каждую лекцию. Мистер Клифт замечает по поводу одной лекции: “Это была убедительная беседа с сильным ароматом,

препараты были в основном свежими, наполовину высушенными и покрытыми лаком”. Его лекции имели большой успех, хотя он предпочел бы читать лекции по хирургии, которые были поручены Абернети. В последнем упомянутом году он оставил профессорскую должность и также переехал на Нью-стрит, У., надеясь таким образом уменьшить усталость, вызванную многочисленными визитами, которые ему приходилось наносить на запад. В мае следующего года он продемонстрировал свое мастерство знаменитой операцией по перевязке аорты, или главной артерии тела, по поводу аневризмы в случае, когда жизнь была в крайней опасности. Легкость, с которой он подготовился к операции, и виртуозное мастерство и успех, с которыми он ее выполнил — помните, без помощи хлороформа, — вызвали восхищение у всех специалистов, которые лучше всех могли судить о трудностях, которые предстояло преодолеть. Пациент умер от неизлечимой болезни, но успех операции был несомненным.

Проработав несколько лет у лорда Ливерпуля, мистер Купер в 1820 году был вызван к Георгу IV, который впоследствии настоял на том, чтобы он сделал ему небольшую операцию, хотя тогда он не был назначен при дворе. Он действовал очень неохотно, опасаясь рожистого воспаления, и только в конце концов подчинился приказу. За его успехом в этом последовало присвоение титула баронета, которое было с одобрением встречено всеми его друзьями, как профессиональными, так и общественными.

В 1822 году сэр Этли впервые стал экзаменатором в Колледже хирургов. В этом качестве он был очень добросовестным и внимательным, никогда не задавал наводящих вопросов или задавал абстрактные расспросы, но неизменно останавливался на практических вопросах и формулировал свои вопросы простым и недвусмысленным языком. В том же году появилась, пожалуй, его самая важная работа, посвященная вывихам и переломам суставов, и, следуя своему неизменному принципу, он опубликовал ее по цене, достаточной только для покрытия расходов на печать и гравюры.

В январе 1825 года сэр Этли подал в отставку с должности лектора в Сент-Томасе из-за ухудшения состояния здоровья. Мистер Ки ранее читал часть своего хирургического курса, а его племянник Брэнсби Купер читал лекции по анатомии; и сэр Этли был полон решимости обеспечить их преемственность на своих должностях. Он уволился только в твердом убеждении, что с этим все согласились. Можно представить его удивление, когда он узнал, что мистер Саут назначен преподавателем анатомии. Сэр Этли, желавший отозвать свое прошение об отставке, был проинформирован, что уже слишком поздно. Мистер Харрисон, однако, тогдашний энергичный казначей Guy's, пришел на помощь и предложил основать в Guy's медицинскую школу, полностью независимую от больницы Святого Томаса, и назначить мистера Ки и мистера Брэнсби Купера на кафедры хирургии и анатомии. С этим сразу же согласились, и летом наспех построили лекционный зал и другие помещения, так что новая школа Гая была открыта в октябре следующего года. Значительная часть старых учеников объединенных школ Сент-Томаса и Гая поступила в Guy's, и с появлением значительного числа новых учеников, ныне знаменитая школа была успешно открыта. Сэр Этли мало читал лекций для новой школы, хотя время от времени читал несколько лекций по анатомии и хирургии, которые, конечно, были переполнены до отказа. Теперь он стал хирургом-консультантом клиники Гая и продемонстрировал свое рвение, начав создание музея, подобного тому, который он уже разместил в больнице Святого Фомы и который он бы убрал оттуда, если бы это было в его силах. В 1827 году он был избран президентом Колледжа хирургов.

К этому времени сэр Этли приобрел привычку проводить как можно больше времени в своем поместье в Гэдсбридже, недалеко от Хемел-Хемпстеда. Здесь он стал сельским персонажем, стреляя и “заставляя стрелять” с рвением и веселостью. Леди Купер, потеряв свою приемную дочь, миссис Пармонтер, и не родив второго ребенка, не смогла вынести жизни в Лондоне. В 1825 году сэр Этли прибрал к рукам свою домашнюю ферму и содержал ее в идеальном порядке, затратив значительные средства. Он всегда либо экспериментировал, либо пытался осуществить какой-то новый план, о котором слышал или наблюдал. С возрастом он снова и снова приходил в ярость, обнаруживая, что его идеальная ферма приносит лишь существенные убытки, и неоднократно клялся, что никогда больше не позволит такой страсти овладеть им. Одним из его экспериментов в сельском хозяйстве была покупка хромях или плохо откормленных лошадей в Смитфилде по цене от пяти до семи фунтов за штуку, сам кормил и лечил их в Гэдсбридже и превратил в гораздо лучших животных. Иногда он получал таким образом неплохую прибыль и в течение многих лет возил в собственном экипаже лошадей, которые обошлись ему всего в двенадцать фунтов десять центов. Если бы они не поддавались лечению, он бы экспериментировал с ними в соответствии с тем, какое исследование он мог бы провести в данный момент.

Смерть леди Купер в июне 1827 года стала тяжелым ударом для сэра Этли, и это так сильно повлияло на него, что он решил полностью отойти от практики. Однако еще до конца года скука выхода на пенсию показалась ему невыносимой, и он вернулся в город, чтобы снова полноценно заниматься практикой. Он женился во второй раз на мисс К. Джонс в июле 1828 года. В том же году он был назначен королевским сержантом-хирургом, и эта должность была продолжена после восшествия на престол Вильгельма IV. Не имея лекций, он по-прежнему занимался препарированием и в основном завершал свои различные работы для прессы. Его “Иллюстрации болезней молочной железы” появились в 1829 году, за ними последовали “Болезни яичек”, 1830, “Анатомия вилочковой железы”, 1832. В 1836 году он во второй раз стал президентом Королевского колледжа хирургов.

В преклонном возрасте, даже путешествуя, сэр Этли никогда не терял своей страсти к анатомированию и всегда посещал все известные больницы и хирургов во время своих путешествий. Ему никогда не нравилось оставаться на одном месте дольше нескольких дней; вскоре он начал тосковать по своим привычным занятиям. Несколько раз, задерживаясь на одном месте дольше, чем ему хотелось бы, он вставал рано и уезжал дилижансом в Лондон, не предупредив о своем намерении.

Во время визита, который он совершил в Эдинбург в 1837 году, ему была дарована свобода города и почетный диплом доктора права. Ранее он был назначен доктором философии Оксфорда. Он продолжал свои анатомические и хирургические исследования до последнего, опубликовав в 1840 году великолепный труд по анатомии молочной железы, предваряющий полный отчет о болезнях, которым она подвержена, который так и не был завершен. Он умер 12 октября 1841 года, на семьдесят третьем году жизни, на Кондуит-стрит, где в последнее время практиковал. Он был похоронен, по его собственной просьбе, под часовней больницы Гая. Его статуя работы Бейли была установлена, в основном представителями медицинской профессии, в соборе Святого Павла, недалеко от южного входа. Существует его замечательный портрет работы сэра Томаса Лоуренса. Имя сэра Этли увековечено присуждением трехлетней премии в размере трехсот фунтов стерлингов за лучшее оригинальное эссе на профессиональную тему,

которая присуждается врачами и хирургами клиники Гая, которые сами не могут участвовать в конкурсе.

Критика сэра Этли при его жизни придавала ему большое значение в установлении чистой индукции как единственного надежного средства точной диагностики и в введении простоты лечения в соответствии с естественными процессами. До него операции слишком часто были пугающими альтернативами или опасными компромиссами; он всегда заставлял их следовать, так сказать, за естественным ходом лечения; и ему в значительной степени удавалось избавить их от ужасов, выполняя их ненавязчиво, уверенно и весело. Он изложил Комитету по медицинскому образованию мнение и факт, которые, возможно, были приняты во внимание некоторыми экзаменаторами еще с его времен: “Когда человек слишком стар для учебы, он слишком стар для того, чтобы быть экзаменатором; и если бы я ночью положил голову на подушку, не препарировав что-либо за день, я бы подумал, что потерял этот день”. Сэр Этли оставил среди своих личных бумаг оценку самого себя, написанную в третьем лице, которую стоит процитировать. “Сэр Этли Купер был хорошим анатомом, но никогда не был хорошим оператором там, где требовалась деликатность. Он слишком много пережил, прежде чем из него вышел идеальный оператор.... Быстрота восприятия была его сильной стороной, поскольку он мгновенно понимал природу болезни и часто оскорблял других, сразу же отстаивая свое мнение. Эта же способность делала его прогноз хорошим. Он был хорошим анатомом как патологического, так и естественного строения. У него была превосходная и полезная память. В суждениях он сильно уступал мистеру Клайну во всех житейских делах.... У него было живое воображение, и он всегда *был* готов убежать с ним, если он не контролировал его”.

“Его практический принцип заключался в том, чтобы никогда не позволять тем, кто консультировался с ним, увольняться, не убедившись в характере и надлежащем рассмотрении их дела”.

Наконец, он говорит, что вполне подходит к этому повествованию о его карьере: “Мой собственный успех зависел от моего рвения и прилежания; но я не ставлю себе в заслугу, поскольку это было дано мне свыше”.

Теперь нашего внимания заслуживает другой ученик Джона Хантера, человек совершенно иного склада, в некоторых отношениях более близкий учителю, чем сэр Этли. В отличие от многих великих людей, о достижениях которых мы рассказали, Джон Абернети родился в Лондоне, в приходе Святого Стефана на Коулман-стрит, 3 апреля 1764 года. Он был вторым сыном Джона Абернети, торговца, происходившего из ирландско-шотландской семьи, которая предоставила не одного известного человека протестантскому служению в Ирландии. В раннем возрасте его отправили в Вулверхэмптонскую среднюю школу под руководством доктора Робертсона. Здесь он слыл прилежным и умным, но, очевидно, был страстным и с чувством юмора. Суровая дисциплина, распространенная в то время, похоже, не очень хорошо сработала на Абернети, поскольку он вышел из нее более возбудимым и нетерпеливым, чем был раньше. Однако школьные дни закончились в четырнадцать лет, и в пятнадцать юноша был отдан в ученики мистеру, впоследствии сэру Чарльзу, Блику, соседу своего отца по Милдредз-Корт, одному из хирургов больницы Святого Варфоломея. Его собственным желанием было стать юристом, в котором его прекрасная память оказала бы ему важную услугу; но его отец не согласился с этим выбором, и была выбрана профессия врача. Его учитель был эмпириком, но

Абернети рано решил докопаться до сути вещей, насколько это возможно, и занялся исследованиями самостоятельно. Склонность его ума к лечению с помощью диеты подтверждается следующим утверждением. “Когда я был мальчиком, - сказал он, - я наполовину разорился, покупая апельсины и другие продукты, чтобы выяснить влияние различных видов диеты на это заболевание” (почек).

Интерес Абернети к анатомии и хирургии впервые был эффективно стимулирован сэром Уильямом Близардом, который читал лекции в Лондонской больнице, и он тепло признал это в своей вводной лекции в Колледже хирургов в 1814 году, когда сменил сэра Уильяма на посту профессора. Вскоре его выбрали препарировать для лекций сэра Уильяма; он извлек много пользы из хирургических лекций Потта в церкви Святого Варфоломея из лекций доктора Маршалла в Холборне; но наиболее сильное влияние на него оказал Джон Хантер, который отметил его среди своих самых умных учеников. Возможность стать ассистентом хирурга, предоставляемая ученикам хирургов больницы Святого Варфоломея, появилась у Абернети рано, поскольку повышение его мастера до хирурга привело к его избранию ассистентом хирурга 15 июля 1787 года, когда ему было всего двадцать три года, большинством от пятидесяти трех до двадцати девяти голосов. Но из-за того, что его старший так долго оставался на своем посту, он был вынужден оставаться ассистентом хирурга в течение длительного периода в двадцать восемь лет.

Молодой хирург вскоре начал проявлять свои первоначальные способности, начав с должности лектора. мистер Потт в течение многих лет читал курс лекций по хирургии, но других лекций не читалось, и следует считать, что медицинская школа Святого Варфоломея обязана своим созданием Абернети. Быть жизнью и душой новой школы достаточно для любого человека в самые зрелые годы; для Абернети этого было более чем достаточно, начиная с двадцати трех лет, когда все было в новинку, прецедентов было мало и когда его собственных способностей и учебы все еще многого не хватало. Этому мы должны в значительной степени приписать измученное выражение, которое начало появляться на его лице в возрасте пятидесяти лет. В своих лекциях он не довольствовался каким-либо сухим и упорядоченным повествованием, но сочетал его с описательным описанием назначения строения, болезней и несчастных случаев, которым оно подвержено, и иллюстраций из сравнительной анатомии. Долгое время он включал в свои курсы одновременно анатомию, физиологию, патологию и хирургию; в то же время он продолжал посещать лекции Джона Хантера и прилежно занимался в палатах больницы. Его трудолюбие в тот период было таково, что он вставал в четыре года и иногда уезжал за город, чтобы почитать с меньшими перерывами. В связи с хорошо известной резкостью его манер может показаться странным прочитать, что в первые годы чтения лекций он отличался непреодолимой застенчивостью, которая часто заставляла его удаляться из театра, чтобы восстановить самообладание, прежде чем приступить к своей лекции. Но эта застенчивость часто сопутствует настоящему таланту и оригинальности до того, как они найдут способы эффективно проявить себя; а резкость во многих случаях служит прикрытием робости. Когда его драматические инстинкты привели его на истинный путь, он вскоре почувствовал себя непринужденно, и его занятия увеличились так быстро, что в 1790 году губернаторы Сент-Бартоломью решили построить для него театр, который был открыт в октябре 1791 года.

Те, кто слушал его, описывают стиль чтения лекций Абернети как уникальный как в том, что касается передачи его идей, так и в том, что касается интереса к его ученикам. Когда его стиль полностью сформировался, о нем говорили как о “Абернети дома”. По словам Петтигрю, его

манера входить в аудиторию часто была неотразимо забавной: руки глубоко засунуты в карманы бриджей, туловище слегка наклонено вперед, он дует или насвистывает, глаза поблескивают из-под дужек, а нижняя челюсть выдвинута значительно ниже верхней. Затем он бросался в кресло, перекидывал одну ногу через подлокотник и начинал свою лекцию в самой *эксцентричной* манере. Резкость, однако, никогда не переставала вызывать тишину и приковывать внимание.

“ ‘Граф был ранен в руку — пуля глубоко вошла в плоть — ее, однако, извлекли — и сейчас он находится на верном пути к выздоровлению’. Это очень хорошо подойдет для романа, но не подойдет для нас, джентльмены: ”Сэр Ральф Аберкромби получил пулевое ранение в толстую часть бедра, и оно вошло глубоко—глубоко: и попало в важные части, и его нельзя было почувствовать; но хирурги, ничуть не смутившись, нащупывали, и нащупывали, и нащупывали, - и сэр Ральф умер ". Таким образом, он представил бы замечательную беседу об огнестрельных ранениях, в самых сильных выражениях осуждая опасную и болезненную практику длительных поисков. для попадания пуль в важные органы. Он всегда иллюстрировал свой предмет, рассказывая анекдоты, часто противоречивого характера, и таким образом заставлял своих учеников запоминать его доктрины.

Его ментальная абстракция нередко ярко проявлялась в лекционном зале. Однажды о нем рассказывают, что на вступительной лекции в церкви Святого Варфоломея, когда его, как обычно, встретили бурными аплодисментами, он казался совершенно равнодушным к ней, но, спокойно окинув собравшихся взглядом, произнес с глубоким чувством: “Да поможет вам всем Бог! что с тобой будет!”

Его драматическая сила широко использовалась для имитации особенностей поведения его пациентов, причем наиболее эффективной была смесь серьезного и юмористического. Многие из его историй были наиболее уместны в том смысле, что они касались какого-то важного факта или принципа. Одно из них нам, возможно, будет позволено процитировать из Макилвейна.^[18]

“Ах, нет смысла говорить слишком много о важности запоминания хода крупных артерий; но я расскажу вам случай. На флоте служил офицер, самый храбрый парень на свете, который в морском бою получил тяжелое ранение в плечо, повредившее подмышечную артерию. Он потерял большое количество крови, но на данный момент рану удалось остановить, и его отнесли вниз. Поскольку он был офицером, хирург, увидев, что он тяжело ранен, собирался оказать ему помощь раньше, чем моряку, которого только что сбили с ног. Но офицер, хотя и явно испытывал сильную боль, сказал: "Позаботьтесь об этом человеке, сэр, если вам угодно, я могу подождать". Что ж, подошла его очередь; хирург решил, что повреждена крупная артерия; но поскольку кровотечения не было, перевязал рану и продолжил свое дело. Офицер некоторое время лежал очень слабый и измученный, и, наконец, начал приходить в себя, когда кровотечение возобновилось; немедленно вызвали хирурга, который, не зная, где найти артерию или что еще сделать, сказал офицеру, что он должен ампутировать ему руку в плечевом суставе. Офицер сразу же спокойно перенес дополнительные, но ненужные страдания; и когда оператор продолжил, спросил, долго ли это продлится; хирург ответил, что это скоро закончится; офицер ответил: ‘Сэр, я благодарю Бога за это!’ но больше он ничего не сказал ”.

В гробовой тишине Абернети тихо заключил: “Я надеюсь, вы никогда не забудете, как проходит подмышечная артерия”.

Мы полагаем, что сложилось несколько общее впечатление, что Абернети в качестве лектора позволял себе фокусы или необычную жестикуляцию. Но это ни в коем случае не верно. В каждом пункте его процедуры был свой метод, и все, к чему он стремился, - это самым убедительным и стойким образом запечатлеть в умах студентов идеи, которые он хотел донести. Говорят, он приобрел видимость совершенной непринужденности, без малейшей самонадеянности, и у него не было никаких оскорбительных приемов. Макилвейн, который был его учеником в лучшие годы его жизни, говорит: “Выражение его лица было в высшей степени ясным, пронизательным и интеллектуальным; а его длинные, но не запущенные напудренные волосы, закрывавшие оба уха, придавали всему его выражению философское спокойствие, которое было особенно приятным. Затем появилось что-то вроде легкой улыбки, которая осветила все лицо и осветила его чем-то, чему мы не можем дать определения, но что казалось смесью веселья, лукавства и доброжелательности.... В его языке была своего рода ходкая метафора, которая, благодаря определенной оригинальности манер, делала обычные вещи очень забавными. Говорили, что мышцы, которые до определенного момента следовали одним и тем же курсом, общались вместе, а затем *расходились*. У кровеносных сосудов и нервов были определенные особенности в способе их распределения, контрастирующие таким образом; говорили, что артерии *расползаются* по бокам мышц или между ними; нервы, напротив, представлялись пронизывающими их вещество *без всяких церемоний*.... Он был особенно счастлив от своего рода уюта или дружелюбия в манерах, которые, казалось, отождествляли его с аудиторией; как будто мы все собирались *вместе* исследовать что-то интересное, а вовсе не от того, что нам собирались читать лекцию". Он говорил так, словно обращался к каждому в отдельности, и его речь, как счастливый портрет, всегда, казалось, смотрела вам в лицо”.

На консультациях или в обычной практике Абернети бывал груб и поспешен только тогда, когда его что-то раздражало. По отношению к своим коллегам-практикующим, которые могли обосновать свое мнение или свое обращение, он был вежлив и даже почтителен. Он никогда не рекомендовал вмешиваться в разумные планы лечения с целью получения *престижа* для себя, ни за исключением случаев, когда требовалось достичь какой-то важной цели. Он не был причастен к сокрытию или обману друзей пациентов и во многих случаях говорил самым пациентам самую простую из очевидных истин. “Скажите на милость, мистер Абернети, чем можно вылечить подагру?” - таков был вопрос праздного и роскошествующего горожанина. “Живи на шесть пенсов в день — и зарабатывай их”, - последовал убедительный ответ. Сообщается, что с ним посоветовался герцог Йоркский и что он стоял перед ним, как обычно, насвистывая, засунув руки в карманы бриджей. Изумленный герцог возразил: “Я полагаю, вы знаете, кто я”. “Допустим, я знаю, - ответил Абернети, - и что из этого?” И он посоветовал герцогу, ссылаясь на его жалобу: “Прекратите поставки, как это делал герцог Веллингтон в своих кампаниях, и враг покинет цитадель”. Адвокат пришел к мистеру Абернети с небольшой язвой на ноге, которую оказалось трудно залечить. Наслушавшись о его нетерпении и странных манерах, он начал стягивать чулок, как только вошел в кабинет. “Холлоа! холлоа! чем, черт возьми, вы занимаетесь? ” воскликнул хирург. “Я не хочу видеть вашу ногу; этого достаточно, поднимите ее, поднимите”. Пациент так и сделал, но выразил свое неудовольствие тем, что, уходя, положил на стол только шиллинг. “Что это?” - спросил Абернети. “О, - ответил его пациент, - ”Этого достаточно, поднимайте, поднимайте“, - и хладнокровно удалился.

Говорят, что нетерпение Абернети часто проистекало из его стремления поскорее приступить к своим обязанностям в больнице; и что вместо того, чтобы представлять это надлежащим образом, он иногда чуть ли не выталкивал пациентов за дверь. Сэр Этли Купер получал немалые гонорары от тех, кто бросил Абернети или не осмеливался сталкиваться с его грубостью. К пациентам своей больницы, особенно к тем, кто находился в тяжелом положении, он был сама доброта. Иногда их благодарность демонстрировалась забавным образом. Мистер Стоу приводит один из примеров этого: “Когда он впервые проходил по палатам после посещения Бата, то, проходя между рядами кроватей, сопровождаемый огромной толпой учеников, среди которых был и я, ему явилось видение бедного ирландца в самой скудной рубашке, которую я когда-либо видел, который выпрыгнул из кровати и буквально бросился на колени к ногам Абернети. На несколько мгновений все были сбиты с толку; но бедняга, со всем красноречием своей страны, излил такой поток благодарностей, молитв и благословений и так выразительно продемонстрировал свою ногу, что у нас недолго оставались сомнения. ‘Это нога, ваше благородие! Слава Богу! Ваш достопочтенный - тот парень, который это сделал! Пусть небеса будут вашим ложем! Долгих лет жизни вашему достопочтенному! К диволу с осколками, который сказал, что твой хоннор срежет его!’ и т. Д. Этот человек поступил в больницу около трех месяцев назад с больной лодыжкой, и ее сразу же приговорили к ампутации. Что-то, однако, побудило Абернети попробовать, что для этого могут сделать покой и конституциональное лечение, и с самым счастливым результатом. С некоторым трудом пациента уложили в постель, и Абернети воспользовался возможностью прочитать нам клиническую лекцию о болезнях и их конституциональном лечении. А теперь началось самое интересное. Каждую фразу, произнесенную Абернети, Пэт подтверждал. ‘Да, ваша честь, в этом есть доля лжи. Его честь - абсолютный главный врач!’ В то время как при малейшем намеке на его случай постельное белье слетало с него, а нога поднималась вверх, как будто он целился ею в потолок. ‘Вот и все, клянусь горрой! и нога покусаннее, чем у виллина, который хотел ее отрезать! Это было вскоре после того, как я уехал в Лондон, и я был очень поражен поведением Абернети в разгар смеха. Наклонившись к пациенту, он сказал с большой серьезностью: ”Я рад, что с вашей ногой все в порядке, но никогда не становитесь на колени, кроме как перед своим Создателем”.

Во многих историях фигурирует имя Абернети; многие из них были преувеличены; многие ложно связаны с его именем. Иногда он, вместо того чтобы сокрушать жертву, в достаточной степени сам становился жертвой. Одна дама однажды сказала ему: “Я и раньше слышала о вашей грубости, но такого не ожидала”. Когда он протянул ей свой рецепт, она спросила: “Что мне с этим делать?” Грубый ответ был: “Все, что вам угодно. Бросьте это в огонь, если не возражаете”. Леди поймала его на слове, выложила свой гонорар, бросила рецепт в огонь и вышла из комнаты; и Абернети не смог убедить ее снова получить гонорар или новый рецепт. Несмотря на все истории,ставляющие его в невыгодном свете, нет никаких сомнений в том, что намерения Абернети были самыми добрыми и что он никогда не брал плату с пациента, который, возможно, был не в состоянии позволить себе это с комфортом. По этим двум причинам, а именно из-за его нередкой грубости и снисходительности к гонорарам, у него, безусловно, был гораздо меньший доход, чем он мог бы получить. Тем не менее, его доход был очень значительным, но управлялся он недостаточно тщательно. Однажды, зайдя к виноторговцу, чтобы расплатиться с ним за бутылку вина, он бросил на стол пригоршню банкнот и листов бумаги с гонорарами. На просьбу подождать, пока все не будет точно подсчитано,

поскольку некоторые сборы могут оказаться больше, чем он думал. “Не бери в голову, - сказал он, - я не могу остановиться; они у тебя такие, какими я их взял”, - и поспешил прочь.

Теперь пришло время обратиться к некоторым основным публикациям Абернети. В 1793 году он опубликовал свой первый том хирургических и физиологических очерков, включая свое знаменитое эссе о поясничном абсцессе, в котором он подробно описывает простой и красивый метод лечения, которому с тех пор широко следуют. Во втором томе этих очерков в статье о функциях кожи подробно описываются некоторые тщательные эксперименты с воздухом, в котором рука или нога находились в течение некоторого времени. Он обнаружил некоторое количество углекислоты в таком воздухе и на основе экспериментов обосновал важные взгляды относительно необходимости поддержания кожи в чистоте и здоровом состоянии. Третья часть этих очерков, опубликованная в 1797 году, содержала важный документ о травмах головы, осуждающий, среди прочего, любое ненужное вмешательство и таким образом предотвращающий многие бесплодные операции. В 1806 году появились хирургические наблюдения Абернети, включающие отчет о нарушениях здоровья в целом и органов пищеварения в частности, которые сопровождают местные заболевания и препятствуют их излечению. Всякий раз, когда он хотел донести до пациента или практикующего врача важность заботы об общем здоровье и желудке в частности, если нужно вылечить какое-то местное заболевание, он всегда ссылался на свою книгу, так что его фраза “прочтите мою книгу” воспринималась как уверенность. Но иногда казалось, что он в каждом конкретном случае ощущает расстройство органов пищеварения. Дама, у которой болел коленный сустав, вызванный ударом о край ступеньки, подошла к мистеру Абернети и собиралась показать поврежденную часть, когда он грубо воскликнул: “Я не хочу видеть ваше колено, мэм! позвольте мне”, - и с силой прижал кулак к ее животу. Она, конечно, вскрикнула, и он, конечно, приписал ее расстройство желудку. Тем не менее она выздоровела без лекарств, путем строго местного лечения колена под руководством доктора Петтигрю.

Во всех работах Абернети проявлялся недостаток хорошей аранжировки, что разительно контрастировало с его мастерством лектора: но в последнем качестве его аудитория всегда была перед ним, и он мог видеть и проверять пригодность своего материала. Образование не дало ему настоящей литературной подготовки, и его меткость выражения и остроумие не дают заметных преимуществ в его письменных работах.

9 января 1800 года Абернети женился на мисс Энн Трелфолл, с которой он познакомился в доме, куда его пригласили по профессиональной работе. Его ухаживания были краткими; его предложения были сделаны в письме; он, что характерно, не одобрял слишком много “болтания без дела”, дал даме две недели на обдумывание ответа и добился успеха. Ни на один день он не прерывал своих больничных лекций.

В 1815 году, после двадцати восьми лет работы в должности ассистента хирурга, Абернети стал полноправным хирургом после ухода на пенсию своего старого мастера, сэра Чарльза Блика. Он воспользовался этой встречей для публикации брошюры о зле, сопутствующем длительному пребыванию старых хирургов на этом посту. Сам он читал лекции в течение двадцати восьми лет и оказал большое влияние на заполнение больницы студентами, от платы за лечение которых он вообще ничего не получал. Примерно в то время, когда он стал хирургом, он снял дом в Энфилде, куда приезжал по субботам, с радостью покинув свой собственный дом на Бедфорд-роу ради тихой загородной прогулки. Летом он почти каждый вечер уезжал в Энфилд. Это шло

на пользу его беспокойной нервной системе. С детства его сердце было особенно раздражительным, что часто причиняло ему страдания. Рана, которую он случайно нанес себе при вскрытии, вызвала у него такую тяжелую болезнь, что прошло три года, прежде чем он оправился от ее последствий, которые проявлялись в самых разнообразных формах. Следует также признать, что он не был таким умеренным в еде, к чему призывал своих пациентов. На него часто нападали воспалительные заболевания горла, заканчивающиеся абсцессом.

Абернети подал в отставку с должности профессора Хирургического колледжа в 1817 году и был удовлетворен присланной ему резолюцией, в которой выражалась благодарность за выдающуюся энергию и проницательность, которыми были отмечены его лекции. Эта отставка, однако, не принесла достаточного облегчения его перенапряженному организму, который теперь часто страдал от ревматизма. Он недостаточно заботился о себе, шел пешком от Бедфорд-Роу до больницы в бриджах до колен и шелковых чулках, когда шел дождь, не думая о том, чтобы защититься от промокания. С очень замерзшими ногами он стоял напротив одного из дымоходов в музее, и это, наряду с другими неосторожностями, постепенно подтачивало его силы. В возрасте шестидесяти лет, в соответствии с планом, который он предложил и решительно отстаивал, он подал в отставку с поста хирурга, но губернаторы этого не приняли. Его убедили остаться на своем посту еще некоторое время, но в конце концов он ушел в отставку 24 июля 1827 года. Следующая зима была последней, в течение которой он читал лекции, и в 1829 году он отказался от своей экзаменационной должности в Колледже хирургов. Теперь он сильно хромал, исхудал и выглядел старым. Его глаза сохранили свою выразительность, но свидетельствовали о постоянной боли, которую он испытывал. Он умер 20 апреля 1831 года, совершенно измученный, но в сознании до конца: он был похоронен в приходской церкви Энфилда. Так рано, как и Джон Хантер, умер один из его учеников, который, по словам герцога Сассекского на юбилейном собрании Королевского общества в 1831 году, кажется, наиболее полно передал смелый и философский дух своего великого учителя.

СНОСКИ:

[17] Жизнь сэра Эсли Купера, i. 334-448.

[18] Воспоминания Джона Абернети.

ГЛАВА VIII.

СЭР ЧАРЛЬЗ БЕЛЛ И ФУНКЦИИ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ.

Из всего вышесказанного следует, что научная медицина и хирургия были еще едва ли в состоянии начаться. После открытия кровообращения физиологические исследования, казалось, остановились в ожидании анатомии. Теперь потребовался огромный и решительный скачок вперед.

Чарльз Белл происходил из семьи, давно обосновавшейся в Глазго; но его дед, став служителем Шотландской церкви, поселился в Глэдсмиуре, Хаддингтоншир, и умер молодым; а его отец,

Уильям Белл, родившийся в 1704 году, был служителем Шотландской епископальной церкви в Эдинбурге. Здесь он пострадал от всех преследований, которым подверглись прихожане епископальной церкви в Шотландии после восстания Молодого претендента в 1745 году. Священнослужителям епископальной церкви было запрещено совершать богослужения более чем перед четырьмя членами семьи; а позже был принят Закон, запрещающий любому лицу, посвященному в священный сан, совершать богослужения в доме, хозяином которого он не был. Первая жена Уильяма Белла умерла в 1750 году, не оставив в живых детей, в 1757 году он женился на Маргарет Морис, внучке епископа Уайта, которая стала матерью Роберта Белла, автора Словаря шотландского права; Джона Белла, знаменитого хирурга; Джорджа Джозефа Белла, профессора права Шотландии в Эдинбургском университете и автора Комментариев к закону Шотландии; и сэра Чарльза Белла. Отец этих четырех выдающихся сыновей умер в 1779 году, когда Чарльзу было всего пять лет.

Стесненные обстоятельства, в которых оказалась семья после смерти отца, привели к тому, что они тесно спланивались в их общей борьбе. Привязанность, которая всю жизнь существовала между Джорджем Джозефом Беллом и Чарльзом, на четыре года младше, является одной из самых восхитительных в истории. Большая часть образования братьев была результатом их собственных усилий. Джордж рассказывает, что, хотя его обучение стоило всего пять шиллингов в квартал, его пришлось прекратить, когда ему исполнилось одиннадцать лет. Миссис Белл помогала своим детям с французским и рисованием и внесла значительную лепту в развитие того таланта к рисованию, который впоследствии принес такую пользу и Джону, и Чарльзу.

Хотя Чарльз некоторое время учился в средней школе в Эдинбурге, он самым решительным образом заявляет, что получил образование только от своей матери и примера, который подали ему его братья, все из которых проявили истинную независимость и уверенность в себе. Он говорит: “В течение двадцати лет моей жизни у меня было только одно желание — доставить удовольствие моей матери и сделать что-нибудь, чтобы облегчить то, что я видел, как она страдает”. Когда она умерла, пустота и безразличие, проявившиеся во всей его натуре, были так велики, что все честолюбие, казалось, надолго исчезло из него.

В детстве братья делали из него игрушку, но все же казались уверенными в его будущем. Они обычно говорили: “О, ничего страшного, у Чарли все получится. Не бойся за Чарли”. И все же в последующей жизни он очень сожалел о том, что его раннее образование было ограниченным, и он прилагал очень большие усилия, чтобы улучшить то, чего ему не хватало. Даже в последние несколько лет своей жизни он привлекал к чтению французских и итальянских мастеров, хотя до отъезда из Эдинбурга умел читать на обоих языках.

Начав изучать медицину под руководством своего старшего брата Джона, который уже стал известным лектором, он очень быстро нашел свое истинное призвание и приобрел такие навыки, что еще до того, как ему исполнился двадцать один год, смог посещать часть лекций своего брата. В 1799 году он опубликовал первую часть своей “Системы вскрытий”. Эдинбург, в то время озлобленный разногласиями между его братом и доктором Грегори и другими неприятными событиями, не давал ему должного простора для проявления своих талантов, и было решено, что Чарльз отправится на поиски приключений в Лондон. В то время это было смелое предприятие, поскольку на шотландцев все еще смотрели с подозрением; однако он уже стал известен в Лондоне благодаря своему сотрудничеству с Джоном Беллом в “Анатомии

человека”, первым двум томам его “Системы вскрытий” и его гравюрам с изображением артерий, мозга и нервов. Впечатление, произведенное на него его первым знакомством с Лондоном в ноябрьское воскресенье, было выражено следующим образом: “Если Джон Буль выбирает это время года для того, чтобы перерезать себе горло, то воскресенье должно быть подходящим днем, потому что тогда Лондон предстает во всем своем уродстве, во всем своем обнаженном уродстве; дома похожи на руины, улицы пустынные”. Вскоре хирург больницы довольно бесцеремонно сказал ему, что они могут производить сырье самостоятельно, и если у него возникнут трудности в Эдинбурге, у него будет больше в Лондоне. Некоторых из его первых друзей в Лондоне предупредили, что он резкий вкрадчивый молодой человек, который выгонит их из больниц. Его подруга Линн ответила на такой намек так: “Мне понравился его брат, и он сам мне нравится. Он не обманщик. Его разговор открытый и непринужденный”. Линн действительно поняла, что среди них был достойный преемник Уильяма Хантера.

Чарльз Белл привлек значительное внимание своей критикой художественной анатомии и глубоким знанием человеческого тела, которое он продемонстрировал. Рукопись его “Анатомии выражения” находилась в продвинутом состоянии, ее показывали многим влиятельным людям, включая сэра Джозефа Бэнкса (президента Королевского общества), Бенджамина Уэста, Сидни Смита и др., и общее мнение было таково, что он сделает себе великое имя. Но Чарльз не обманывал себя мыслью, что его путь в важные ситуации будет легким. “Я могу завести несколько хороших друзей, - говорит он, - но не могу привлечь толпу”.

После многих разочарований, когда-то решив вернуться в Эдинбург, мистер Белл снял дом, принадлежавший бывшему спикеру Онслоу, на Лестер-стрит, Лестер-сквер, и оборудовал в нем лекционный зал. Здесь он начал свою деятельность в качестве публичного лектора по анатомии и хирургии с посещаемостью в сорок человек, но всего тремя платными учениками, 20 января 1806 года; а вторая лекция была прочитана аудитории из десяти человек. В феврале он прочитал лекцию перед дюжиной художников, к большому их удовольствию. 10 февраля 1806 года, после почти пятнадцати месяцев пребывания в Лондоне, он получил свой первый гонорар за консультацию.

Много лет спустя, оглядываясь назад на этот период суровой борьбы, он писал: “Когда я вспоминаю те немногие знакомства, которые у меня тогда были — с людьми, которые ничем не могли мне помочь, — я оглядываюсь назад с новым чувством отчаяния, которое я тогда испытывал.... Эти дни несчастья и страданий в значительной степени укрепили меня, так что впоследствии ничто не могло случиться неправильно, ничто, кроме смерти, не могло привести меня к состоянию страдания, подобному тому, которое я пережил тогда.... Я не мог не сожалеть о благородных поприщах, которые были повсюду вокруг меня для приложения усилий в моей профессии и которые, как я обнаружил, были закрыты для меня”. Тем временем знакомые юности в Эдинбурге, Хорнер и Броэм, получали места в министерстве.

В этом году была опубликована его “Анатомия выражения”, которая сразу же была принята с большим одобрением, и многие художники взяли ее в качестве своего учебника. Флакسمан заявил, что, по его мнению, мистер Белл сделал для искусства больше, чем кто-либо другой в ту эпоху. Фузели назвал это по-настоящему ценным.

Чарльз Белл отличался необыкновенной живостью, добродушием и сердечностью. Однажды он пишет: “Группа пандейцев играет перед моим окном. Они заставляют меня его обыскивать. Вчера вечером я устроил здесь небольшой ужин с хорошей игрой на флейте. Это было сделано для того, чтобы Хорнер познакомился с Уилки, шотландскими теннисистами.” На всю жизнь он сохранил эту чувствительность к живой музыке. При звуке знакомого шотландского напева он начинал насвистывать и, отложив работу, брал жену за руку и заставлял ее танцевать с ним из комнаты в комнату.

К осени 1807 года его авторитет как хирурга возрос, и пациентов стало много. Его лекции по хирургии также имели безусловный успех, хотя число платящих учеников было небольшим. Однако в 1808 году у него было тридцать шесть учеников. Его подготовка к лекциям проводилась наиболее добросовестно и ревностно. Его лекции были самыми оригинальными: его открытия шаг за шагом излагались ученикам его класса. Первое упоминание о его результатах в отношении нервной системы содержится в письме от 26 ноября 1807 года, когда он пишет: “Я провел более интересную *новую анатомию головного мозга человека*, чем это возможно представить”. Постепенно это переросло во введение в Нервную систему, которое было показано многим в рукописи. Тем временем должность профессора анатомии в Королевской академии вот-вот должна была стать вакантной, и кандидатуру мистера Белла горячо поддерживали многие из самых выдающихся хирургов и художников. Абернети отказался от идеи выставления кандидатуры в свою пользу. Уилсона отговорили от участия в конкурсе. Сэр Эстли Купер написал письмо, в котором говорилось, что он вне всякого сравнения заслуживает этого поста и станет бесценным приобретением для Королевской академии. Но в конце концов, мистер, впоследствии сэр Энтони, Карлайл был избран и читал лекции всего лишь четырем ученикам своего первого курса. Следует помнить, что даже в больницах лекции в то время ни в коем случае не были обычным делом. Некоторые из самых выдающихся хирургов больниц вообще не читали лекций или выступали лишь изредка. Так что класс Белла из тридцати шести человек действительно был первоклассным.

Свидетельство его оригинального и кропотливого подхода к достижению прогресса было замечено в визите, который он нанес в больницу Хаслар, когда раненные солдаты из Коруньи прибыли домой в январе 1809 года. Эта сцена была самой яркой и впечатляющей для его чувствительной натуры. “Я склонился,” говорит он, “над сотнями несчастных в самом поразительном разнообразии горя и невзгод, выбирая раненых. Каждый день, просыпаясь, я все еще вижу длинную вереницу больных и хромы, медленно отходящих от пляжа: кажется, ей нет конца. В прерывистом и очень медленном движении этих удаленных объектов есть что-то необычайно трогательное”. Из случаев, которые он видел, он многое почерпнул; и заложил основу своего эссе об огнестрельных ранениях, приложенного ко второму изданию его “Оперативной хирургии”.

В 1810 году Чарльз Белл обручился со своей будущей женой Мэрион Шоу, сестра которой Барбара уже несколько лет была замужем за его братом Джорджем. Их братья, Джон и Александр, стали учениками и помощниками Чарльза Белла. В письме к мисс Шоу мистер Белл в свое время во многом поведал ей о печали и меланхолии своих первых лет в Лондоне, угнетенный сознанием того, что не занимает положения, соответствующего его талантам, и повсюду встречая трудности. “Много-много раз, осуществляя свои жизненные планы, я жалел,

что не служу в армии, чтобы избавиться от бремени жизни без дискредитации”. Он женился 3 июня 1811 года.

Следующий год стал еще одной важной вехой в жизни Чарльза Белла. Он принял предложение о партнерстве с мистером Уилсоном в медицинской школе на Грейт-Уиндмилл-стрит. Его собственные приготовления, рисунки и т. Д. Были добавлены в музей уже там, и его радость от того, что они соединились, была велика и безраздельна. Его первая лекция в школе была прочитана классу из 80-100 учеников. Он был на пике своих амбиций, связанных со знаменитой школой на Уиндмилл-стрит. Мистер, впоследствии сэр Бенджамин, Броуди, доктор Роже и доктор Бранде были среди его коллег по чтению лекций. В его новом доме (Сохо-сквер, 34) постоянно проживало столько учеников, сколько он мог вместить; а ему еще не было сорока лет.

В 1813 году он был принят в Королевский колледж хирургов. Поскольку формальное обследование было необходимо, он с удовольствием записывает, что шутливые собаки спросили его, от какой болезни, по его мнению, умрет Буонапарте. В 1814 году подавляющим большинством голосов он был избран хирургом в больницу Мидлсекса и сразу же начал широко использовать свои новые возможности. Его операции и клинические лекции вскоре стали посещать большое количество студентов и даже выдающихся практиков. Русский генерал барон Дризен, получивший пулевое ранение в бедро, был отдан под его опеку, и царь Александр особо похвалил его. Наградой ему был гонорар в 200 фунтов стерлингов и два серебряных кубка, а также большое личное уважение как со стороны генерала, так и его адъютанта.

Когда волнующие известия о Ватерлоо достигли Лондона, тот же дух, который воодушевил его после Ла-Коруньи, побудил мистера Белла отправиться в сопровождении Джона Шоу оказывать помощь раненым. Объем работы был ужасающим. Ничто не было готово, чтобы справиться с внезапно накопившейся массой страданий. мистер Белл, придя к выводу после осмотра ситуации, что он мог бы сделать больше всего, взяв в свои руки необходимые операции с французскими ранеными, начал свои операции однажды в шесть утра и продолжал непрерывно работать до семи вечера, и так далее в течение трех дней подряд. В то время как он ампутировал бедро одному мужчине, там лежали в ожидании тринадцать других, и все они умоляли, чтобы их взяли следующими. “Это было странно, - говорит он, - чувствовать, что моя одежда пропиталась кровью, а руки бессильно сжимаются от напряжения при использовании ножа; и что еще более необычно, обнаружить, что мой разум спокоен среди такого разнообразия страданий; но дать одному из этих объектов доступ к своим чувствам означало позволить себе отстраниться от исполнения долга”.

Кажется странным, что человек, который в 1807 году положил начало тому, что оказалось такой эпохальной серией открытий в отношении нервной системы, так долго позволял им оставаться без широкой огласки. Его рукопись была впервые показана его брату и другим друзьям в 1808 году. Но следует отметить, что когда в 1811 году он частным образом распространил брошюру под названием “Идея новой анатомии мозга”, представленную на обозрение друзьям автора, они восприняли ее без особой оценки и либо не сочли ее удивительно новой, либо сочли изложенные в ней взгляды невероятными. В тот период, когда мозг считался органом мышления, предполагалось, что он также выделяет некоторое количество нервной жидкости через спинной мозг к нервам. Мало что было точно известно о функциях нервов: даже Джон Белл и Эстли Купер советовали срезать лицевой нерв для лечения тика, таким образом

парализуя мышцы лица вместо облегчения боли. Микроскопия еще не выявила множества волокон, из которых состоят нервы, и экспериментальные данные ограничивались сравнительно грубыми формами. Таким образом, при перерезании главного ствола нерва терялись как ощущение, так и движение в частях, снабжаемых нервом. Белл первым разделил функции ощущения и движения и обнаружил, что они осуществляются через отдельные нервные волокна. Он обратил внимание на особые свойства нервов органов чувств, например, на тот факт, что укол зрительного нерва во время операции вызывает восприятие вспышки света, а не ощущение боли; когда покалывание определенных сосочков языка вызывает ощущение вкуса, а не боли, и когда удар по уху вызывает слышание звуков. Таким образом, он пришел к выводу, что в мозге нервные силы различны и своеобразны и обусловлены той частью мозга, из которой они берут начало.

Видя, что в огромном количестве нервов тела функции ощущения и движения, очевидно, сочетаются, Белл вообразил, что эти нервы состоят из различных частей, связанных вместе, и он искал метод определения того, как они сочетаются. Отдельные участки, в которых спинномозговые нервы входят в спинной мозг, образуя два корешка, передний и задний, пришли ему в голову как дающие возможность экспериментального исследования. Теперь он решил провести решающие эксперименты на живых животных, которые должны были решить этот вопрос с помощью хорошо разработанного плана процедуры. Ни один человек не испытывал большего отвращения к причинению ненужной боли, чем Чарльз Белл; ни один человек так остро не переживал страдания своих пациентов. Первая краткая запись результатов такова: “Эксперимент 1. Я вскрыл позвоночник, уколол и повредил задние нити нервов — движения мышц не последовало. Затем я прикоснулся к переднему отделу — все части тела сразу же забили в конвульсиях. Эксперимент 2. Теперь я разрушил заднюю часть спинного мозга острием иглы — судорожных движений не последовало. Я повредил переднюю часть, и у животного начались конвульсии”. Сразу же был сделан вывод, что передний корешок спинномозговых нервов выполняет двигательные функции, а задний - сенсорные.

Этот простой факт произвел революцию в физиологии всего субъекта. Мы не можем сейчас осознать новизну, которая была в достижении такого уровня знаний о нервной системе, или насколько ценной была эта прочная основа для начала разгадки нервного механизма. Мы не можем здесь подробно описывать эксперименты и ход рассуждений, с помощью которых было показано, что пятый черепной нерв в своем общем плане сходен со спинномозговыми нервами, включая отдельные сенсорные и моторные участки; и благодаря которым знания о черепных нервах в целом были широко расширены. Теперь мы отмечаем, что первая статья Белла о нервной системе была прочитана в Королевском обществе 21 июля 1821 года и была принята с большим одобрением. Вскоре он стал широко известен по всей Великобритании и на Континенте, будучи почти всеми признанным поразительно оригинальным. Спор, возникший впоследствии относительно его совершенной оригинальности и независимости, был так окончательно разрешен в пользу мистера Белла благодаря публикации его оригинальной брошюры, рукописи и писем, что здесь нет необходимости приводить описание этого спора. Он сам в полной мере осознавал важность своих открытий: “Я сделал открытие более великое, чем когда-либо было сделано кем-либо другим в анатомии”, - говорит он не тщеславно, а как простое осознание факта.

Применение новых знаний для объяснения многих малоизвестных заболеваний, при которых поражалась нервная система, привлекло пристальное внимание Чарльза Белла. Он быстро

классифицировал и упорядочил случаи, иллюстрирующие действие двигательных и чувствительных нервов, случаи, когда мышцы лица были парализованы, а также различные виды паралича по всему телу. Случаи частичной или локальной боли были объяснены в их связи с соответствующими нервами; расстройства глаз, языка, дыхательных мышц и т. Д. - Все это получило новое освещение в результате его исследований.

Еще одним открытием стало мышечное чувство, с помощью которого мы воспринимаем многие качества окружающих нас предметов и которое даже позволяет нам стоять прямо. Ощущение степени мышечного усилия, прилагаемого при каждом действии, при каждом сопротивлении, в значительной степени формирует наши суждения о внешних объектах и определяет наши действия; и осознанием того факта, что мы воспринимаем это чувством, отличным от осязания, мы обязаны Беллу. Изучение глаза в значительной степени касалось этого вопроса, поскольку мышечные движения глаза имеют такое огромное значение в нашем восприятии. В 1818 году он писал: “Я думаю, что понял, что косоглазие зависит от чрезмерного действия одной из косых мышц и что его можно вылечить с помощью операции. Я ищу пациента, на котором можно было бы это опробовать”. Но из-за отсутствия косоглазой обезьяны, на которой можно было бы провести первое испытание, идея не была доведена до практических результатов, и другим оставалось продумать операцию по излечению косоглазия.

В качестве образца стиля Белла в популярной литературе, которому он уделял большое внимание, мы цитируем отрывок из его бриджуотерского трактата “Рука”, посвященный движениям глаз. “Входя в комнату, мы видим всю ее сразу — зеркало, картины, карниз, стулья; но мы обманываемся, не сознавая движений глаза и того, что каждый объект быстро, но последовательно предстает перед ним. Легко показать, что если бы глаз был устойчив, зрение быстро утратилось бы; что все эти объекты, которые отчетливы и блестящи, являются таковыми из-за движения глаза; что они исчезли бы, если бы это было иначе. Давайте зафиксируем взгляд на одной точке, что трудно сделать из-за самой склонности глаза к движению; но путем повторных попыток мы можем в конце концов приобрести способность фиксировать взгляд на точке. Когда мы это сделаем, мы обнаружим, что вся сцена становится все более и более неясной и, наконец, исчезает. Давайте зафиксируем взгляд на углу рамы главной картины в комнате. Сначала все вокруг становится отчетливым; однако через очень короткое время впечатление ослабевает, предметы кажутся тусклыми, и тогда у глаза появляется почти неудержимое желание побродить; если этому сопротивляться, впечатления от фигур на картине сначала исчезают: на какое-то время мы видим позолоченную раму; но и она становится тусклой. Когда мы уже убедились в этом факте, если мы изменим направление взгляда, хотя бы совсем немного, вся сцена сразу же снова предстанет перед нами совершенной. Эти явления являются следствием того, что сетчатка подвержена истощению”.

Учитывая теплоту, с которой оспаривалась оригинальность взглядов Чарльза Белла, действительно поразительно отметить, как рано он заставил себя отвечать только молчанием. “Это должно быть, - говорит он, - способом признания моих мнений: без некоторой агитации и споров они никогда бы не были распространены. Я доволен, что у меня есть надежная позиция”.

В 1821 году Уилсон умер, и за этим последовало принятие Беллом на себя главной ответственности за школу на Уиндмилл-стрит с большими денежными обязательствами. В 1824 году он был назначен профессором анатомии и хирургии в Королевском колледже хирургов.

Поэтому он с удвоенной энергией принялся за то, чтобы сделать свои лекции максимально полезными для практикующих хирургов. Его первая лекция была прочитана перед аудиторией, переполненной до удушья. Давка продолжалась и на последующих лекциях, многие не смогли попасть на нее.

19 июля 1827 года умер его любимый шурин и помощник Джон Шоу. Он очень страдал от этой потери. В своих открытиях его первой великой целью всегда было “убедить Джонни”. К счастью, этого верного шурина заменил другой, Александр Шоу, впоследствии хирург больницы Мидлсекса, впоследствии прославившийся как защитник его славы и толкователь его доктрин. В том же году созрел проект длительного вынашивания нового Лондонского университета (ныне Университетский колледж), в котором Чарльз Белл должен был возглавить Медицинскую школу. Он прочитал вступительную лекцию и в течение нескольких лет принимал активное участие в ее организации. Однако меры, принятые руководящим советом, во многих отношениях противоречили высоким идеалам преподавания, которых придерживался Чарльз Белл, и свободе процедуры, к которой он столько лет привык в школе на Уиндмилл-стрит. Следовательно, в 1830 году он окончательно ушел из нью-колледжа и почувствовал себя в некотором отношении в затруднительном положении, поскольку открытия и преподавание были самой его жизнью. Практика была для него утомительной необходимостью. Таким образом, период жизни, в который практический успех мог бы сделать его богатым, характеризовался депрессией и унынием, которые в основном облегчались очень необычным развлечением для трудолюбивого лондонского практика, а именно ловлей рыбы нахлыстом. Впервые он увлекся этим видом спорта, проведя день в Паншангере со своим закадычным другом Джоном Ричардсоном. Очевидный восторг его друга от этого занятия, а также свежесть и расслабление, которые оно давало, убедили его в том, что он нашел то, что хотел, чтобы вымести из своего сознания паутину профессиональной жизни. Леди Белл говорит: “Он часто бывал на берегу до восхода солнца — на самом деле, еще до того, как мог видеть своих мух; и он действительно наслаждался этими утренними часами. Я спустилась вниз с его завтраком, захватив книги и все необходимое для того, чтобы скоротать целый день, даже плащи и зонтики, потому что никакая погода нам не мешала. Ему понравилось, что я видел, как он вытаскивает рыбу, и он помахал мне шляпой, приглашая подойти. В перерывах между рыбной ловлей были написаны многие из лучших частей его популярных работ о Руке и механике животных.

Несмотря на чувство разочарования, которое иногда сильно угнетало его, не следует думать, что он был по преимуществу несчастлив. Лорд Джеффри описал его как “счастливого Чарли Белла”; лорд Кокберн писал: “Если я когда-либо знал в целом и практически счастливого человека, то это был сэр Чарльз Белл”. Александр Шоу сказал о нем: “Его разум был садом цветов и лесом выносливых деревьев. Упражнение в глубоких размышлениях доставляло ему огромное удовольствие; и все же он часто признавался, что ему приятно быть еще мальчиком, и он действительно любил жизнь и природу со свежестью юности. Поэтому я повторяю— если когда-либо я знал счастливого человека, то это был сэр Чарльз Белл”. Тем не менее, видя, что он был убежден, “что место профессора, который *занимает его место*, является самым респектабельным в жизни”, мы можем полагать, что болезненное чувство неудовлетворенного желания в значительной степени присутствовало, если не выражалось постоянно. В 1835 году он пишет: “Мои руки подходят для операции лучше, чем любые другие, которые я видел за работой; но жизнь оперирующего хирурга не имеет эквивалентной награды в этом мире... Я должен быть учителем и консультирующим хирургом, чтобы быть счастливым”.

В 1831 году, в связи с восшествием на престол Вильгельма IV, Гвельфийский рыцарский орден был пожалован нескольким выдающимся деятелям науки, в число которых входил Чарльз Белл. Его сотрудничество с Гершелем и Брюстером в этой чести было отрадным и уместным. Теперь при больнице Мидлсекса проектировалась полноценная медицинская школа, в работе которой ему предстояло принять видное участие. Однако не прошло и трех полных месяцев его истории, как городской совет Эдинбурга избрал сэра Чарльза^[19] на кафедру хирургии в университете, и предложение оказалось достаточно привлекательным, чтобы побудить его покинуть Лондон. Он всегда лелеял идею вернуться в Эдинбург когда-нибудь в будущем, и ему казалось, что там есть возможность получить сферу более высокой полезности, чем он мог сейчас надеяться в Лондоне. Более того, его сердце было в Шотландии, на улицах Эдинбурга, в театре— где Монро читал ему лекции, в обществе его старых друзей Джеффри, Кокберна, Уильяма Клерка, Адама Фергюсона и, прежде всего, его брата Джорджа. “Лондон - это место, где можно жить, но не умирать”, - сказал он. “Моим утешением всегда было трудиться ради какой-то великой цели, и моя великая цель изучения была достигнута.... Есть только одно место, где я могу надеяться достичь цели моего научного труда, и это Эдинбург; и это эксперимент ”.

Какими бы успешными ни были его занятия в Эдинбурге и каким бы влиятельным ни стало его положение, следует признать, что эксперимент провалился, поскольку не принес ему того удовлетворения, на которое он надеялся. Практика в Эдинбурге вряд ли могла дать то, что давал Лондон, и вознаграждение за университетскую кафедру не уравнивало этого. Со стороны его коллег-профессоров к нему также проявлялась некоторая холодность. Это был старый пример шотландской сдержанности. “У меня на завтрак был немецкий профессор, ” пишет он, - который привез мне книгу из Парижа — они делают меня более великим, чем Харви. Я молю небеса, чтобы родные дома сделали из меня что-нибудь. Обращаясь к новоиспеченным врачам в конце сеанса, я думал, что справился хорошо; но ни от одного профессора не прозвучало ни единого слова одобрения, и ни один из них за все это время не вызывал меня на консультацию, за исключением случаев, когда это было вызвано желанием пациента ”. Его доход, который в Эдинбурге никогда не был особенно значительным, значительно уменьшился. “Я ставлю свою карету так же бесчувственно, как сбрасываю туфли”, - говорит он; но когда в 1842 году предложение правительства, казалось, могло закончиться отменой привилегий его любимого университета, его волнению не было предела. Он отправился в Лондон, как только смог. Но на него напал желудочный спазм, настолько сильный, что угрожал его жизни. Он поспешил в Лондон, но, находясь в Манчестере, ассистируя на операции, подумал, что ему следовало бы лечь и перекатиться по ковру или выйти из комнаты в разгар операции. В среду, 27 апреля 1842 года, сэр Чарльз и леди Белл добрались до Холлоу-парка, резиденции миссис Холланд, недалеко от Вустера. Глядя на извилистый Северн и далекие холмы, он сказал своей жене: “Это новое место; здесь я хотел бы отдохнуть, пока они не приедут, чтобы забрать меня”. Здесь он нарисовал старый тис, несколько овец и реку; затем двух детей и осла. Возвращаясь, он окинул своим наблюдательным взглядом каждый куст, прокомментировал записки птиц и собрал их перья для своих мух. В тот же вечер после ужина он подарил графические зарисовки знаменитостей-медиков, которых он знал, восхитился гравюрой "Тайная вечеря" Леонардо да Винчи и обсудил ее, и в целом был в таком приподнятом настроении, что сказал своей жене: “Ты когда-нибудь видела меня счастливее или лучше, чем я был все это утро?” и все же в тот день ему несколько раз угрожала неминуемая смерть от страшной болезни, которой страдал Джон Хантер, - грудной жабы. Мы не можем удержаться от того, чтобы процитировать отчет о его кончине (Письма, стр. 400): “Вечерним чтением в ту ночь был 23-й псалом; последняя молитва,

та прекрасная, "О том покое, который мир не может дать", а затем он погрузился в глубокий и спокойный сон. Утром он проснулся со спазмом, который, по его словам, был вызван изменением положения тела. Его жена поднялась, чтобы дать ему настойку опия, но, подзавав ее к себе, он положил голову ей на плечо и там "отдохнул".

Сэру Чарльзу Беллу не было отдано более подобающей дани уважения, чем в "Эдинбург ревью" за апрель 1872 года. Автор говорит (стр. 429): "Никогда не уходил из жизни более мягкий, верный и утонченный дух. Его гений был велик и оставил человечеству наследие, которое сохранит его имя свежим во многих поколениях. Но история его жизни имеет более сильную мораль. Это история человека, который сохранил свои привязанности молодыми, а свою любовь ко всему чистому и утонченному незапятнанной, храбро сражаясь в жизненной битве; чье сердце было столь же нежным, сколь его интеллект энергичным и оригинальным, который, хотя и занял первое место среди своих собратьев, с неослабевающим рвением обратился к своему дому и своим друзьям и нашел там цель, награду и утешение всей своей жизни".

Его похоронили рядом с тисовым деревом, которое он так недавно нарисовал на церковном кладбище Хэллоу. Это место было отмечено простым камнем с его именем, датами рождения и смерти и строкой: "Чистые сердцем узрят Бога". Впоследствии на церковном дворе была установлена табличка с надписью, сделанной его другом на всю жизнь Фрэнсисом (лордом) Джеффри. Часть его звучит так: "Посвящается памяти сэра Чарльза Белла, который, раскрыв с непревзойденной проницательностью, терпением и успехом удивительное строение наших смертных тел, пренебрежительно относился к своим величайшим открытиям, за исключением тех, которые, как правило, давали ему и другим более глубокое представление о бесконечной мудрости и невыразимой доброте Всемогущего Создателя". Его письма, отредактированные его вдовой (1870), являются вечным напоминанием о его прекрасной и благородной натуре.

СНОСКИ:

[19] В декабре 1835 г.

ГЛАВА IX.

МАРШАЛЛ ХОЛЛ И ОТКРЫТИЕ РЕФЛЕКТОРНОГО ДЕЙСТВИЯ.

Характер Маршалла Холла, который делит с сэром Чарльзом Беллом главные почести открытия нервной системы, представляет контраст с его умом в том смысле, что он демонстрирует более активную деятельность ума и более отчетливо медицинский тон в сочетании с поразительной степенью детальной доброжелательности. Таким образом, репутация Холла, как Харви и Джона Хантера, значительно выросла после его смерти. Маршалл Холл родился в Басфорде близ Ноттингема 18 февраля 1790 года, его отец, Роберт Холл, был фабрикантом хлопка и отличался изобретательностью и оригинальностью. Впервые он широко применил хлор в качестве отбеливающего средства, и его самые ранние попытки принесли его заведению эпитет "Бедлам". Он также был очень религиозен, будучи одним из первых последователей Уэсли. Строгое, но доброжелательное благочестие его отца и милый и нежный нрав его матери способствовали росту высокой морали, строгой добросовестности и дружелюбного характера в

их семье, в то время как изобретательские способности отца проявились в его втором сыне, Сэмюэле Холле, плодовитом изобретателе, и не в меньшей степени в его шестом сыне, Маршалле. Не часто случается, чтобы типично хороший и безобидный сын оказывался настолько оригинальным в своей работе. Но у него была спасительная любовь к мальчишеской литературе, такой как "Робинзон Крузо", и он был полон веселья и игривости. Рано его отправили в Ноттингем в школу преподобного Дж. Бланшара, преподавателя Кирка Уайта. Здесь он даже не изучал латынь, хотя его старшие братья получили классическое образование. Французский, по-видимому, был его единственным лингвистическим достижением, и главный факт, зафиксированный в его школьные годы, - это то, что он избил тиранического "большого мальчика" в школе. Но школа для него закончилась в возрасте 14 лет, и его определили к химику в Ньюарке. Вскоре, обнаружив, что его положение утомительно, его дружба с юношей, который готовился к медицинской карьере, заставила его затосковать по аналогичному курсу, и в конце концов его отец был вынужден отправить его в Эдинбург, куда он отправился в октябре 1809 года. Он уже обозначил свое будущее возвышение, встав очень рано, чтобы изучать медицину и химию, и объяснил это так: "Я полон решимости стать великим человеком".

В Эдинбурге он быстро отличился своим прилежным изучением анатомии; его признали первоклассным студентом, а в 1811 году избрали старшим президентом Королевского медицинского общества. Доктор Бигсби говорит о нем: "Немногие люди изменились за время своего жизненного пути так мало, как Маршалл Холл. Как он начал, так и закончил, наслаждаясь трудом — самым трудом — расследования.... Маршалл Холл стремился овладеть всеми запасами знаний, которые либо собрали, либо создали его предшественники; стойкая конституция подкрепляла все его усилия.... Вся его энергия была направлена на формирование искусного врача у постели больного, то есть на облегчение и излечение болезней". О нем говорили: "Холл никогда не устает". За три года обучения он ни разу не пропустил ни одной лекции. Он окончил университет в июне 1812 года и почти сразу же был назначен постоянным домашним врачом в Эдинбургский королевский лазарет. Здесь его любовь к порядку, его рвение и дух исследования проявились в полной мере, и он приложил максимум усилий к изучению диагноза. В 1813 году он прочитал добровольный курс лекций о принципах диагностики, которые легли в основу его хорошо известной работы, впервые опубликованной в 1817 году. Его полезность для младших школьников в больнице была очень велика, и не менее поразительным был его хороший пример чистоты жизни, общения и постоянной жизнерадостности. Его чистомыслие было характерно для всей жизни; Маршалл Холл никогда не привязывался ни к одному человеку с грубым умом или манерами.

В течение своего последнего года в Эдинбурге молодой врач, привлеченный лондонской практикой, благоразумно взвешивал стоимость и риск такого предприятия. Он решил избрать более скромный курс провинциальной практики, подождав, пока его книга по диагностике созреет. Как и в более поздней жизни, так и сейчас он был "силен в надежде, непреклонен в отношении истины и справедливости, но неопытен в мирских делах и неспособен справиться с хитростью или лицемерить при помощи лжи". После нескольких месяцев пребывания в Париже он отправился в Геттинген, а затем в Берлин, чтобы посетить медицинские школы, пройдя в одиночку пешком более шестисот миль от Парижа до Геттингена в ноябре 1814 года. После короткого периода практики в Бриджуотере он начал практику в Ноттингеме в феврале 1817 года и с поразительной быстротой занял лидирующее положение. В 1817 году появилась его работа по диагностике болезней, которая сразу же выделила его как человека высочайшей оригинальности, применяющего точное наблюдение и классификацию симптомов для

выявления и различения болезней. Газета "Ланцет" от 15 августа 1857 года отмечала об этой книге: "Всеобъемлющая, ясная, точная и достоверная, эта работа в основном выдержала испытание сорока годами испытаний. Лучшего еще не было создано". Когда доктор Бейли, племянник Джона Хантера и президент Колледжа врачей, впервые увидел Маршалла Холла, он похвалил его за то, что он сын автора такой выдающейся работы, как "Диагностика". Когда ему скромно сообщили, что автором является он сам, Бейли воскликнул: "Невозможно! это сделало бы честь самому седовласому философу в нашей профессии".

В 1818 году Холл опубликовал работу о заболеваниях, обычно называемых желчными, нервными и т. Д., А в 1820 году - эссе, в котором подвергался нападкам распространенный обычай кровотечений, особенно при определенных заболеваниях, возникающих после родов, которые при таком лечении почти неизменно оказывались смертельными. В 1822 году за этим последовал небольшой том о симптомах и истории болезней, который был особенно ценен при лечении и выявлении внутренних заболеваний. В 1824 году появилась его важная статья О последствиях потери крови в "Медико-хирургических операциях", опубликованная также в расширенном виде в его "Медицинских очерках" в том же году. До этого времени "ланцет" использовался ежечасно, и Маршалл Холл назвал его "мелким инструментом, приносящим огромное зло". Считается, что почти любая боль при любой жалобе, учащенный пульс, головная боль, непереносимость света или шума, возникают в результате воспаления, и кровь приливает потоками, чтобы подавить ее. Именно благодаря его различным работам, касающимся этого вопроса, доктор Холл приобрел широкую известность; поскольку выбрасывание ланцета было очевидным изменением процедуры, за которое могла ухватиться как общественность, так и профессия. В 1825 году юный враг "ланцета" был избран врачом Ноттингемской больницы подавляющим большинством голосов, и ему принадлежала лучшая практика в соседних графствах. Он был неустанно занят: во время прогулок и поездок верхом почти не обращал внимания на внешние события, погруженный в созерцание; дома всегда был занят в своей библиотеке или лаборатории, проводя химические эксперименты, результатом которых стали многочисленные ценные воспоминания; никогда не принимал увеселительных приглашений; неустанно ухаживал за больными бедняками, которых он видел безвозмездно. Он экономил время, занимаясь верховой ездой, будучи хорошим наездником, проезжая по стране темными, как смоль, ночами без происшествий. Он хорошо обращался со своими лошадьми и заслужил их привязанность. "Как так получается, что ваши лошади никогда не падают?" - поинтересовался друг. "Я никогда не даю им времени упасть", - был ответ. Библия, постоянно лежавшая рядом с ним, была еще одним отличительным признаком Маршалла Холла, и он всегда был готов рассуждать о мудрости и милосердии Бога, проявляющихся в строении человеческого тела.

Лондон продолжал привлекать популярного ноттингемского врача. Доктор Бейли предсказал, что если он приедет в Лондон, то через пять лет станет ведущим врачом; сэр Генри Хэлфорд, сменивший его на посту президента Колледжа врачей, несколько лет спустя назвал Маршалл Холла "восходящим солнцем профессии". Мы не можем удивляться, что визит в Лондон в августе 1826 года привел к тому, что он остался там. Его пациенты из Ноттингема, глубоко сожалея о его переезде, продолжали обращаться к нему за консультациями в письмах; и его первый год в городе принес 800 фунтов стерлингов, что является замечательным примером быстрого успеха.

В 1828 году он опубликовал “Комментарии к женским болезням” с графическими таблицами, изображающими состояние таких частей тела, как язык, губы, ногти и т.д., которые он впервые связал с различными заболеваниями у женщин. Он продолжил серию тщательных работ по темам, связанным с кровопусканием. Работы по этим двум темам составили значительную часть его ранней практики.

Тем временем Маршалл Холл женился в 1829 году и вскоре после этого поселился на Манчестер-сквер, где прожил двадцать лет. Желая стать членом Королевского общества, он приступил к специальному исследованию кровообращения, о результатах которого он мог бы сообщить Обществу. После тщательного изучения под микроскопом кровотока в прозрачных частях тела лягушек, жаб, тритонов и т. д. Он пришел к выводу, что все изменения в крови, а также все питание и всасывание тканями материала осуществляются в мельчайших или капиллярных каналах между артериями и венами. Статья, основанная на этом исследовании, была прочитана в Королевском обществе в 1831 году, но ей было отказано в размещении в “Философских трудах”; однако не менее великий человек, Йоханнес Мюллер, ведущий немецкий физиолог, назвал его статью чрезвычайно интересной. Она была отдельно опубликована в 1832 году. Королевское общество, однако, не отвергло следующую статью Маршалла Холла “Об обратном соотношении между дыханием и раздражимостью в животном мире”, которая была объявлена “одним из самых прекрасных примеров широко распространенных наблюдений и ранее разрозненных фактов, сведенных воедино и ставших гармоничными благодаря проницательности и гению выдающегося ума”.^[20]

От последней темы исследователь перешел к теме гибридизации, его взгляды на которую также нашли признание в Королевском обществе. Одной из особенностей его экспериментов по этому предмету было изобретательное устройство для определения температуры летучей мыши, не нарушая ее зимнего сна. К этому времени у Маршалла Холла в доме был целый зверинец животных, физиологию которых он исследовал; мыши, ежи, летучие мыши, птицы, змеи, лягушки, жабы, тритоны, рыбы, в свою очередь, были переданы в дар. Питая отвращение к жестокости настолько, насколько это возможно для человека, он все же видел абсолютную необходимость открытия в первую очередь путем экспериментов на животных истин, которые имели жизненно важное значение как для людей, так и для животных. Мистер Генри Смит с Торрингтон-сквер был его усердным помощником в этих исследованиях. Доктор Холл сказал о нем: “Я никогда не знал человека, настолько точного в своей информации и настолько лишенного эгоизма. Его интерес к моим исследованиям никогда не ослабевал. Он был верен своим назначениям, как сами часы”.

В то время как статьи, получившие отказ от места в “Философских трудах”, проходили через прессу, чтобы появиться как “Критическое и экспериментальное эссе о кровообращении”, с частью рукописи произошел серьезный несчастный случай. Время от времени его отправляли дилижансом господам Дж. Сили, печатники, в Темз-Диттоне, а вечером коронации Вильгельма IV из кареты был украден пакет, содержащий единственную запись значительной серии экспериментов. Эту серьезнейшую потерю можно было восполнить только повторением экспериментов, к которым доктор Холл немедленно приступил с самым христианским хладнокровием.

В начале 1832 года Маршалл Холл был избран членом Королевского общества, и в том же году он опубликовал еще одну статью о последствиях потери крови в “Медико-хирургических операциях”. Оригинальные статьи по практической медицине, которые он написал в этот период, слишком многочисленны, чтобы упоминать их здесь. Мы должны поспешить дать отчет о великих исследованиях Маршалла Холла, посвященных рефлекторным функциям спинного мозга.

Именно во время исследования циркуляции крови в легком тритона Маршалл Холл обратил внимание на факт, из которого вытекли его великие открытия. Голова тритона была отрезана; таким образом, его жизнь, в общепринятом понимании, была уничтожена. Впоследствии был отделен хвост. “Теперь я коснулся внешнего покрова кончиком иглы; он двигался с энергией, принимая различные криволинейные формы! Какова природа этого явления? Я не задел мышцу; я не задел мышечный нерв; я не задел спинной мозг. Я задел кожный нерв. То, что влияние этого прикосновения оказывалось через спинной мозг, было продемонстрировано тем фактом, что явление прекратилось, когда спинной мозг был разрушен. Было очевидно, что то же самое влияние отражалось по мышечному нерву на мышцы, поскольку это явление снова прекратилось, когда эти нервы разделились. И таким образом, мы получили самое совершенное доказательство рефлекторного, или диастальтического, или диацентрического действия”.

Важность этого открытия можно понять из того факта, что до сих пор было сделано лишь несколько значительных достижений в физиологии нервной системы, наиболее важным из которых является открытие сэра Чарльза Белла, доказавшее, что существуют отдельные нервные волокна, отвечающие за движение и ощущения, и что они входят в разные участки спинного и головного мозга. Доктор Эндрю Уитт из Эдинбурга опубликовал в 1751 году работу, в которой он подробно описал движения, которые мог выполнять хобот лягушки после того, как ей отрезали голову, и, естественно, отнес эти движения к спинному мозгу; но значение таких действий не было понято, как и механизм, с помощью которого они выполнялись. Каким-то образом эти наблюдения не привели ни к каким новым принципам. Но поистине оригинальный ум Маршалла Холла вышел за рамки первоначальных фактов, чтобы проследить процесс, и он, наконец, понял природу таких действий, как непроизвольное смыкание век независимо от воли с целью предотвращения попадания вредных веществ или защиты глаза от повреждений. Теперь впервые были объяснены процессы глотания, удушья, рвоты, кашля. Далее, в соответствии с практической целью Маршалла Холла, многие случаи повреждения нервной системы стали более или менее понятными. При параличе головного мозга, когда продолговатый мозг и спинной мозг не были повреждены, было понятно, как можно поддерживать функции животного и как в случаях, когда пациент никаким усилием воли не мог сжать руку, все же раздражения грубой палкой чувствительных нервов ладони руки было достаточно, чтобы вызвать сильное пожатие, поскольку это был простой рефлекторный акт, в котором задействован спинной мозг. Считалось, что первый вдох новорожденного, судорожное смыкание гортани при конвульсиях, приступы спазматической астмы и т. Д. Носят рефлекторный характер; и при многих заболеваниях, которые до сих пор сводили на нет усилия врачей, они стали возможными, потому что был сделан первый важный шаг - понимание феноменов.

Эти открытия оказались настолько далеко идущими по своему значению, что их создание и последующее развитие были делом многих лет почти постоянного труда. Подсчитано, что с

периода его первых экспериментов до конца жизни не менее тридцати пяти тысяч часов было занято доктором Холлом работой, строго связанной с этим предметом. Об открытии впервые стало известно Зоологическому обществу 27 ноября 1832 года: более полный отчет был представлен Королевскому обществу в 1833 году и опубликован в журнале Transactions. Она была немедленно переведена на немецкий и помещена в архив Мюллера. И все же большинство ведущих авторитетов Англии с фатальностью, которая сопутствует открытиям пропорционально их величию, сделали Маршалла Холла объектом поношения и осудили его как распространителя абсурдных и праздных теорий. В 1837 году второй мемуар был прочитан перед Королевским обществом, но был отклонен из его Публикаций; и в самом ненаучном духе предложение доктора Холла показать свои эксперименты перед комитетом не было принято. Даже его предложение отказаться от практики на пять лет, чтобы изучать предмет без перерыва, не обеспечило ему лучшего приема. Более того, медицинская пресса, за исключением the Lancet и очень немногих других, яростно осудила Маршалла Холла. В одном номере ежеквартального журнала не менее четырех статей подвергли критике это открытие, в одной из которых отрицалась его оригинальность, хотя и допускалось, что оно соответствует действительности, в другой взгляды доктора Холла осуждались как новые, но не соответствующие действительности. Долгое упорство этого противостояния было почти невероятным; в течение многих лет один журнал поддерживал его в каждом номере; каждый шаг оспаривался, и то, что было бесспорным, обесценивалось. “Древние работы были извлечены из-под земли в тщетной надежде лишить его оригинальности. Было торжественно объявлено о “Полном предвосхищении”. С одной стороны, его обвинили в том, что он украл свои идеи у старых авторов; с другой стороны, современники восторжеслись и заявили, что открытие принадлежит им; в то время как некоторые оспаривали его истинность и никогда не переставали придирались”.

Хотя Королевское общество отказало ему в каких-либо почестях и в 1847 году, через десять лет после последней статьи, отклонило другую, которую он прислал, с подробным описанием экспериментального исследования связи гальванизма с нервной и мышечной тканями, Маршалл Холл никогда не прекращал своих исследований. Однако он, как и некоторые оригинальные люди, не брезговал отвечать на нападки. Он даже стремился опровергнуть любое неверное утверждение, сделанное о нем и его работе, его точка зрения заключалась в следующем: “С моей стороны это было бы неправдой; и почему я должен бояться заявить правду?” “Я обращаюсь от первой половины девятнадцатого века ко второй”. “Я так же уверен в истинности того, что я выдвинул, как и в своем собственном существовании”. Но в то время как его оппоненты называли его раздражительным и тонкокожим, о нем свидетельствует тот факт, что его характер никогда не был испорчен; ни раздражительность, ни уныние не омрачали его жизнь; он никогда не писал анонимных неблагоприятных отзывов. “Ничто так не радовало его великодушное сердце, - говорит его вдова, - как хвала другим, когда он мог добросовестно это делать; и я никогда не забуду блеск его глаз и приятную улыбку, когда он писал что-нибудь в пользу кого-нибудь из коллег по профессии”.

Теперь у доктора Холла появилась практика. Его исследования дали ему представление о болезнях и расстройствах нервной системы, к которым еще никто не приближался. Большое количество пациентов приходили к нему на консультацию лично или посылали за ним без вмешательства врача общей практики. Доктор Рассел Рейнольдс говорит, что в его “Новых мемуарах о нервной системе” 1843 года с замечательной изобретательностью описан механизм судорожного пароксизма и многих других заболеваний, принимающих пароксизмальный тип.

“Доктору Маршаллу Холлу принадлежит заслуга в том, что он вывел малоизвестный класс судорожных состояний из области полной непонятности. Действие стрихнии как спинального возбудителя или, в малых дозах, как спинально—тонизирующего средства; направление — общее, режимное и медикаментозное - пациента с эпилепсией, позволяющее избегать всех возбудителей, вызывающих судороги; рекомендация трахеотомии при ларингизмальной эпилепсии; и простой, но прекрасный “Готовый метод при асфиксии”, были среди более поздних усилий великого гения доктора Холла.... Двумя выдающимися чертами его обращения были простота и настойчивость. Мы видели множество случаев, когда прием им простых слабительных в сочетании со строгими режимными мерами приводил к необычным излечениям; и мы знаем о людях, ранее страдавших параличом нижних конечностей, которые теперь здоровы, которые под его руководством гораздо дольше года болели стрихнией; и о так называемых эпилептиках, которые медленно выздоравливали от самого ужасного сочетания симптомов, пока доктор Холл шестнадцать или восемнадцать месяцев держал их под воздействием ртути”. Даже при самом тяжелом напряжении практики он находил время для продолжения своих исследований и публикации своего опыта. В 1845 и 1846 годах вышли два небольших тома “Практических наблюдений и рекомендаций в медицине”, в которых большое количество медицинских тем было изложено настолько кратко и красноречиво, что они сразу же были приняты широким кругом читателей. Говорят, что глава об использовании спиртового лосьона при легочном чихе спасла множество жизней; другая, посвященная “Болезни темперамента”, наиболее интересна для изучающих природу человека, а также медицину.

Друг, мистер Генри Грегори из Херн-Хилла, у которого было много профессиональных и дружеских контактов с доктором Холлом, говорит о нем: “В дебатах или спорах, казалось, ничто не ускользало от его проницательности. Его скрупулезность в выявлении мелочей, о которых другие не задумывались, была замечательной; от одного маленького атома, так сказать, исходил такой яркий свет, что я мог только сидеть и восхищаться его замечательными умственными способностями. Он был великим человеком и гением и, как все по-настоящему великие, не выставлял себя напоказ.... Он был воспитателем интеллекта; его областью были чисто научные исследования. Серьезная деятельность его ума заставляла его двигаться вперед, и каждый его шаг вперед был очищением от ошибок и установлением истины.... В чрезвычайных ситуациях он действовал быстро и осторожно; когда его охватывало тревожное возбуждение, это не мешало ему рассуждать здраво. В опасных и трудных случаях он всегда был спокоен. Его глубокое чувство долга и ответственности было нескгибаемым”. Свидетельства о его большом успехе в завоевании доверия своих пациентов совпадают по всему миру; молодые и пожилые с восторгом ждали его визитов. Он всегда будет наиболее точно направлять ответственную медсестру и постарается всеми возможными способами обеспечить проведение его специального лечения. Его пытливые и заостренные вопросы нередко обнаруживали “скрытые припадки”, как он их называл, о которых пациенты или друзья совершенно не подозревали или не понимали. Его способность изобретать лекарства забавно иллюстрируется его рецептом ленивой леди, согласно которому она должна была ежедневно ходить пешком к Серпантину из своего дома и макать в него палец. Желательность здорового умственного труда и поощрение счастья и приятных обычаев в целом были излюбленными темами его наставлений. Сочувствие и доброта сквозили во всех его манерах. Шотландский священник сказал ему: “Ты ставишь свою душу на место души своего пациента”. Но он питал отвращение ко всем уговорам и льстецам; он ненавидел грубость. Он не стал бы принижать свое собственное возвышенное чувство независимости ничем, приближающимся к нему. Можно

было бы предположить, что столь отзывчивая натура была бы уступчивой; но его дух и достоинство соответствовали его симпатии и были равны ей. То, что он мог помогать бедным и нуждающимся представителям среднего класса, не позволяя и не заставляя их чувствовать ни малейшей разницы между собой и богатыми, было лишь еще одной чертой его благородного характера.

Это был великий врач, который никогда не мог найти работу врача ни в одной лондонской больнице. Его медицинское образование было почти полностью ограничено школами, которые находились за пределами тесного круга больничных школ. В 1834-6 годах он читал лекции по медицине в школе Олдерсгейт, а затем поступил в школу на Уэбб-стрит (что у Грейнджеров), заняв аналогичную должность. Он также в течение двух лет читал лекции в “Сиденхэм-колледже”, основанном рядом с Университетским колледжем. Но напряжение от одновременного чтения лекций в этих двух школах оказалось слишком сильным для его голоса, и он не смог закончить свой курс в 1839 году. В 1842-6 годах он читал лекции по нервным болезням в медицинской школе больницы Святого Фомы. В них он проиллюстрировал многие моменты замечательными схематическими портретами паралитических пациентов. Его лекции были прочитаны экспромтом после тщательной подготовки и изложены чрезвычайно четко, без какой-либо эффектности. Читая лекции в школе, не связанной с больницей, он по очереди приглашал своих учеников позавтракать к себе домой, чтобы они могли затем повидать некоторых из его более бедных пациентов и обсудить с ним их случаи. Одного примера его заботы о своих учениках достаточно, чтобы выделить любого человека из числа его собратьев. Студент был прикован к своей комнате на три или четыре недели из-за болезни, и доктор Холл регулярно приходил к нему домой, чтобы дать ему *резюме* своей лекции и того, что последовало за ней. Неудивительно, что класс был привязан к нему с нежностью и что ни за одним лектором никогда не следили так внимательно. Примеры привязанности и отношения, по-разному проявлявшихся между ним и его учениками, являются одними из самых интересных записей в медицинской биографии.[21]

Хотя ему было отказано в членстве в Колледже врачей до 1841 года, Маршалл Холл, наконец, был полностью признан колледжем, поскольку был назначен читать лекции Гулстониана в 1842 году и Круниана в 1850 году, 1 и 2. На этих курсах, которые в основном посещали, он полностью объяснил свои взгляды и открытия в области нервной системы и нервных заболеваний, а также в области общего медицинского лечения. Они были опубликованы позже, в виде “Конспектов” каждого курса, in quarto.

Несмотря на свое отвращение к чему-либо подобному вражде в медицинской политике, Маршалл Холл принял видное участие в формировании Британской медицинской ассоциации, сразу же был избран в ее Совет и произнес речь о медицинской реформе в 1840 году. Он был на своем истинном месте в каждой филантропической программе, которая нуждалась в медицинской пропаганде. Открытые железнодорожные вагоны были обречены, когда он объявил их опасными для здоровья; бесчеловечная порка солдат, очевидно, была осуждена, когда он объяснил характер повреждений, нанесенных кожным нервам, и постановление о поражении сердца электрическим током. Он даже написал статью о высших степенях чисел в журнале "Механика" и проявил интерес к разработке новых форм спряжения греческих существительных и глаголов. Он решительно выступал за новую Фармакопею, основанную на десятичной системе счисления. Еще в 1850 году он предложил в брошюре новые работы по канализации Темзы, более детально развив свои идеи в 1852 и 1856 годах. Многие из его

взглядов и планов с тех пор были приняты: другие должны быть и будут по-прежнему осуществляться, если мы хотим должным образом и благотворно осушить Лондон.

Не следует думать, что Холл был настолько поглощен учебой и практикой, что не мог отдохнуть. Никто так не наслаждался путешествиями, тонизирующим действием открытого воздуха, переездом на Континент, туром в Америку; и он неукоснительно принимал все это и наслаждался с *самозабвением* ребенка. Его восторг от великолепных пейзажей был чрезвычайным; и он тешил свой вкус, в сезон совершая очень обширные поездки по Европе. Его визит в Америку был специально предпринят в 1853 году с целью изучения рабства путем личного наблюдения. В Нью-Йорке и других городах он читал лекции по запросу, иллюстрирующие его открытия. От Квебека до Нового Орлеана и даже Гаваны его слава опередила его, и его чествовали и слушали со всей церемонностью и энтузиазмом, какие только могла выдержать его замкнутая натура. В Гаване он в течение двух часов читал лекцию на французском, и студенты-медики города навещали его снова и снова, жажда информации из первых рук. Доктор и миссис Холл вернулись в Англию в апреле 1854 года; и очень скоро после этого он опубликовал свою небольшую книгу “Двойное рабство в Соединенных Штатах”. Эта тема была одной из тех, которые наиболее глубоко интересовали философский и религиозный склад ума Маршалла Холла; и для глубины его философии показательно, что он был достаточно дальновиден, чтобы быть уверенным, что неподготовленная отмена рабства была бы далека от совершенного блага для раба, в то время как все же он считал продолжение рабства порочным и унижающим достоинство, финансово разорительным и имеющим тенденцию порождать войны. Его средствами правовой защиты были, во-первых, образование; во-вторых, назначение добросовестной работы; в-третьих, привилегия сверхурочной работы, за которую нужно платить, и выплаты накапливались до тех пор, пока свобода не могла быть приобретена с помощью пропорциональных дополнений со стороны федерального правительства и правительств штатов. Мог ли его план когда-либо осуществиться, теперь уже никогда не будет известно. То, что многие из зол, которые он предвидел, последовали за сохранением рабства и внезапной отменой рабства, является несомненным фактом.

Физическое состояние Маршалла Холла было перенапряжено его усилиями и борьбой, и он становился все более подверженным тяжелому ларингиту. Совершив очередное путешествие по континенту зимой 1854-1855 годов, он проявил свою яркую интеллектуальную энергию, посвятив себя в Риме изучению иврита. Он нанял раввина, чтобы тот обучал его, и, бодрствуя по ночам или рано на рассвете, работал над своим новым кабинетом с усердием кандидата в трипо, и никогда еще ученик не добивался более быстрых успехов. Он поднялся на Везувий во время извержения в мае 1855 года, что было серьезным делом для шестидесятипятилетнего мужчины. Летом в Париже он за три месяца написал работу на французском языке, подробно описывающую его исследования спинномозговой системы, посвященную М. Флуранс, который всегда проявлял самую высокую оценку его трудов как составляющих великую эпоху в физиологии. Луи, великий врач, и его жена были одинаково горячи в своей оценке и привязанности к нему. 5 декабря 1855 года Маршалл Холл был избран членом-корреспондентом Французской академии наук 39 голосами из 41.

Вернувшись в Англию в конце 1855 года, Маршалл Холл с характерным для него рвением сосредоточился на новом предмете, натолкнутый на мысль чтением “Правил восстановления очевидно утонувших” Общества защиты прав человека. Он заметил: “В лечении нет ничего, что могло бы восстановить дыхание”. Он сразу же обдумал этот вопрос в свете своих исследований

по физиологии дыхания, и когда он мысленно разработал свою систему восстановления, приступил к экспериментам, чтобы проверить их. До сих пор считалось, что бесполезно пытаться восстановить тех, кто был погружен в воду на три-четыре минуты. Он сказал секретарю Общества защиты прав человека: “Если мы примем это как должное, мы ничего не будем предпринимать; несомненно, стоит приложить усилия для восстановления после более длительного периода”. Его метод искусственного дыхания, заключающийся в повороте тела сначала на лицо, затем на бок и повторении движения в течение четверти часа, равномерном надавливании на заднюю поверхность грудной клетки в положении лежа и устранении его при повороте на бок, известен во всем мире как метод Маршалла Холла и спас тысячи жизней. Добавлены многочисленные детали для повышения эффективности лечения. Но Общество защиты прав человека холодно отнеслось к новому плану и долгое время упорно игнорировало его. Национальный институт спасательных шлюпок мудро перенял его; медики приняли его с одобрением; он применялся для оживления мертворожденных младенцев и восстановления тех, кому грозила смерть от асфиксии по другим причинам, помимо утопления. В то же время, когда проходило судебное разбирательство по делу Палмера об отравлении, доктор Холл обратил внимание на легкость, с которой присутствие стрихнии можно было доказать, введя любое подозрительное вещество молодым лягушкам, на которых подействовала бы пятитысячная часть зернышка стрихнии.

Но теперь он начал поддаваться последствиям своей давней болезни горла. Отхаркивание крови участилось, затруднения при глотании усилились; временами он был близок к абсолютной голодной смерти, и его страдания были ужасны, но его терпение и покорность были изумительны. После нескольких месяцев ужасной болезни, во время которой жизнерадостность никогда не покидала его, он умер 11 августа 1857 года от изъязвления верхней части пищевода и трахеи. Во время болезни его ум был таким же активным, как и всегда, он постоянно записывал свои новые идеи и более полно развивал свои прежние открытия. Повсюду он был особенно умен и нежен со всеми маленькими детьми; манера, с которой он участвовал в детских забавах, была самой изысканной, которую можно было наблюдать. Его христианская вера была безоблачной; по его словам, религия была для него главным. В простоте, красоте и счастье своего характера он напоминал сэра Чарльза Белла, истинным преемником которого он был.

СНОСКИ:

[20] "Медикал Таймс энд Газетт" от 29 августа 1857г.

[21] Мемориалы Маршалла Холла, написанные его вдовой, 1861 год.

ГЛАВА X.

СЭР БЕНДЖАМИН БРОУДИ И СЭР УИЛЬЯМ ЛОУРЕНС, ДВА ВЕЛИКИХ ХИРУРГА-ПРАКТИКА.

Влияние наследственности, а также связей с талантливыми людьми хорошо проиллюстрировано на примере сэра Бенджамина Броуди. Его дед по отцовской линии,

Александр Броуди, был уроженцем Банфшира, приехавшим в Лондон как скромный авантюрист и почти как беженец-якобит. Он женился на дочери врача по фамилии Шоу, происходившей из такой же якобитской семьи и имевшей такие же связи. Броуди стал армейским портным, а одна из его дочерей, вышедшая замуж за доктора Денмана, выдающегося врача-акушера, была матерью лорда Денмана. Маргарет и София, дочери—близнецы доктора Денмана, вышли замуж - за сэра Ричарда Крофта, который лечил принцессу Шарлотту после ее смерти в 1817 году, и за доктора Мэтью Бейли, выдающегося врача и племянника Джона Хантера. Жена армейского портного сама была женщиной со значительными способностями, и поговаривали, что в семье была королевская кровь.

Отец сэра Бенджамина получил образование в Чартерхаусе и Оксфорде. Мальчиком ему покровительствовал первый лорд Холланд, и он проводил много времени в Холланд-хаусе. Между ними существовала теплая привязанность, которую разделял Чарльз Джеймс Фокс. Когда лорд Холланд умер в 1774 году, он распорядился в своем завещании, чтобы мистер Броуди, принявший священный сан, был представлен в следующий раз к тому месту, где его жилище первым освободится. Это желание вскоре было исполнено, и Уинтерслоу в Уилтшире стал домом Броди. Преподобный мистер Броуди женился в 1775 году на дочери мистера Коллинза, банкира из Солсбери; и от этого брака Бенджамин Коллинз Броуди был третьим сыном, родившимся в 1783 году.

Сэр Бенджамин в своей “Автобиографии” дает приятную картину своего отца, человека с глубокими классическими знаниями, огромной энергией, близким знакомством с прихожанами и преданностью своим приходским обязанностям. Несмотря на значительное состояние своей жены, мистер Броуди обнаружил, что не может позволить себе отправить всех своих сыновей в государственные школы, и поэтому решил обучать их сам. Старшая сестра, которая присоединилась к братьям на уроках, стала неплохим знатоком классики. Под строгой дисциплиной своего отца дети выросли в привычке к методичной учебе, и сэр Бенджамин пишет, что безделье даже на один день всегда было для него утомительным в дальнейшей жизни, и у него было мало склонности к каким-либо занятиям без определенной скрытой цели. В семи милях от Солсбери семья научилась быть самостоятельной во всех вопросах, и их уединение мало что меняло, за исключением случайных визитов кузенов, таких как лорд Денман, который в течение года был постоянным учеником мистера Броуди после окончания Итона, и нескольких других, одним из которых впоследствии стал доктор Матон, известный лондонский врач, и (сэр) Джон Стоддарт, впоследствии главный судья Мальты. Сила характера проявилась особенно ярко, когда в 1798 году братья собрали роту добровольцев по тревоге о французском вторжении. Старший в девятнадцать лет получил звание капитана, в то время как Бенджамин, которому было всего четырнадцать, был назначен прапорщиком. Большие усилия были приложены к муштре этой роты, и офицеры тратили свое жалованье на развлечения солдат в большом амбаре; и влияние, которым уже обладала молодежь, было очевидно в поддержании и увеличении численности корпуса и внимании, уделяемом муштре. Старший брат, Питер, стал выдающимся адвокатом по сделкам с недвижимостью. Второй был местным банкиром, владельцем газеты и представлял Солсбери в трех парламентах.

Приближаясь к взрослому возрасту, Броуди много читал по естественным наукам, философии и общей литературе. Осенью 1801 года, когда для него была выбрана профессия врача, он отправился в Лондон без какой-либо особой склонности к занятию, в котором ему суждено было так ярко блистать. В книге “Спустя годы” он высказывает свое мнение о том, что лучше

всего преуспевают в профессиях те, кто пришел к ним не из непреодолимых побуждений, а, возможно, в силу каких-то случайных обстоятельств, и упорно продолжают свой путь из чувства долга или потому, что им больше нечем заняться. “Они часто чувствуют, что их новое занятие поначалу достаточно непривлекательно; но по мере того, как они продвигаются дальше, приобретают знания и обнаруживают, что получают некоторую степень признания, дело меняется; и с этого времени они с каждым днем все больше интересуются тем, чем занимаются” — большое поощрение для подавляющего большинства студентов, которые не чувствуют стимула и вдохновения от гениальности.

Во время своего первого сезона в Лондоне юный Броуди посещал курс анатомии Абернети, и к его влиянию можно отнести выбор хирургии в качестве своего особого призвания. “Он поддерживал наше внимание, ” говорит Броуди, “ так что оно никогда не ослабевало, и то, что он сказал нам, невозможно было забыть”. Одной из его самых ранних дружеских отношений была та, которую он завязал с Уильямом Лоуренсом, будучи сокурсником. Это продолжалось непрерывно на протяжении всей жизни, и хотя их можно было рассматривать как соперников, никакой ревности между ними никогда не возникало. Но Броуди больше чувствовал себя дома со своими друзьями-немедиками, своим старшим братом, у которого он жил, Денманом, Меривейлом, Рэем, Стоддартом, Гиффордом (впоследствии лордом Гиффордом) и Мэтоном. Последний основал в Лондоне Академическое общество как своего рода пересадку из Оксфорда, и здесь Броуди был представлен лорду Гленелгу и его брату Роберту Гранту, Фрэнсису Хорнеру, доктору Бейтману и “молодому шотландцу неотесанной внешности”, впоследствии лорду Кэмпбеллу. Перед этим Обществом Броуди читал статьи о метафизических исследованиях и о принципах науки, демонстрируя свои философские наклонности. Беркли был автором, оказавшим на него наиболее сильное влияние благодаря своим ясным рассуждениям и простому, незатронутому стилю - терминам, которые особенно подходят к творчеству самого Броуди.

В 1802 году лекции Уилсона по анатомии на Грейт-Уиндмилл-стрит были главным профессиональным увлечением Броуди. “Я от природы был очень неуклюж в обращении со своими руками, - говорит он, - и только приложив к себе большие усилия, я стал совсем другим”. Весной 1803 года он стал учеником Хоума (впоследствии сэра Эверарда) в больнице Святого Георгия, продолжая также свои анатомические исследования. В конечном счете он стал ассистентом сэра Эверарда как в больнице, так и в частной практике. Из этой связи, однако, он извлек небольшую денежную выгоду, но, помогая Хоуму в его исследованиях в области сравнительной анатомии и физиологии, он извлек несомненную выгоду. Однако в 1805 году Броуди стал демонстратором в анатомической школе Уилсона. Он был представлен сэру Джозефу Бэнксу, а через него лучшим ученым того времени. Могут ли быть более благоприятные условия для прогресса или обстоятельства, более непохожие на леденящее душу уединение и пренебрежение, которые так часто мешали и затмевали достойных людей?

Броуди продолжал демонстрировать, а с 1809 года читал лекции на Грейт-Уиндмилл-стрит, пока в 1812 году (сэр) Чарльз Белл не стал там главным лектором. В 1808 году под влиянием Хоума он был назначен ассистентом хирурга в больнице Святого Георгия и фактически почти с того же времени выполнял работу полноценного хирурга. Частной практикой он почти не занимался, поскольку его руки были заняты анатомической и больничной работой. Роберт Кит и Броуди ежедневно бывали в больнице и следили за всем; не было ни одного срочного случая, который они не посетили бы вечером. Этот хирургический опыт сразу же был использован Уилсоном с

пользой, который попросил Броуди присоединиться к нему в чтении лекции по хирургии. С 1809 года и далее в течение почти двадцати лет Броуди читал этот курс лекций, и его хорошо посещали студенты; кроме того, до 1840 года он читал лекции по хирургии в больнице Святого Георгия. В 1809 году он снял дом на Саквилл-стрит и принял трех частных учеников, а в 1810 году, благодаря увеличению своих средств, почувствовал себя вправе заняться физиологическими исследованиями, стимулируемыми исследованиями Биша. Он был избран членом Королевского общества в 1810 году; и той же и следующей зимой представил Обществу две ценные статьи, одну "О влиянии мозга на работу сердца и выработку тепла у животных", а другую "О действии, производимом некоторыми растительными ядами". Первая была прочитана как Крунианская лекция в 1810 году. Эти работы, хотя и в значительной степени замененные недавними исследованиями, были весьма примечательны для своего времени, и впервые он был награжден медалью Копли в 1811 году, которая никогда прежде не вручалась столь молодому человеку.

Стоит отметить, что в 1850 году Королевское общество наградило медалью второго сэра Бенджамина Броуди за его исследования "химической природы воска". За исключением двух Гершелей, это единственный случай, когда отец и сын удостоились этой чести. Возможно, наиболее известной из физиологических работ Броуди была работа о влиянии нервной системы на выработку животным тепла, опубликованная в 1812 году. Он пришел к выводу, что животное с удаленными нервными центрами или с приостановкой их функций наркотическим ядом теряло способность вырабатывать тепло, даже несмотря на то, что работа легких поддерживалась искусственным дыханием. Броуди использовал малоизвестный в то время яд вурара, привезенный доктором Бэнкрофтом из Гвианы, чтобы приостановить нервное действие. В последующем увеличение практики оставляло мало времени для дальнейших физиологических исследований.

Наконец Броуди женился (в 1816 году) на Энн, третьей дочери сержанта Селлона, его невесте было всего девятнадцать. Это был во всех отношениях счастливый брак; и сэр Бенджамин всегда тепло признавал превосходное моральное воспитание их детей своей женой. В год их брака профессиональный доход Броуди от гонораров и лекций составил 1530 фунтов стерлингов. В течение нескольких лет он уделял особое внимание болезням суставов, которые тогда были очень плохо поняты; и в 1819 году он опубликовал свой классический труд "О патологии и хирургии заболеваний суставов". Он четко различал заболевания различных тканей, из которых состоят суставы, а также истерические, невралгические и просто местные заболевания. Многие конечности, в которых после удаления не было обнаружено никаких заболеваний, в то время были удалены просто потому, что в них ощущалась боль. Историю, рассказанную в "Ланцете" на эту тему, стоит воспроизвести.

"Однажды поздно вечером к нам в офис зашел человек и попросил о встрече с редактором "Ланцета". Когда его ввели в наше святилище, он положил на стол сверток, из которого извлек очень красивую и симметричную нижнюю конечность, которая, очевидно, принадлежала женщине. 'Вот!' сказал он. 'С этой ногой что-нибудь не так? Вы когда-нибудь видели ногу красивее? Что делать с человеком, который ее отрезал?' Когда до нас дошел смысл этих расспросов, мы выяснили, что это была нога жены нашего вечернего посетителя. Он привык восхищаться ногами этой дамы, совершенство которых она, по-видимому, полностью осознавала. За несколько дней до этого он вызвал ее гнев, и они жестоко поссорились, после чего она ушла из дома, заявив, что отомстит ему и что он никогда больше не увидит объекты

своего восхищения. Следующее, что он услышал о ней, было то, что она была пациенткой в больнице, и ей ампутировали ногу. Она заявила хирургам, что испытывает невыносимую боль в колене, и умоляла удалить конечность — ходатайство, которое хирурги удовлетворили и, таким образом, стали инструментом ее абсурдной и самоистязательной мести своему мужу”.

Теперь можно считать, что Броуди прочно завоевал общественное расположение. Его доход в 1819 году превысил доход предыдущего года на 1000 фунтов стерлингов. Он наслаждался близким знакомством с лордом и леди Холланд, и сияние их дружбы оказало сильное влияние на практику. В 1819 году Броуди переехал на Сэвил-Роу и в том же году был назначен преемником Лоуренса на посту профессора сравнительной анатомии и физиологии в Колледже хирургов. В этом качестве он читал лекции в течение четырех лет, каждый раз излагая новые и оригинальные материалы. Они составляли ужасное дополнение к его трудам, и он завершал их, только отрывая много часов от необходимого сна. Однако он отмечает, что мало что способствовало его совершенствованию больше, чем композиция его лекций и привычка записывать свои знания и мысли. Это позволило ему выявить свои собственные недостатки и избежать поспешных выводов, а также научило его быть менее тщеславным в отношении собственного мнения.

Можно сказать, что важная отрасль современной хирургии получила свое развитие благодаря операции, впервые проведенной Броуди. В настоящее время очень распространены подкожные операции, при которых в коже делается малейшее отверстие и часто под ним делаются значительные разрезы или другие вмешательства, и эта процедура имеет наибольшее значение в ортопедической хирургии и для облегчения мышечных и сухожильных сокращений различного рода. Броуди впервые выполнил подкожную операцию для облегчения варикозного расширения вен ног в 1814 году, и несколько подобных случаев были опубликованы им в седьмом томе “Медико-хирургических трудов”. Если с именем Броуди не связано никаких других важных оперативных улучшений, то это не потому, что он не оставил своего следа в этой области практики, а скорее потому, что он был инициатором бесчисленных незначительных улучшений. В частности, он отличился в разработке усовершенствований хирургических инструментов и аппаратуры.

В 1821 году Броуди был вызван к Георгу IV, который очень хотел, чтобы он выполнил операцию, которая из уважения к лорду Ливерпулю была поручена сэру Эстли Куперу. С тех пор Броуди всегда оставался фаворитом Георга IV. и часто навещал его во время его последней болезни, каждый вечер отправляясь в Виндзор, навещая короля в шесть утра и оставаясь с ним на час или два, прежде чем вернуться в Лондон. Когда Вильгельм IV взошел на престол, Броуди был назначен сержантом-хирургом и вскоре после этого получил титул баронета. К тому времени он уже несколько лет возглавлял свою профессию, сменив сэра Эстли на пенсии в 1828 году. В 1823 году его доход составлял уже 6500 фунтов стерлингов; в течение многих лет его практика приносила ему 10 000, а иногда и 11 000 фунтов стерлингов в год. Это был очень значительный доход, учитывая ту небольшую его долю, которая была получена от операций. Гораздо большую роль он принимал в сборах за одну гинею, и таким образом видно, как высоко ценилось его мнение в хирургических случаях. Действительно, он часто, особенно после своего ухода на пенсию из больницы Святого Георгия в 1840 году, отказывался выполнять важные операции, к которым не испытывал особого влечения. Но о его неизменной популярности и влиянии

свидетельствует тот факт, что его общие поступления от гонораров, от первого до последнего, значительно превысили доходы сэра Эстли. Он часто говорил, что всегда помнил слова Уильяма Скотта (впоследствии лорда Стоуэлла) своему брату Джону (впоследствии лорду Элдону): “Джон, всегда держи в поле зрения должность лорда-канцлера, и ты обязательно получишь ее в конце концов”. И аналогичная цель и отличие были у Броуди.

Между тем общественные интересы ни в коем случае не упускались из виду в частной практике. Броуди во многом принадлежит заслуга в том, что он положил конец карьере Сент-Джона Лонга, модного медицинского самозванца. Однажды днем сэр Бенджамин направлялся навестить друга в Хэмпстед, когда его позвали повидать некую мисс Кэшин. Обнаружив у нее на спине огромную рану, вызванную лечением Лонга, он воскликнул: “Да ведь это ничем не лучше убийства!” Леди умерла, и, судя по выражениям сэра Бенджамина, было проведено дознание, за которым последовал суд и осуждение Лонга. Однако такова была сила модных пристрастий в пользу самозванца, что судья, мистер Джастис Парк, просто оштрафовал его на 250 фунтов стерлингов, которые он сразу же выплатил. Повторный судебный процесс по другому делу, когда в результате обращения с ним наступила смерть, завершился оправдательным вердиктом.

В 1834 году сэр Бенджамин занял первую вакансию, которая образовалась после его назначения сержантом-хирургом в Коллегии экзаменаторов Хирургического колледжа; это было сделано по рецепту из-за его придворной должности. Эта обязанность показалась ему очень утомительной, и он отказался от нее, когда новый устав, в получении которого он во многом способствовал, больше не предоставлял этой привилегии сержанту-хирургу.

В 1839 и 40 годах сэр Бенджамин был президентом Королевского медицинского и хирургического общества, и здесь он снова блистал. В дополнение к своему самому ценному вкладу, он преуспел в привлечении других. Он посещал занятия с большим усердием; ему никогда не приходило в голову сказать что-нибудь интересное; он стимулировал дискуссию, когда создавался противоположный прецедент; и ему была обязана очень большая доля процветания Общества. Конечно, президентство в Королевском колледже хирургов выпало на его долю. Когда был учрежден Генеральный медицинский совет, сэр Бенджамин по общему согласию был призван на пост Президента; а в 1858 году он удостоился еще более замечательной чести быть призванным на пост Президента Королевского общества, который он с достоинством и мудростью занимал до 1861 года. Мы не можем здесь описать все важные должности, которые занимал Броуди, или все ценные сообщения, которые он сделал ученым обществам и различным журналам. К счастью, его очаровательная автобиография очень доступна и опубликована отдельно, а также в превосходном собрании сочинений в трех томах 1865 года под редакцией мистера Чарльза Хокинса.

Легко представить, что длительные роды Броуди могли быть вызваны только крепким телосложением. Он был не совсем крепким, но благодаря тщательному уходу удалось сохранить отличное здоровье. В 1834 году, находясь на острове Уайт, он упал с пони и вывихнул правый плечевой сустав, который долгое время после этого болел. В июле 1860 года у него ухудшилось зрение, и в конце концов он подчинился удалению радужной оболочки обоих глаз мистером (ныне сэром Уильямом) Боуменом. Позже его прооперировали по поводу катаракты, но все усилия сохранить хорошее зрение были тщетны. В июле 1862 года у него начались боли в

правом плече, и в конце концов он умер от раковой болезни в этом суставе 21 октября 1862 года. Он был похоронен в Бетчворте, графство Суррей, в приходе которого находится купленное им поместье Брум-Парк.

“Ланцет” сказал о нем: “Это истинная похвала сэру Бенджамину Броуди, если сказать, что он был более выдающимся врачом-хирургом, чем оперирующим хирургом. Его призванием было больше лечить конечности, чем удалять их. Его воображение никогда не было ослеплено блеском ножа, каким-либо грандиозным оперативным выступлением. Однако он всегда был самым уравновешенным и успешным оператором: легкость рук, осторожность без робости, неизменное хладнокровие и изобилие ресурсов были его отличительными чертами. Он не скрывал своего мнения, что оперативная часть хирургии не является ее высшей частью. Диагностика всегда была его сильной стороной, и поэтому его мнение всегда глубоко ценилось профессионалами и общественностью. Мы полагаем, что его сердце принадлежало больнице, а не частной практике, но почти во всех случаях мужчины больше любят свои ранние занятия, чем те, которые приходят позже. Как учитель, он всегда отличался ценностью того, что ему приходилось сообщать. Те, кто слышал его в начале его карьеры, говорят, что тогда он был скорее энергичным, чем отточенным; что он, казалось, боролся с тяжестью фактов, которые накопились в его голове. Но в последующие годы его речь стала беглой и совершенной. Ни один человек его профессии не мог говорить с большей готовностью и изяществом, чем сэр Бенджамин Броуди”.

Доктор Бабингтон, президент Королевского медико—хирургического общества, так охарактеризовал Броуди: “Как хирург—практик сэр Бенджамин Броуди добился успеха, намного превосходящего успех большинства его современников, и этим он, по-видимому, обязан не внешности или манерам, не эксцентричности, не необычной вежливости, с одной стороны, или прямоте или бесцеремонности с другой, а законному влиянию высокого уровня интеллекта, полностью посвященного практическому применению запасов хирургических знаний, приобретенных его усердием и опытом”. - за здравые, хорошо обдуманнные и решительные мнения, которые, несомненно, получали от него его пациенты, и за доверие, которое внушали его высокие религиозные принципы и строгая мораль.... Что касается меня, я могу только сказать, что я никогда не знал более целеустремленного и честного человека, более свободного от аффектации или самонадеянности, который ожидал меньшего уважения или заслуживал большего, или который более полно внушил мне веру в то, что главной целью его усилий, тем, что всегда было у него на уме, было, совершенно независимо от него, принести пользу тем, кто к нему обращался”.

Доктор (ныне сэр Генри) Эклэнд дал в "Трудах Королевского общества", пожалуй, лучший обзор характера и работы Броуди: “Ни как ученый, ни как хирург, ни как писатель он не был таким замечательным, каким кажется, если смотреть на него таким, каким он был, — целостным человеком, обязательно занимающимся различными профессиями. Невозможно было видеть его действующим в каком-либо качестве, не чувствуя инстинктивно, что там он выполнит свой долг, и сделает это хорошо. Нельзя было представить его и в ложном положении. Джентльмен, согласно его собственному определению этого слова, он поступал с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с ним, уважая их так же, как он уважал себя. Простой в своих манерах, он сразу завоевал доверие; привыкший общаться с самыми бедными в больнице и с самыми благородными в их частных обителях, он сочувствовал лучшим качествам каждого, ценил всех и не презирал ничего, кроме моральной низости. Хотя мальчиком он был замкнутым и скромным,

он был счастлив в компании пожилых людей и, став старше, любил, в свою очередь, помогать молодым. "Я слышал, вы больны", - написал он однажды в зените своей жизни студенту-госпитальеру, о котором тогда мало что знал. "Никто не позаботится о вас лучше, чем я; приезжайте в мой загородный дом, пока не поправитесь"; и студент пробыл там два месяца. Некоторые считали его сдержанным — он был скромен; другие — поспешным - он ценил время и не мог придавать пустякам то, что относилось к настоящему страданию; иногда его считали нетерпеливым, когда его быстрый взгляд уже сказал ему больше, чем пациент мог либо описать, либо понять. Не сознавая себя, обладая сильным здравым смыслом, уверенный в своей правоте или не вступающий на нее, видящий во всех направлениях, скромный, справедливый, отзывчивый, он жил ради одной великой цели - уменьшения болезней. Для достижения этой цели ни один труд не был слишком велик, ни одно терпение не было слишком долгим, ни одна наука не была слишком сложной. Он действительно чувствовал свое счастье в напряженной жизни. Как профессионал, он ценил науку, потому что она так часто указывает путь к тому, что практически полезно для многих; но как человек науки, его единственной целью была истина, к которой он стремился ради нее самой, совершенно независимо от какой-либо другой награды, которая могла последовать за открытием, а могла и не последовать. У него не было обычных недостатков обычных людей, ибо у него не было ни их целей, ни их инстинкта легкости, ни их предрассудков; хотя он разбогател, он не стремился к богатству чрезмерно; хотя он был очень выдающимся, он не стремился к славе; он был любим, не добиваясь популярности. Таким, каким он был сам, каким он позволял быть другим людям, пока не обнаружил, что они другие. Он видел слабые места в своей профессии, но видел в них обломки гор знаний и мудрости, доброжелательности и самоотречения, старого традиционного мастерства, постоянно растущего и всегда очищающегося, — тех вечных структур, на которых основаны настоящая хирургия и медицина. Если когда-либо он и был резок в обществе, то только тогда, когда их недооценивали; если когда-либо и был саркастичен, то только тогда, когда невежды осмеливались судить их.

Таким образом, проливается свет на его ровную карьеру, полную равномерного прогресса. Тренируя свои силы с юности, изучая лингвистику и литературу, занимаясь наукой, усердно практикуя свое искусство, общаясь с людьми, он научился решать разнообразные вопросы, которые встают перед великим мастером врачевания, умом, одинаково привыкшим приобретать знания и общаться, характером, смягченным внимательной добротой, тактом, который стал почти безошибочным благодаря его совершенной честности. Он видел, что любая материальная наука способствует благополучию человека; он одобрял бы все, но ни на что не отвлекался. Он знал цену мирскому влиянию, рангу, положению, когда их правильно использовали; он ничего не искал, ни перед кем не преувеличивал; но он уважал всех, кто, обладая ими, использовал их мудро и принимал то, что приходило к нему без просьбы, свободно раздавал свое всем, кто нуждался, и не искал помощи ни у кого, кроме как в общественных целях.... Те, кто знал его только как делового человека, вряд ли заподозрили бы игривый юмор, который искрился у его камина, запас анекдотов, безобидное остроумие, простые радости его загородных прогулок.

По складу ума он мало чем отличался от самого выдающегося из своих современников, Артура герцога Веллингтона. Те, кто не знал его и кто не ценит силу, необходимую для того, чтобы стать таким мастером медицины, каким он был, могут быть удивлены сравнением. И все же наш великий солдат мог бы принять этот пример без недовольства. За какое бы искусство ни брался Броуди, если бы его правильно нарисовали, он бы полностью овладел им. Самодисциплина

самого сильного человека не может произвести большего эффекта. Тщательность, с которой эти двое мужчин изучали каждую деталь и каждый аспект важного вопроса, спокойный здравый смысл, целеустремленность, готовность использовать обширные профессиональные знания в критических ситуациях, были у каждого одинаковы. Публика и его профессия почитали Броуди как первого в своем искусстве”.

Уильям Лоуренс родился в Сайренчестере в июле 1783 года, его отец много лет практиковал хирургом в этом городе. Получив образование в классической школе близ Глостера, юный Лоуренс в феврале 1799 года поступил учеником к знаменитому Абернети, в доме которого он поселился. Спустя годы, впервые выступая с лекцией в Колледже хирургов, Лоуренс так красноречиво отзывался о своем учителе: “Имея счастье быть посвященным в профессию мистером Абернети и прожить много лет под его крышей, я могу заверить вас с величайшей искренностью, что, как бы высоко публика ни ценила хирурга и философа, у меня есть основания еще более высоко отзываться об этом человеке и друге; о неизменной доброте, которая руководила моими ранними исследованиями, о бескорыстной дружбе, которая помогала на каждом шагу”. о моих успехах в жизни, о доброжелательных и благородных чувствах, независимом духе и либеральном поведении, которые, хотя и делают нашу профессию достойной, завоевывают нашу любовь и вызывают наше уважение к гению и знаниям, превращая эти драгоценные дары в инструменты самого широкого общественного блага”. Лоуренс проявил себя настолько ревностным учеником, что на третий год своего ученичества Абернети назначил его своим преподавателем анатомии, должность, которую он занимал в течение двенадцати лет. Став членом Коллегии хирургов в 1805 году, он был назначен ассистентом хирурга в больницу Святого Варфоломея в 1813 году и в том же году был избран Ф.Р.С. Уже в 1801 году он опубликовал перевод с латыни Описания артерий, выполненного Мюрреем, профессором Уппсалы. В 1806 году он получил премию, предложенную Колледжем хирургов, за эссе о лечении грыжи. Это эссе, когда оно было напечатано, получило немедленное признание, и было опубликовано множество изданий. Вклад Лоуренса в анатомию и хирургию последовал быстро, несколько статей появились в Эдинбургском медицинском и физическом журнале. Его наблюдения за литотомией показали путь к возрождению истинной системы боковых операций ножом. В 1814 году Лоуренса выбрали хирургом в глазную больницу в Мурфилдсе, а в 1815 году - в Королевские больницы Брайдзуэлла и Вифлеема. В последний год он был избран профессором анатомии и физиологии в Колледже хирургов, и, следовательно, возникла одна из самых ожесточенных противоречивых бурь начала этого столетия.

Лоуренс воспользовался случаем, чтобы в своих первых лекциях в 1816 году подвергнуть критике изложение теории жизни Хантера Абернети и изложить взгляды, которые серьезно шокировали тех, кто рассматривал жизнь как таинственную сущность, полностью отдельную от материального организма, с которым она связана, и стоящую над ним. Эти взгляды были подвергнуты критике Абернети в его “Лекциях по физиологии” в 1817 году, и Лоуренс ответил в 1818 году с сарказмом, который привел к серьезному разрыву между мастером и его бывшим учеником. Лекции Лоуренса были опубликованы как “Введение в сравнительную анатомию и физиологию” в 1816 году и “Лекции по физиологии, зоологии и естественной истории человека” в 1819 году. Будучи обвинен Абернети и другими “в извращении почетной должности, вверенной ему Коллегией хирургов, ради весьма недостойного намерения распространять

мнения, вредные для общества, и в попытках навязать их с целью ослабления тех ограничений, от которых зависит благополучие человечества”, он безжалостно использовал свое красноречие как для защиты своей позиции, так и для отражения нападок в свой адрес. Он был не большим еретиком, чем многие из его предшественников, равно как и великое множество просвещенных биологов наших дней. Он рассматривал жизнь как “совокупность всех функций и общий результат их осуществления. Таким образом, организация, жизненно важные свойства, функции и жизнь являются выражениями, связанными друг с другом; в которых организация является инструментом, жизненно важные свойства - действующей силой, функция - способом действия, а жизнь - результатом”. И снова: “мы находим, что движение, свойственное живым телам, или, одним словом, Жизни, берет свое начало в движении их родителей. От своих родителей они получили жизненный импульс, и отсюда очевидно, что при нынешнем положении вещей жизнь проистекает только из жизни; и не существует ничего другого, кроме того, что передавалось от одного живого тела к другому непрерывной преемственностью”.

Лоуренс подвергся яростным нападкам, и его имя ассоциировалось с Томом Пейном и лордом Байроном как заклятыми еретиками. Брошюра 1820 года имеет следующее название: “Радикальный триумвират, или Безбожник Пейн, лорд Байрон и хирург Лоуренс сотрудничают с патриотическими радикалами, чтобы освободить человечество от всех законов Человеческих и Божественных, с табличкой, на которой выгравировано в назидание им: письмо Джону Буллу от жителя Оксона в Лондоне”. Христианский защитник в Кембриджском университете, преподобный Томас Реннелл, среди прочих, взялся за опровержение предполагаемого материализма Лоуренса. Лекции по сравнительной анатомии человека, безусловно, выдвинули в поразительном свете многие взгляды Блюменбаха и показали, что буквальная точность ранних частей Книги Бытия несовместима с фактами зоологии и сравнительной анатомии. Мы могли бы продолжить обсуждение этой темы, но сам Лоуренс помешал своим преемникам с энтузиазмом отстаивать его личное дело, поскольку, когда его призвали уйти со своего поста в Брайдуэлле и Вифлееме, “он не ушел в отставку, а отрекся; скупил все экземпляры своей работы ”Об истории человека” и отправил их в Америку”.^[22] Были проданы многочисленные измененные, а также поддельные издания. Такое поведение лишает его значительной доли нашего сочувствия и уважения. Если бы Лоуренс, подобно Дарвину или Хаксли, придерживался своих взглядов, когда они были наиболее непопулярны, он мог бы одержать победу здравой науки за годы до того, как она была одержана на самом деле. Если бы он был первым, кто открыл истины, которые он провозглашал, и приобрел их за счет своей жизненной энергии, он вряд ли отбросил бы их во время бушующей бури. Но слава досталась не ему. Его судили на волоске и сочли слабым.

Ранние симптомы разногласий между Абернети и Лоуренсом распространились на других сотрудников и привели к созданию медицинской школы на Олдерсгейт-стрит, где Лоуренс читал лекции по хирургии до 1828 года, когда он сменил лекции Абернети по хирургии в больнице Святого Варфоломея. В Олдерсгейтской школе учились такие способные учителя, как Твиди, Клаттербак, Роджет, Тиррелл и Дэвис, и они добились большого успеха. Связь Лоуренса с Глазным лазаретом привела к тому, что он стал авторитетом в области глазной хирургии. В 1830 году он опубликовал трактат о венерических заболеваниях глаз, в 1833 году - трактат о болезнях глаз, а также другие статьи по этой области практики. В конце жизни, в 1863 году, он опубликовал свои ценные “Лекции по хирургии”. Его более мелкие работы слишком многочисленны, чтобы их упоминать.

Будучи студентом, сэр Бенджамин Броуди описывает Уильяма Лоуренса как человека, уже замечательного своими большими познаниями, трудолюбивыми привычками и огромным запасом информации. Позже он охарактеризовал его как человека, обладающего значительным умением вести беседу, изобилующего удачными иллюстрациями и не лишенного злого сарказма. “В публичных выступлениях,” говорит Броуди, “он собран, отлично владеет языком и использует его правильно. В письменной форме его стиль чист, свободен от всякой аффектации, но в целом недостаточно лаконичен.... В том, что он досконально знаком со своей профессией, сомневаться не приходится”. Но сэр Бенджамин приписывает ему не столько оригинальность, сколько эрудицию и трудолюбие.

Именно в его отношении к медицинской политике поведение Уильяма Лоуренса вызывает наибольшие сомнения. Когда Колледж хирургов был закрытой корпорацией, он поставил себя во главе большой кампании за его либерализацию. Красноречивая речь в таверне франкмасонов в 1826 году была одной из характерных черт кампании, в которой он искренне присоединился к the Lancet в нападениях на старомодную систему Колледжа. “Но,” пишет the Lancet, “Совет боялся его и избрал в свой состав. С этого момента мистер Лоуренс стал консерватором и обструкционистом и сохранял этот характер до конца своей жизни. Он не только бросил своих бывших друзей, но и не упускал возможности поносить их.... Мистер Лоуренс в течение длительного периода, когда он был членом Совета и Палаты экзаменаторов, решительно и последовательно выступал против любых попыток улучшить образование и статус хирурга общей практики”.

Лоуренс дважды был президентом колледжа и не раз произносил хантерианские речи. В последнем из этих случаев, в 1846 году, когда недавно был получен новый устав, который не отвечал справедливым чаяниям членов Колледжа, никого, как говорят, не удалось убедить произнести хантерианскую речь, пока Лоуренс со свойственным ему полемическим рвением не бросился в прорыв. Собралась многочисленная аудитория, по большей части враждебно настроенная; и Лоуренс, вместо того чтобы избегать споров, одновременно защищал и одобрял действия Совета. Поднялась буря негодования, особенно среди тех, кто двадцать лет назад слушал его противоречивые выступления. Но “оратор был невозмутим в самый свирепый момент бури. Несомненно, в тот раз он проявил свои самые выдающиеся ораторские таланты. Когда он позволил своей аудитории выразить свое недовольство высказанными им чувствами, он завершил свою речь самой виртуозной и красноречивой речью, которая вызвала аплодисменты собрания”.

“Придя к справедливой оценке характера сэра У. Лоуренса, следует признать,” пишет the Lancet, “что по большинству высших качеств ума он заслуживал восхищения. Его таланты были высочайшего уровня, которые редко превзойдены в нашей профессии. Как писатель, его стиль был энергичным, ясным и убедительным. Как лектор, по манере держаться, содержанию и выразительности, он не имел превосходства в профессии нашего времени, если не считать Джозефа Генри Грина. Как оператор, если не один из величайших, он имеет право занимать высокое положение. Но следует признать, что “его принципы были несколько распушенными, а сердце - несколько жестким”. Сейчас мы говорим о нем исключительно в общественном качестве, ибо во всех отношениях частной жизни он был самым достойным и любящим человеком. Несмотря на низкую оценку, которую он давал хирургам общей практики, вполне вероятно, что ни у одного чистого хирурга современности никогда не было такой большой общей практики, как у него. Если бы они были компетентны только в ”общих требованиях

хирургии", он, во всяком случае, считал себя способным лечить любой класс заболеваний, будь то медицинские или хирургические".

Физически Лоуренс был хорошо развит и энергичен, выше среднего роста, с высоким лбом, холодными, но пронизательными голубыми глазами, классическим носом, большим выразительным ртом и твердым подбородком определенного размера. Он всегда был в некоторой степени подвержен потере нервной силы в области лица или в нижних конечностях. В 1865 году он начал ослабевать, и, наконец, у него началась гемиплегия, и второй приступ, в Зале заседаний Коллегии хирургов, полностью свел его с ума. Но он оставался в сознании до последнего, умерев 5 июля 1867 года. Его бюст украшает помещения Медико-хирургического общества, а другой находится в Колледже хирургов. Титул баронета был дарован ему только в марте перед его смертью. Он долгое время был чрезвычайным хирургом королевы и, наконец, хирургом-сержантом. О нем говорили, что он соблюдал свои обязанности как можно дольше; но можно ответить, что он был полон жизненных сил и умер в упряжке.

СНОСКИ:

[22] Журнал "Ланцет", 13 июля 1867 г. Впоследствии было показано, что Лоуренс не имел никакого отношения к американским спекуляциям.

КОНЕЦ ТОМА I.

НАПЕЧАТАНО ИЗДАТЕЛЬСТВОМ BALLANTYNE, HANSON AND CO. ЭДИНБУРГ И ЛОНДОН.

Примечание переписчика

страница [viii](#) (оглавление) Страница предисловия должна быть [v](#), а не [vii](#)
стр. [2](#) Изменил Его школьные годы на: школьные годы
стр. [16](#) добавил точку в конце предложения: и о мышечных упражнениях
стр. [42](#) заменил запятую на точку в: из чего они возникли
стр. [163](#) добавил точку с запятой в: как великий химик
стр. [163](#) изменился, но кажется, что: но он появляется
стр. [228](#) изменил написание Святого Батоломью на: Святого Варфоломея
стр. [233](#) изменил двойные кавычки вокруг прочитанных лекций. в одинарные кавычки:
собираюсь прочитать лекцию,
стр. [294](#) Изменил текущие подкожные операции на: В настоящее время,
стр. [304](#) изменил написание Upsala на: Профессор в Уппсале,
Добавил указатель из тома 2.